

КОНАН И ВЛАДЫКА ЛЕСА

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЬМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОЛДУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОБЕДИТЕЛИ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7
КОНАН НА ДОРОЖЕ КОРОЛЕЙ 8	КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ 9	КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРЯДУЩЕГО 14
КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛЯЩИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ПСЫ ВОЙНЫ (НЕ ИЗДАНО) 16	КОНАН И ТАЛИСМАН ЗАА (НЕ ИЗДАНО) 17	КОНАН И БИЧ НЕРТАА 18	КОНАН И ГОРОД ПЛАЧЕНЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРДЦЕ АРИМАНА 21
КОНАН И БАГРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОИНСТВО МРАКА 24	КОНАН ВАРВАРИЗ КИММЕИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛЕННИКИ БЕЗАНЬ 27	КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28
КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКОЛТЫЙ ИДСА 32	КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАЖ 34	КОНАН И ТОРГОВЦЫ ГРЕЗАМИ 35
КОНАН И АЛТАРЬ ПОБЕДЫ 36	КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОЖИРАТЕЛИ ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКЛЯТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40	КОНАН И ВЛАДЫЧИЦА НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42

Всё о
КОНАН

КОНАН И ВЛАДЫКА ЛЕСА

ас

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

Москва • Санкт-Петербург • 2003

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)
К64

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

Художник Петр Кудряшов

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с разрешения автора.*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.11.02.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая с ФПФ. Бумага
типографская. Усл. печ. л. 20,16. Тираж 10 000 экз.
Заказ 4638.

Конан и Владыка Леса: Сб. — М.: ООО «Издательство
К64 АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2003. — 380, [4] с. —
(Конан).

Содерж.: Корона Аквилонии: Роман / О.Б. Локнит. Владыка
Леса: рассказы / С. Неграш.

ISBN 5-17-016074-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93699-040-1 («Северо-Запад Пресс»)

В очередном томе «Саги о Конане» читателя ждет встреча с новым
романом Олафа Бьорна Локнита «Корона Аквилонии», где повествуется о
событиях, сопутствовавших восшествию киммерийца на тарантийский
престол.

Рассказы французского автора Сержа Неграша продолжают говард-
скую традицию и описывают увлекательные приключения бессмертного
варвара, отважно сражающегося с нечистью и колдунами.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2002

От Олафа Локнита:

это не столько предисловие, сколько
небольшое рассуждение о сущности
литературы *fantasy*, основанное на ра-
ботах исследователей творчества про-
фессора Дж. Р. Р. Толкина и личных
умозаключениях, основанных на извест-
ной сентенции некоего всемирно из-
вестного принца, обозначенной как...

Слова, слова, слова...

... Именно так ответил Гамлет датскому премьер-
министру Полонию, на вопрос о том, что написано в
книге: *слова*.

Сегодня мистер Олаф Локнит жаждет поговорить
со своим читателем именно о словах. Точнее, о слове
и предмете, который данное слово обозначает.

Вот кстати, двумя строками выше я назвал одно-
го из героев знаменитой трагедии Шекспира «пре-
мьер-министром» и был совершенно прав — старик
Полоний действительно исполнял при датском ко-
ролевском дворе обязанности, примерно соответст-
вующие обязанностям главы правительства. Только
во времена Шекспира называлось эта должность не-
сколько по-другому: государственный канцлер. Дей-
ствуя по схеме замены старинных слов более совре-
менными синонимами, я могу кому угодно дока-
зать, что например в Древнем Риме существовали

оперативные сотрудники уголовной полиции (квесторы), мэры городов (префекты), председатели муниципальных комиссий по благоустройству (курульные эдилы) или начальники штаба военного округа (провинциальные консулы).

Теперь, если вы разбираетесь в римской истории, попробуйте перевести на понятный всем и каждому язык такую фразочку: «В консулярный трибунат из аэтрария прибыл цензор, чтобы провести ауспиции, а затем собрать трибы и избрать эдилов в консилиии плебса». Кто переведет с ходу, тому обещаю подарить полное собрание моих сочинений с автографом.

Ладно, не стану долго посмеиваться над вашими озадаченными лицами. «Перевод» этой немыслимой галиматии таков: чиновник, ответственный за финансовую и демографическую политику Рима, прибыл из здания казначейства в коллегию высших должностных лиц, чтобы провести ритуальные гадания, перепись населения города и помочь означенному населению выбрать депутатов в муниципалитет. Все сразу стало понятно и знакомо до боли в зубе мудрости!

При очень большом желании эту фразу можно снова переделать в нечто абсолютно непроизносимое с помощью понятий, известных в средневековой Франции, древнем Египте или императорской Японии. Но, полагаю, одного примера будет достаточно. Слова разные, хотя предмет остается неизменным.

* * *

Давайте вернемся из мира исторического в мир фантастический и поразмыслим, как же быть с эти-

ми непонятными словами во Вселенной Хайбории? Допустимы ли в хайборийском Универсуме генералы, министры, камер-лакеи или лейб-гвардейцы?

...Несколько лет назад я пришел в свое издательство в Окленде по делам насквозь коммерческим и, пока высокое начальство изволило задерживаться, стал свидетелем напряженного спора меж двумя редакторами: две пухленьких дамы, готовившие к выпуску текст «Саги» одного из американских авторов пытались выяснить, можно ли называть Паллантида (одного из высших командиров королевской гвардии Аквилонии) «генералом». Спросили совета у меня.

Без долгих размышлений я ответил, что генералы, вернее соответствующие сему понятию должности, в армии Аквилонии несомненно существовали, но чтобы сохранить «фантастическую» стилистику, лучше бы Паллантида поименовать не «генералом», а «легатом». Никто не знает и никогда не узнает, было ли в Хайбории военное подразделение с названием «легион», но это слово звучит «древнее», нежели «дивизия» или «батальон». Кроме того, понятие «генерал» совсем уж новое — впервые эти звания появились около двухсот лет тому, во времена Великой Французской революции. А вот легаты воевали уже две с половиной тысячи лет назад и захватили для Рима половину обитаемого мира...

Кстати, с Паллантидом вообще было много возни и непоняток. Много лет назад, когда писалась «Полуночная Гроза», мне пришлось претерпеть несколько малоприятных стычек с главным редактором именно из-за этого персонажа. С писательским снобизмом я скажу, что редактор почему-то всегда считает себя умнее автора — это сейчас Олаф Локнит является

мэтром и авторитетом, с чьим мнением полагается считаться, а тогда мне категорически запретили писать «Юний Паллантид» вместо просто «Паллантид». Оказывается, наш классик и отец-основатель Роберт Говард, где-то упомянул, будто Паллантид не более, ни менее как... гирканец! Следовательно, никаких «Юниев» в его имени быть не может! Поскольку в те времена я еще не успел убедить многомудрое литературное начальство в том, что у Говарда все было неправильно, «Юния» безжалостно вычеркнули.

Давайте зададим себе несколько вопросов. Для начала: с чего это вдруг человек с именем, имеющем явные романские корни — Паллантид — внезапно оказался гирканцем, то есть происходил из кочевого племени, в мире Хайбории примерно соответствующему монголам XII-XIII веков? Бог-то с ним с именем, это малозначащая деталь! Вы лучше объясните, каким образом при аквилонском дворе появился гирканец? Да еще и стал командиром гвардии? Если Аквилония является неким аналогом Франции эпохи раннего средневековья, то давайте на миг представим, что при царствовании королей Людовика Святого или Филиппа IV Красивого маршалом Франции стал монгол. Например, внук Чингиза Бату. Вот понравился он королю Филиппу! Умный, решительный, воевать неплохо умеет... А если вдумчиво поискать на периферии, то во французские маршалы можно запросто переманить сарацина, индуса или паузаса! Может такое быть? Верно, не может.

Вывод прост. Великий и ужасный Роберт Говард снова ошибся. Что-то недопонял или просто неверно указал в рукописи. Посему сочтем, что Паллантид — коренной аквилонец и на том успокоимся.

Слышу возражения — но ведь Хайбория изначально фантастична! Там возможно очень многое, включая гирканцев в Аквилонии или аквилонцев в Кхитае! И вообще, такое решение было бы вполне политкорректным.

Первое: если Хайбория настолько фантастический мир, то давайте наплюем на все законы социологии и на менталитет человека древности, ясно гласящий — не ставь чужака на ответственные посты! Хоть на куски режьте, но я не могу вспомнить ни одного монгола или араба, занимавшего важные должности при французских королях. И не знаю ни одного француза, командовавшего туменами Чингиз-хана или конным войском султана Салах-ад-Дина... Кесарю кесарево.

Второе: называйте меня консерватором и ренегатом, но это странное слово «политкорректность» мне совершенно непонятно. Неужели ради политкорректности в компанию друзей Конана обязательно надо вводить гирканцев или афро-американцев (а ведь это звучит! Попробуйте фразу на вкус: «Конан и его приятель Мбанга афро-американского происхождения ехали по широкой Хайборийской степи...»)?

Тогда, чтобы никому обидно не было, следует принять самое политкорректное решение: Конан был черным, женщиной, инвалидом, с нестандартной сексуальной ориентацией, умственно-отсталым от рождения и состоящим в клубе Анонимных Алкоголиков. Ах да, передвигается он (она?.. оно?..) сугубо на инвалидной коляске.

Живописная картинка? Эдакая бытовая зарисовка в стиле Брейгеля. Надо будет посоветовать художникам Ройо или Вальехо изобразить Конана именно в

таком виде... Никакой я не расист, просто не вижу смысла смешивать модные направления современной политики и миры *fantasy*. Возможно, кому-нибудь нравится намазывать на хлеб нефть, но только не мне. Не забудем, однако, что и хлеб, и нефть одинаково полезны. Пускай и несовместимы.

Мы, однако, отвлеклись от главной темы. Слова в фантастическом мире значат очень многое, причем далеко не всегда обозначают то, что автор хочет описать. Поскольку эту статью будут читать не только на английском языке, но и в переводе, я попытаюсь растолковать несколько примеров наиболее подробно, чтобы не знакомый с английским читатель в Германии, Франции, России, Аргентине или Норвегии понял, о чем идет речь.

Вот скажите, в чем разница между гномами и гномами? То есть между английскими словами *dwarves* и *gnome*? А ведь семантика у этих понятий совершенно разная! *Dwarves* — это классические персонажи *fantasy*, невысокие, но мощные бородачи, вооружены секирами, мастера на все руки. Гимли из «Властелина Колец» Дж. Толкина и Фрам, сын Дарта из моих романов о Пограничном королевстве — явления одного порядка, близкие родственники. *Gnome* — другие. Они тоже невелики ростом, однако худенькие, бород не носят, у них тонкие изящные пальцы, длинные носы и острые черты лица, гноме обожают ремесло ювелиров, они изобретатели и в чем-то фантазеры. Разделение этих двух понятий я видел только в романах двух авторов — в «*Dragon Lance*» М. Уэйт и Т. Хикмен и у польского писателя А. Сапковского.

(Прим. переводчика: видимо О. Локнит имеет в виду

польский синоним нашего слова «гном» — «*krasnotudek*», которым обозначались дверги, в то время как гноме оставались неизменными).

Вернемся, однако, к Толкину, как к самому показательному примеру фантастического словотворчества. Толкин очень смело перемешал в своем классическом романе «странное и привычное», придавая огромное значение последовательности и интонации слов. Что же Толкин, как классик и родоначальник жанра, проделал со всем известным словом *dwarf* — «гном»?

(Прим. переводчика: в английской традиции слово «*dwarf*» по большей части означает «гномика» наподобие героев сказок братьев Гримм, но только не «гнома» в привычном понимании читателей литературы *fantasy*.)

Это очень древнее понятие — сравните древнеанглийское *dweorh*, стародатское *dvergr*, древневерхне-немецкое *twerg* и готское *dwaigrs* (а на готском языке уже полторы тысячи лет никто не говорит, кроме определенного круга лингвистов...). Вероятно, это слово долго было синонимом слова «эльф», вызывая множество недоразумений — взять хотя бы деление эльфов на светлых, серых и темных. Толкин, не забывая об этой классификации, дал ей отражение в легендах «Сильмариллиона». Еще интереснее существующий во многих источниках намек на то, что с людьми гномы жить могут, а вот с эльфами — никогда. У братьев Гримм в «Белоснежке» — гномы оказывают девушке помощь, а в сказке «Белоснежка и алая роза» гном проявляет черную неблагодарность и вообще ведет себя непolitкорректно... Гном всегда ассоциируется с золотом, богатством, рудниками — тут вам и Андвари из «Эдды», и Альбрехт, хранитель

клада Нибелунгов, и Даин из «Сэра Орфео». Все это — дверги.

Толкин изначально полагал, что многие слова и словоформы делятся на два типа — «старые, традиционные, подлинные» и «новые, неисторические, ошибочные». Исходя из данного постулата, он сформулировал свое мнение, которое звучит примерно так: слова, принадлежащие к первому типу не только более «истинны», но и более интересны, они заставили считаться с собой на протяжении тысячелетий, они обладают «внутренней непротиворечивостью» по отношению к Малому Творению — Вселенной Средиземья. После первого издания «Властелина Колец», Толкин впал в ярость, увидев, что редактор (этот тоже посчитал себя умнее автора...) с самыми лучшими намерениями и в соответствии с правилами современного английского языка на всем протяжении книги заменил «dwarves» на «dwarfs», «elven» на «elfin» и так далее.

Причины расстройств профессора Толкина состояли в том, что в английском многие «старые», «исконные» слова, которые заканчиваются на -f, можно отличить от «новых» по формам множественного числа. Старые, древнеанглийские слова наподобие hoof (копыто) или loaf (буханка) образуют множественное по образцу: hooves, loaves. А к «новым словам» попросту добавляется окончание -s (proofs, tiffs, rebuffs и т.д.). Посему написание «dwarfs» выглядело для Толкина неуклюжей попыткой «обкорнать» слово, лишить его подлинности и «сказочности». Причем Толкин указывает, что в идеальном варианте следовало бы использовать совсем уж старинную форму «dwarrows».

Выбор архаичной формы множественного числа Толкин объяснял тем, что гномы Средиземья очень сильно отличаются от «гномиков» поздних английских или германских сказок, а уж тем более от уродцев Уолта Диснея, к которому писатель испытывал стойкую неприязнь (Letters of J. R. R. Tolkien. London, 1981).

С той поры большинство англоязычных авторов fantasy используют именно толкиновскую формулировку, дабы дать понять читателю, что их гномы — самые подлинные и настоящие, а не какие-нибудь там dwarfs.

(Прим. переводчика: в русском варианте подобные архаизмы могли бы выглядеть так: «страшныя лесныя разбойники»; «сказочныя лесныя птицы», «животнаго» вместо «животного», «кошачьяго» вместо «кошачьего» и т.д. в соответствии с правилами русского языка до послереволюционной реформы орфографии 1919 г. Кроме того, существуют особенности произношения, окончаний которые можно проследить в фамилиях как автора этой статьи, так и многократно упоминавшегося профессора Дж. Толкина — «Tolkien», «Lokniet».

В английском и немецком языках дифтонг «ie», используемый в древнеанглийском или древненорвежском вариантах (а обе фамилии имеют весьма архаичное происхождение, то есть со времен, когда норвежец и англо-сакс могли общаться на очень похожих наречиях, как ныне русский и белорус) читается как долгое «и», но не как «ие». Соответственно, не «Толкиен», а «Толкин», и не «Локниет», а «Локнит», с ударением одновременно на «о» и «и», а также большей протяженностью данного звука при произношении. Сравним с немецким «Turnier» — «турнир» и т.д.).

* * *

...Аналогичная история произошла и с понятием «эльфы» — об этом слове можно рассуждать почти бесконечно. Английское «fairy» сейчас означает «фея», «волшебное существо», «волшебное» как прилагательное, «Волшебная страна» как название. Литературные энциклопедии формально указывают, что «fairy» это и есть то слово, которое необходимо предпочитать всем остальным, а в современной литературе «эльф» является не более чем синонимом «fairy», которое в значительной мере заменило слово «эльф» даже в диалектах.

Но спросите любого англичанина (именно англичанина, а не англоговорящего туземца откуда-нибудь из США или Индии), что же такое fairy, и вы получите стандартный ответ: это волшебное существо, нечто «неопределенно-хорошенькое», маленькая добрая фея со стрекозиными крылышками и магическим жезлом, что-то умирительно-сказочное в сладенькой стилистике Гарри Поттера...

И где же тут возвышенные и мудрые «сверхчеловеки» из «Властелина Колец»? Назвать Галадриэль или Феанора словом fairy просто язык не поворачивается! Давайте еще поименуем, допустим, известный «Титаник» ладьей или лодочкой! Толкин, однако, докопался до сути: fairy — это тоже «неправильное новое слово», да вдобавок еще и заимствованное, не британское! Производное от французского «fée» — «фея»! Надо искать правильное слово, ибо именно с правильных слов начинается хорошая литература...

Толкин отлично знал с чего начинать, чтобы точно обозначить своих эльфов верным словом. Помогла

английская и германская традиция, а именно скандинавское alfr, древнегерманское alr и древнеанглийское aelf. В поэме «Беовульф» есть такая строка: «eotenas ond ylfe ond orcneas» — «тролли, эльфы и демоны», а в «Сэре Гавейне и Зеленом рыцаре» довольно нервно описывается появление при дворе короля Артура зеленого великана с огромным топором — «aulish mon», «сверхъестественное эльфийское существо».

Изначально, в древности, понятие «эльф» не несло в себе положительной нагрузки — автор «Беовульфа» причисляет эльфов к потомкам первоубийцы Каина и ставит их в один ряд с троллями и демонами, но с другой стороны история сэра Гавейна и Зеленого рыцаря дает понять, что даже с эльфами можно иметь дело. Неоспоримо одно — эти твари очень-очень страшные и жуткие, а вот в древней Исландии слово «жертва» (как кровавое приношение) напрямую увязано с эльфами — «alfa-beot». По отношению к эльфам человеку свойственна смесь страха и влечения — персонажи некоторых легенд уходят в королевства эльфов, но потом обязательно оттуда убегают. А леди Изабель из одноименной шотландской баллады с трудом спасает свою девственность от эльфийского рыцаря-обманщика, которого себе на горе сама же и вызвала.

Чосер в «Истории женщины из Бата» отпускает ряд двусмысленных шуточек, связывая эльфов и... тамплиеров; последние, по словам Чосера «все-таки более падки до молодых женщин, нежели эльфы, хотя репутация у тех и других одинаково скверная». Связка «молодой человек — эльфийская королева», кончается тем, что человек впадает в отчаяние, пото-

му, что его «бросили». Это, кстати, прослеживается и у Китса в «Гиперионе». Словом, единение привлекательности и опасений.

Нотки опасности проявляются даже во «Властелине Колец» — Фарамир, например характеризует Галадриэль как «губительно-прекрасную», а Сэм Гэмджи прямо говорит: «...Владычицу, конечно, очень даже можно назвать опасной, хотя бы потому, что в ней столько силы!» Загляните в книгу и напомните себе, как относились к эльфам Боромир и всадники Йомера — все сразу станет ясно.

Толкин идеально объединил светлые и темные стороны легенд и предоставил читателю классических *elves* литературы *fantasy*, с которыми мы знакомы уже на протяжении полустолетия — прочие авторы действовали по толкиновской схеме, забыв о существовании «хорошеньких» *fairy* и заместив оных массой разновидностей альбов, альвов и эльфов. Найденное Толкином слово прижилось навсегда. *Fairy* же остались в своей *Fairy-land* — в неопределенной «Волшебной стране», наподобие сказки Баума про Изумрудный город.

Но фантастическое словотворчество не ограничивается «воссозданием» древних слов и понятий. Давайте поговорим о «голосе рассказчика» и «литературной достоверности», которые и наполняют миры *fantasy* глубиной и трехмерностью.

* * *

Допустимы ли в произведениях героической *fantasy* анахронизмы? То есть можно ли использовать в произведениях этого жанра «погрешности от соедине-

ния неодновременных событий», как объясняет это слово энциклопедия?

Снимем с полки знаменитую книгу Дж. Р. Р. Толкина «Хоббит или туда и обратно», пролистаем, вдумчиво почитаем, отделяя некоторые интересные слова.

Мы знаем, что такое Мир Средиземья, знакомы с его основными законами, историей, языками и географией. Но почему же тогда Дж. Толкин допускает в существовании своего Универсума столь режущие глаз анахронизмы наподобие «рождественской елки», хотя в Средиземье никакого «Рождества» просто быть не могло, ибо действие разворачивается в глубочайшей дохристианской древности, пускай и у нас, на Земле? Однако, Толкин не ограничивается елками или упоминанием «файв-о-клок'а». Я, например, не представляю, как можно перевести с английского на другой язык такую фразу: «Unless otherwise arranged for», каковая является довольно сложным бюрократическим канцеляризмом викторианской эпохи — и это в сказочном мире!

(Прим. переводчика. Данная фраза заканчивает договор Бильбо и гномов и (с трудом) может быть переведена на русский язык следующим образом: «<похороны за наш счет или за счет правопреемников>... в случае возникновения юридического факта необходимости». Перевод приблизительный, поскольку перевести дословно этот бюрократический шедевр невозможно.)

Но дальше — больше. Когда история с золотом дракона подходит к концу, Бильбо начинает требовать свою долю тоном современного адвоката из арбитражного суда. Хоббит проводит различие между выручкой и чистой прибылью, употребляя вовсе уж

современные слова. Например «profit» — «выручка» появилось в английском языке лишь 300 лет назад, а слово «интерес» (экономический) — около девятист лет тому. Герой, отчетливо скопированный из древних саг (Бард-лучник) разговаривает в полном соответствии с эстетикой сказочного мира, а Бильбо говорит языком бизнесмена, буржуа. Не знаю, как в иноязычных переводах, а в английском оригинале это столкновение стилей вызывает у читателя улыбку.

Попробуйте поговорить с английской королевой на жаргоне американских подростков из Гарлема, что получится? И смех, и грех... Исследователь работ Толкина, доктор Том Шиппи, объясняет: «На этих страницах происходит чудо — древний мир, оказывается, способен воспринять мир новый, два разных стиля не антагонистичны. Происходит подлинная встреча двух миров и времен, и это может быть подлинное счастливое разрешение стилистического конфликта».

У Толкина разрешить данный конфликт получилось благодаря жанру повествования — автор-рассказчик адресует сказку современному читателю, который «привык» к определенным словам, понятиям и фразам; с помощью анахронизмов писатель дает понять, что Вселенная Средиземья, что не какое-то «отражение» или «параллельный мир», а наша планета, пускай и в глубокой древности. Это опять же подчеркивается всем нам знакомыми понятиями — пятичасовой чай, трубка с табаком (вернее, с «трубочным зельем» — «pipeweed», ибо слово «tobacco» в английской сказке неуместно, поскольку заимствовано), пиво, кексы, жареный цыпленок... То же самое происходит и с природой — во «Властелине Колец»

мы встречаем не только удивительные деревья эльфов, наподобие мэллорнов, но и вполне банальные сосны с березами, ежевику, белые грибы, вереск. Давайте согласимся, что Земля (Средиземье, Хайбория) — это наш мир, другого нам не дано. Посему примем ежевику или морковку как данность...

Замечу на полях: несколько лет назад один из редакторов (которому, само собой, какие-то там толкины не указ) с пеной у рта мне доказывал, что в Хайбории никаких сосен или клюквы на болотах Пограничья быть просто не может! Аргументы были примерно такие: представьте себе Конана, который пошел за клюквой! Я лично могу себе такое представить, ничего сложного, вдруг человеку покушать ягод захотелось в свободное от подвигов время? Если Фродо можно, то почему Конану нельзя? Тем более, что по моему разумению, Хайбория пришла на смену именно Средиземью — наша планета «перекочевала» из одного мифологического пространства в другое.

Спорить с начальством, как известно, бессмысленно и себе дороже. Мне прямо сказали: выкидывай свои сосны, елки, березы и прочие «неадекватные» детали, «портящие впечатление от фантастического мира» и заменяй деревьями «сказочными». Были названы какие-то непроизносимые слова, видимо обозначающие деревья — мне предлагалось сии «фантастические» понятия использовать в тексте. Признаюсь в жутком преступлении: редакцию я надул — взял словарь стародатского языка, на котором разговаривали викинги, и запросто перевел сосны с елками на стародатский. Названия не прижились, а потом я благополучно вернулся к общеизвестным по-

нятиям — как хорошо быть знаменитостью, которой можно упомянуть в романе о Хайбории простое и красивое дерево: сосна! Опять же, никто не требовал у Толкина заменить ежевику на какую-нибудь «ягоду Сине-зеленого волшебства», дабы книга получилась «фантастичнее»...

В использовании анахронизмов, на мой взгляд, следует придерживаться мнения основателя жанра — всегда выигрышно сочетание «анахронизм плюс привычность».

Соответствующий пример. В третьем томе «Властелина» Сэм предлагает Горлуму: «...давай я приготовлю для тебя кое-что получше, жареную картошку с рыбой». Есть ли что-нибудь более «английское»? Но и ничего менее «древнеанглийского»? Хотя в данном случае, хоббиты находятся более в нашем времени, чем в «сказочном». Но впечатления «сказки» рыба с жареной картошкой ничуть не портит, задействованы наши привычки — было бы куда страннее услышать от Сэма предложение «покушать мяса гримлока с плодами атуара». И непонятно, и бессмысленно. И бестолково, потому что никто не знает, что именно хотел сказать автор ради «большой фантастичности».

Впрочем, Толкин с анахронизмами достаточно осторожен. Слово «помидор» (tomatoes) фигурирует только в первом издании «Хоббита», потом оно заменено на «маринованные огурчики», ибо огурцы наши предки ели со времен Каменного века, а помидоры появились только 400 лет назад. Тот же Сэм Гэмджи вместо слова «potatoes» (картофель) говорит «tartes» (клубни), — это слово куда привычнее англичанину, чем первое, сразу бросающееся в глаза своей чужеродностью.

(Прим. переводчика: сравните с «не-русскими» названиями фруктов наподобие «киви», «авокадо» или «манго». Я не раз слышал, как на рынках киви именовали «зеленой картошкой». Адаптация «чужого» слова к русскому языку налицо. Но для нас было бы странно услышать вместо привычной «картошки» изначальное название сего продукта — «тертофолли», тем более, что картофель после появления в Европе использовался в качестве десертного блюда, с сахаром, сиропом или медом.)

Анахронизм и привычность... Я не знаю, что именно в «Саге о Конане» полагать анахронизмом. Есть, разумеется, некие фразы, которые в «Саге» неуместны, вроде «организованной преступности Шадизара» у Д. М. Робертса или «генералов» у К. Уэйнрайта. Если вы не получили филологического образования, самым заниматься словотворчеством нет смысла. Допустим, ради пущей экзотики, поименовали вы вождя нордхеймцев вычитанным где-то древнескандинавским словом «трэль» (troele), а потом выясняется, что викинги так называли рабов...

Смешно? По-моему, не очень. И тем более не следует выдумывать слова, являющиеся пустым набором звуков, не имеющим в реальном мире никакого смысла; лучше почитайте словари древних языков и переведите «анахронизм» на древнеанглийский, стародатский, латынь, готский или гэльский.

Итак, с «краткой теорией использования анахронизмов» мы ознакомились, вспомним теперь о важном термине «Literary credibility» — «Литературная достоверность». Давайте узнаем, каким образом профессор Толкин добивался прямо-таки уникальной достоверности своих текстов с помощью обычных слов.

По ближайшему рассмотрению, все очень просто — стоит лишь присмотреться. Самым первым пристально «присмотрелся» упомянутый Томас Шиппи, авторитет, с которым спорить невозможно. Я могу приводить лишь цитаты из работ Шиппи, и далее делать свои глубокомысленные выводы, которые вовсе не есть истина с самой последней инстанции...

Кстати, переведите на язык мира *fantasy* слова «последняя инстанция».

Получилось? И у меня не получилось. И ни у кого не получится. Почему? Пусть любой из вас объяснит, допустим, святому Бернару Клервосскому, жившему 850 лет назад, что такое операционная система Windows-2000.

Объяснили? Рад за вас. Тогда будем разговаривать далее.

* * *

Один из спорных законов литературы утверждает: истина — в избыточности, чем больше в тексте «ненужных» деталей, тем больше проза похожа на жизнь. Я с этим постулатом вполне согласен. Но прежде всего знать меру.

Вновь обратимся к классикам, только на время оставим профессора Толкина и вспомним книги отца приключенческого жанра Александра Дюма-старшего. Любая его книга — это немыслимый конгломерат помянутой «избыточности», оснащенный множеством подробностей и деталей в описаниях. Я прямо сейчас встал, взял первую попавшуюся книгу из собрания сочинений Дюма (оказалось — «Двадцать лет спустя») и раскрыл наугад. Отлично, глава XIX, повествующая

о житии герцога Бофора в Венсенском замке — пример более чем показательный.

На протяжении доброго десятка страниц Дюма потчует читателя байками, которые не имеют ровным счетом никакого отношения к основному сюжету романа. Мы узнаём, как герцог Бофор рисовал, играл в мяч, дрессировал собаку, устраивал представления для своих тюремщиков и ругался с ними, и так далее, и так далее... Правда, во всех действиях Бофора прослеживалась его неприязнь к кардиналу Мазарини. На подчеркивание отрицательного отношения к кардиналу, автор извел уйму бумаги, с учетом огромных тиражей книг Дюма во всем мире, ее количество можно смело исчислять тоннами. И все это вместо того, чтобы просто написать одну фразу: «Герцог Бофор очень не любил кардинала Мазарини».

Однако, была бы нам интересна такая фраза, без объяснения причин этой нелюбви? Скажите какому-нибудь инопланетянину о том, что некто Джордж Буш очень не любит некоего Бен-Ладена и марсианин может подумать все, что угодно! Например посчитает, что понятие «Бен-Ладен» обозначает пищу, средство передвижения, телепередачу, диван, компьютер, лекарство или мусорный бак. Все эти вещи можно «не любить»... И только при подробном объяснении станет понятна подоплека. Александр Дюма идет на максимальное «приближение к реальности» путем накрутки огромного количества подробностей — и вот, мы видим перед собой герцога Бофора почти живую, знаем, какая обстановка была в его камере, чем он питался, как развлекался. И, конечно, мы узнаем характер описываемого человека. «Избыточность» превращается в «правдоподобие», а ведь рома-

ны Дюма исключительно правдоподобны, хотя к реальной истории имеют лишь касательное отношение — классик крутил историческими фактами как хотел, не утруждаясь подгонять свои сюжеты под реальные события, происходившие во Франции эпохи позднего Средневековья и Нового времени.

Другая история: лет несколько назад, некая девица пробовавшая свои силы в литературе, задала мне вопрос, вроде «как добиться достоверности». Я спросил любопытствующую мадемуазель:

— Как вы думаете, что делает человек, просыпаясь утром?

— Одевается, — разумно ответила литературная дева. — Умывается, завтракает...

— Да ничего подобного! — возмутился я. — Один только процесс надевания сапог можно расписать на целую страницу! Представьте, что герой вечером пришел вдрызг пьяным, один сапог зашвырнул под шкаф и теперь его надо оттуда вынимать, в процессе изъятия сапога из пыльных недр пространства под шкафом, можно найти золотую монету, закатившуюся туда полгода назад (и с ее помощью полегчить от похмельной головной боли, купив на следующей странице пива), в другой сапог приятели героя засунули шутки ради дохлую мышь, потом выясняется, что оба сапога — правые, а куда подевался левый, еще надо подумать... Хоть целую повесть сочиняй про сапоги!

Дева сказала, что ей все понятно и теперь пишет длинные плохие романы.

Итак, первое правило достоверности мы определили: разумная избыточность деталей. Главное — не увлекаться. Кстати, издатель однажды отверг мой

роман, посчитав его неинтересным из-за того, что там были описаны события всего двух дней...

Учитывая психологию современного читателя, становится ясно, что воссозданию мира древних легенд (от Средиземья до Хайбории) мешает почти непреодолимое препятствие — характеры героев. Мы сейчас смотрим на Зигфрида, Хагена, Беовульфа или Сигурда скорее иронически, чем почтительно — наше время, наше «бюргерство» не приемлет героизма. Отлично помню несколько истерическую передачу компании NBC, вышедшую в ужасном сентябре 2001 года — там повествовалось о том, что «герои нашего времени», голливудские кинозвезды, поминутно спасающие мир на экранах, после атаки на США 11 сентября наглухо заперлись на своих виллах, отказавшись от полетов на самолете, визитов и путешествий. Испугались, что никак не вязалось с привычным для обывателя стереотипом героя боевика, благополучно перенесенного на обычных, в общем-то, людей — актеров. Конечно, испугаешься тут...

Сработал безусловный рефлекс бюргера, свойственный нашей благополучной цивилизации — в кино геройствуй, сколько влезет, а вот в реальной жизни это сделать куда как сложнее. Я и сам, чего скрывать, находясь на другом краю света, последовал данному рефлексу — на встречу с издателем в Штаты не поехал, боялся. Эпоха героизма закончена, мы не герои. Современная цивилизация не умеет порождать настоящих Хагенов или Кухулинов — сам слышал от студентов, изучающих древние саги в Университете такое мнение: «Да я бы на месте Нибелунгов первым бы сбежал из дворца Этцеля, где была подготовлена засада!» А вот персонажи «Песни

о Нибелунгах» предпочли смерть, пускай и был путь к отступлению...

Какой выход? Как поступать автору «героических» романов, чтобы и не иронизировать над своими персонажами, и не пренебречь возможной реакцией современного читателя? И снова решение отыскал Дж. Толкин, создав универсальную схему используемую поныне.

Толкин придумал «связующее звено» по имени Бильбо Бэггинс, который в мире героев представляет собой чистейший анахронизм и (по меньшей мере в начале тетралогии о Средиземье) играет ярко выраженную роль посредника между эпохами.

Т. Шиппи прямо говорит: «Бильбо воплощает и зачастую высказывает современные мнения; он страдает собственными слабостями, его никогда не тянет отомстить; он не мыслит себя героем, не может «ухнуть два раза филином и один раз совой», как предлагают ему гномы, почти ничего не знает о внешнем мире и не может даже освежевать кролика, ибо в таком деле привык полагаться на мясника. Однако в древнем мире находится местечко и для него, в тексте есть намек на то, что все его усилия (равно как и наши) не могут полностью отделить его от прошлого».

Анахроничность и «внегероичность» Бильбо проявляются буквально во всем. Хоббит прямо-таки гордится своей обыкновенностью и прозаичностью, своим «бюргерством» и смотрит на все необыкновенное свысока — чего только стоят его слова, обращенные к Гэндальфу:

«— Не тот ли вы Гэндальф, который подбил столько наших мальчишек и девчонок очертя голо-

ву ринуться навстречу приключениям — лазать на деревья, ходить в гости к эльфам. <...> Прошу прощения, но я даже подумать не мог, что вы продолжаете заниматься подобными делами».

Лазание по деревьям и приключения у эльфов для Бильбо — явления одного характера. Все это неприемлемо для уважаемого представителя среднего класса, что в консервативной Британии, что в не менее консервативном Шире! Однако, по представлению Толкина, сердце Бильбо находится «там, где и должно быть», он щедр, основателен, не трус, гордится своим предком Волинщиком, который однажды победил гоблинов — в душе Бильбо помнит о прошлом и уважает его. Посему у него есть «пропуск» в обе стороны — хоббит выступает и как представитель нашей эпохи, и в то же время не владеет нашей циничной иронией, соединив в себе казалось бы несовместимых «бюргера» и «героя поневоле»; героем Бильбо становится только тогда, когда его к тому вынуждают обстоятельства. Он одновременно там и здесь, в сказке-сage и реальности. Его показательная двойственность становится звеном, соединившим разорванную цепь времени.

Как автор «Саги о Конане» я тоже вынужден действовать по этой схеме — чтобы соединять читателя образца XXI века и древность Хайбории мне приходится вводить в тексты близких нам персонажей, реалистов до мозга костей — сотрудников тайных служб, бюрократов, которые могут произнести слова (анахронизмы!) «чиновник» или «канцелярия» без ущерба для сказочности-легендарности-мифологичности, купцов, которые могут поговорить о profit-выручке... Так или иначе значительную часть персона-

жей следует адаптировать к мифологическому пространству Саги и нашему времени одновременно, чтобы отыскать «связующие звенья».

Положение осложняет тот факт, что Хайборийский мир слишком многолик, он соединил в себе чересчур много эпох. Тут вам и помянутые гирканцы-монголы, и нордлинги-викинги; одновременно с ними мы видим цивилизацию приближенную у Древнему Египту (Стигия), подобие арабского халифата (Туран), выраженную поздне-романскую культуру (Аквилония) или аналог древних кельтов начала Первого тысячелетия (Киммерия). Для каждого региона Хайбории надо изыскивать правильные слова и находить связь с нашим временем, иначе вместо читабельного романа мы получим уже известную историю про консульский трибунал, цензора и азтракий с консилиями плебса.

С историческими произведениями все более-менее понятно — зная историю, можно вполне достоверно описать соответствующие события и передать «колорит эпохи». Все романы о Риме пишутся «с точки зрения римлян» («В триклиний вошел номенклатор облаченный в тунику и лорику. Постукивая калигами, доставшимися ему от родственника-ауксилария, он подал табулы и стилос своему патрону»), о средневековые — с точки зрения крестоносцев («В здании командорства заседал капитул Ордена Храма, на котором держал речь магистр, отдав приказ великому приору и туркополье захватить казаль, ныне принадлежащий сарацинам»); книги о Второй мировой поведают о событиях от лица союзников или немцев («В бункере рейхсканцелярии фюрер наградил гауляйтера железным крестом с мечами и дубовыми ли-

стями, а потом завел разговор о люфтваффе и вермахте)...

Видите, на первый взгляд все довольно просто!

А теперь представьте, что надо написать роман с точки зрения киммерийца-кельта, отягощенного традициями и менталитетом своего времени — тем, что мы обычно называем «предрассудками». Во-первых, историческим обоснованием для такого произведения могут служить лишь единичные кельтские саги, дошедшие до нашего времени. Во-вторых, оные саги описывают только подвиги и приключения, ничего не говоря о том, как и чем жили обычные люди в Каледонии (Шотландии) или Гибернии (Ирландии) две тысячи лет назад. В-третьих, записаны саги были гораздо позднее времени своего создания и уже не отражали всего колорита эпохи... Как прикажете поступать автору?

Правильно, придется опять использовать «связующие звенья» в стиле Бильбо Бэггинса. А еще можно создать «впечатление глубины», как это делал Толкин.

Любимые словечки Толкина, как рассказчика — «конечно же» и «разумеется». Однако данные слова используются в сочетании с чем-либо необъяснимым или непредсказуемым, наподобие: «...с драконами, конечно же, именно так и следует разговаривать», или «...разумеется, игра в загадки, вообще говоря, дело святое». Случается, что подобные ремарки несут в себе некую полезную информацию, но гораздо чаще они создают впечатление, что за пределами рассказы-

ваемой истории кроется нечто большее и что за рамками текста существуют некие накрепко установленные «правила игры», на которые автор только намекает. Эпитеты наподобие «легендарная Белладонна Тук», «сам великий Торин Дубошит» или утверждение: «Гэндальф! Если вы слыхали хотя бы четвертую часть из того, что слыхивал о нем я, а слыхивал я разве малую толику того, что о нем говорилось, вы бы наверняка уже приготовились к какой-нибудь замечательной истории. Истории и приключения, причем свойства самого необыкновенного следовали за Гэндальфом по пятам...» — все это создает впечатление исторической и мифологической глубины. А фразы типа «...какой же паук не возмутится, когда его называют лупоглазым!», образуют иллюзию глубины опыта — хоббит якобы «знает» о методах общения с пауками Чернолесья.

Обиходные замечания в адрес существ мифологических — «Известно, что кошельки у троллей очень вредные» — смазывают опыт реальности в сторону опыта волшебного-магического, а вопросы «Да и как прикажете себя вести, когда к вам без приглашения является незнакомый гном и вешает плащ у себя в прихожей?!» очень напоминают вопросы типа: «А вы уже перестали грабить банки?» Аналогичные приемы писатель использует не только в «Хоббите», но и во «Властелине Колец» — по тексту разбросаны упоминания «жутких чудовищ», от которых оберегают Шир Следопыты, хотя ни одно такое чудовище на страницах книги не описано. Мы лишь «знаем» о том, что эти чудовища «существуют» и через это «знание» подсознательно ощущаем глубину мира Средиземья.

То же самое происходит с топонимами — впервые

прочитав «Властелина» много лет назад, я поражаюсь гигантскому количеству упомянутых географических названий или героев «средиземской» мифологии, так или иначе увязанных между собой, причем увязанных накрепко. О том, кто такой Мелькор-Моргот в книге почти не говорится, но Толкин многократно намекает, что именно с него-то вся история и началась, а главный «враг», Саурон, был у Мелькора «только одним из прислужников»... Читателю предлагается самому представить, чем же являлся Мелькор, если его «прислужник» теперь стал главным страшилищем мира Средиземья. Мороз по коже, честное слово!

Таким образом Толкин возложил на себя, как на рассказчика, миссию выражения своего отношения к мифологически-архаичным декорациям мира *fantasy*: автор говорит о них вскользь, как о само собой разумеющемся, естественном и неоспоримом факте, более того — говорит насквозь равнодушным тоном, благодаря чему накрепко усыпляет бдительность читателя. Писатель с помощью этого приема помогает своему фантастическому миру, его персонажам, обстановке и законам, преодолеть современные барьеры недоверия и даже возможного презрения «взрослого человека», которому читают «сказку».

Дело-то в том, что Бильбо Бэггинс изначально не знает правил игры (точно так же как и читатель) — персонаж-всезнайка в современной повести недопустим, он сразу вызовет недоверие. И посему, не зная правил, хоббит становится вторым «я» читателя. Например, Бильбо запросто ловится на факте, который он (и читатель) предвидеть не мог — оказывается, кошельки у троллей могут разговаривать! Из-за гово-

рящего кошелька хоббит попадает в «приключение», из которого живым выйти невозможно, но его спасают два других «факта» установленных автором правил — способность Гэндальфа к чревоуещанию и особенности троллей, которые при восходе солнца превращаются в камни.

Вот вам последний, сокрушающий удар по «реализму»! Обо всех этих «общеизвестных истинах» никто не знает, да и вообще истины эти никакие не истины, а вымысел рассказчика, говоря грубо — ложь. В традиционном «сказочном» повествовании этот прием вызвал бы у читателя ехидную усмешку и неприятие, но у Толкина объединенное невежество Бильбо и читателей запросто перевешивается непоколебимой уверенностью и знаниями соединенных в одном лице троллей, гномов, Гэндальфа и самого Толкина, которые, оказывается, все-все «знают». Основной отличительный признак произведений Толкина — все, о чем идет речь в книге происходит «извне», из самого мира Средиземья, и образует всеобщую взаимозависимость истории, «фактов», языков, людей и не-людей. Взаимозависимость всего, что происходит в Средиземье, не менее прочную, чем та, что существует в нашем не-героическом и не-сказочном цивилизованном мире.

* * *

Фактически, мы выяснили основные правила написания «достоверной» книги в жанре «историко-этнографической фантастики», как часто расшифровывают термин *fantasy*. Снова перечислим главные постулаты: привлечение в текст «правильных» архаич-

ных слов», сочетание «анахронизм плюс привычность», разумная «избыточность в деталях» как путь к истине, персонаж «связующего звена», создание «ощущения глубины мира» и роль рассказчика, как создателя и единственного знатока «правил игры».

Возможно, это кого-то шокирует, но в Хайбории ни единое из данных правил до последнего времени не действовало — спасибо классика, Роберту Говарду. Из многих моих предыдущих статей вы знаете, что мое отношение к Говарду весьма далеко от восторженного почитания — он лишь очертил схему, создал Героя и на том успокоился, предоставив неисчислимой орде последователей самостоятельно прорабатывать хайборийский мир. Абсолютное большинство авторов придерживались старой, говардовской схемы — Конан прибыл из точки А в точку В, совершил подвиг и отправился далее в точку С. Схема Говарда — это театр теней, без декораций, музыки и слов. Повторюсь: для своего времени такой принцип построения мифологического мира был приемлем, равно как и немое кино, но после появления гениального Дж. Толкина и других авторов *fantasy*, действующих по созданным Толкином принципам, прежняя Хайбория стала выглядеть серой и скучной, словно бы замороженной. А сами авторы частенько срываются в дику словесную неуклюжесть и полное свинство описываемого — примеры общеизвестны.

Главная проблема Хайбории — невозможность установить общие правила игры, по которым могла бы развиваться история этого мира. Как прикажете объединить писания нескольких десятков авторов Саги, живущих сейчас, живших до, и которые будут жить после? Да никак! Думаете я позволю кому-нибудь ис-

пользовать персонажей, которых я сам придумал и прорабатывал на протяжении тридцати с лишним романов, написанных за последние годы? Конечно, не позволю. А персонажи других авторов мне неинтересны, поскольку они для меня «не-живые», чужие и незнакомые. Вот и получается, что «двор короля Конана» у Олафа Локнита имеет один состав, а у Н. О'Найт совершенно другой (кроме «статичных» персонажей типа Просперо, Публио или Паллангида, выдуманных Говардом и много лет кочующих из романа в роман и от автора к автору).

Кроме того, если например я или Керк Монро из Канады являемся ярыми сторонниками толкиновской схемы «построения мира», то некоторые другие авторы работают по схеме говардовской или пытаются создать свою схему. Так мы и получаем множество «отражений» Хайбории, где у каждого автора свои любимые персонажи, своя география и свои понятия об «архитектуре Вселенной».

«Унификация» Хайбории практически невозможна, что бы там не говорили редакторы или критики — прикажете собирать всемирную конференцию авторов Саги и устанавливать на ней единые правила написания текстов о Конане? Зуб даю, мы там все переругаемся, а может и подеремся! А потому, я остаюсь в «своей собственной» Хайбории, в которой, как вам уже известно, все было совсем не так, как у Говарда.

После выхода в свет двухтомника «Полуночной грозы» и четырехтомного «Алого пламени», где я кардинально пересмотрел роман Р. Говарда «Час дракона», любящие коллеги поименовали меня «реви-зионистом» и «прагматом», с чем я совершенно со-

гласен. И вот, ревизионист Олаф Локнит предлагает вниманию благосклонного читателя новую переделку Говарда — на сей раз я прошелся тяжелым сапогом по рассказу «Под знаменем Черных Драконов», повествующем о перевороте в Аквилонии, который привел Конана к власти.

В процессе написания возникли несколько сложностей, которые следовало преодолеть. Перво-наперво, мне пришлось решать, от чьего имени придется вести рассказ. Выбор пал на начальника тайной службы Аквилонии и его первого помощника — они-то и стали тем самым «связующим звеном» между миром *fantasy* и современной реальностью. Эти двое господ, такие же «государственные люди», как и их визави в древних Вавилоне, Египте или Риме.

Только не говорите мне, что в этих государствах не существовало аналогов ЦРУ, КГБ, МОССАД или МИ-6! Существовали, да еще какие! Сотрудники тайных служб древности были виртуозами своего дела — в их распоряжении не было сложной аппаратуры, они полагались только на свой разум и логику. Я могу привести несколько примеров того, как в Средневековые работали секретные ведомства — наиболее знамениты византийская разведка или Конгрегация по Чрезвычайным Церковным Делах (не путать с инквизицией — это другое!), которая занималась обеспечением безопасности Апостольского престола Римского Папы. Тут весь набор: шпионаж, физическое устранение политических и идейных противников (поинтересуйтесь на досуге, как погибли некоторые вожди еретиков-богомилы в XII веке), подкуп государственных деятелей, финансирование крупных военных операций, наподобие Крестовых походов. И

свои Джеймсы Бонды тоже были, и работали так, что о них помнят которое столетие...

Итак, связующее звено найдено. Но тотчас возникла трудность номер два: подбор «правильных слов». Нельзя же употреблять в Хайборийском мире слова «министерство обороны» или «государственный бюджет»!

Поскольку роман в значительной степени «бюрократичен», пришлось полистать словари и вывести несколько новых понятий. Если королевство Аквилония у нас является неким аналогом франко-романской цивилизации, то и названия, по моему воззрению, следует подобрать соответствующие.

Таким образом «министерство» у нас превращается в «коллегиум» (collegium, лат: «деловое сообщество») или «управу», «акции компаний» становятся «векселями торговых домов» (а первые банки и биржи придумали римляне две с лишним тысячи лет назад), «генералы» самым волшебным образом становятся «легатами» и так далее. В принципе, эти наименования уже мелькали в моих прежних текстах, так что ничего очень уж необычного вы не увидите. Тем более, мы уже выяснили, что правила игры устанавливает автор.

Точно так же я давно заменяю «наши» географические понятия «Север, Запад, Юг, Восток» на «Полночь, Закат, Полдень и Восход» соответственно, по кругу солнечного обращения. Месяц изменяется на «луну», «неделя» на «седмицу», час на «колокол», четверть часа на «квадранс» и так далее.

Что характерно, данные понятия взятые мною из исторических хроник, отлично прижились в Саге. Таким образом, я вполне могу поименовать русское из-

дательство «Северо-Запад», выпускающее мои книги в Санкт-Петербурге, как «Полупочный Закат», а канадскую фирму «Норд», у которой покупаю качественную бумагу для домашнего принтера, как «Полночь». Вот вам и перевод всем известных слов на «язык fantasy».

Признаться, я бы с огромным удовольствием однажды составил «англо-хайборийский» словарь, чтобы раз и навсегда установить «перевод» большинства режущих глаз анахронизмов в более приемлемую архаичную форму. Время, время... Именно его и не хватает.

Но ведь не все авторы Саги примут разработанную мною номенклатуру, правильно? Такая задача мне не по зубам. Посему, все архаизмы употребленные в моих текстах, я оставляю для себя и только рекомендую использовать их другим писателям.

(Прим. переводчика: следующий абзац по необходимости дается с моими примечаниями, данными в скобках.)

Третья и последняя трудность, которая доставит множество тяжких проблем переводчикам. Если в английском языке существует единая форма обращения к человеку «you» (ты/вы), то в прочих языках наличествуют различия в вежливой форме («вы») и фамильярной («ты»). То есть немец или француз, не знакомые с английским будут путаться. Существует большая разница между французским «vous» («вы») и «tu» («ты») или «официальным» немецким «ihr», «Sie» (фраза: «...мы с ним на Вы», соответственно переведется на немецкий как «...wir sagen SIE zu\einander») и дружеским «du» («...быть с кем-то на ты» — «jemand DU(zen)»).

Специально для переводчиков и не англоязычных читателей поясню: общее мнение, что в Хайбории все и каждый обращались друг ко другу на «ты» (то есть в фамильярной форме), ничем не обосновано. Вежливая форма обращения существовала всегда и во все времена, только в английском языке она отмечается не двумя разными словами, а способом построения фразы.

Можно сравнить «Excuse me, my lord» и «Sorry, friend» («Прошу простить, мой господин» и «Извини, дружище») и, учитывая дальнейший строй фразы, уважительный или фамильярный варианты, следует переводить фразу соответственно. Обращаю особое внимание переводчика и читателя: в моей Хайбории, никакой повсеместной «фамильярщины» нет и быть не может — низестоящий по отношению к вышестоящим всегда будет говорить «вежливо», что должно быть отражено в переводах на другие языки!

Представим, как немец, француз, русский, испанец или японец обратится к ныне занимающей трон Великобритании королеве Елизавете II (которая, номинально, является и королевой моей страны, ибо Новая Зеландия входит в Британское Содружество, возглавляет которое монарх Туманного Альбиона) примерно таким образом: «Привет, твое величество!»

(В оригинале: «Hello, majesty!» «Свойское» и фамильярное отношение подчеркивается не только отсутствием слова «Your» («ВАШЕ величество»), но и написанием слова «Majesty» не с прописной буквы, а со строчной).

Что по-вашему подумает королева? Поняли, что я имею в виду?

А теперь вообразим, что некий захолаустный дворянин, приехавший на прием к королям Конану, Нимеду, Страбонусу или Фердруго, сделал нечто похожее. Опала, ссылка, плаха... Хайбория — это тебе не проникнутая общечеловеческими ценностями Британия, там с хамом церемониться не будут! Вот вам и самый последний пример статьи, посвященной словам — каким многоликим может быть простенькое и всем известное английское обращение, обычное слово — «you»!

(Прим. переводчика: пожелание О. Локнита в данном романе учтено, различия обращения «ты» и «вы», отраженное стилистикой в оригинале, полностью сохранено.)

Ну что ж, будем заканчивать. Надеюсь, роман читателю понравится. Напоследок сделаю важную оговорку: этот текст написан от лица людей предвзятых, способных кое-что приукрасить, кое о чем умолчать, а то и откровенно приврать. Сами знаете, что сотрудникам спецслужб доверять надо с оглядкой. Очень может быть, что история свержения Нумедидеса в реальности выглядела совсем по-другому... И здесь меня интересовали более всего не события истории, а люди, которые данную историю творили — посему в романе больше зарисовок о людях, чем о событиях.

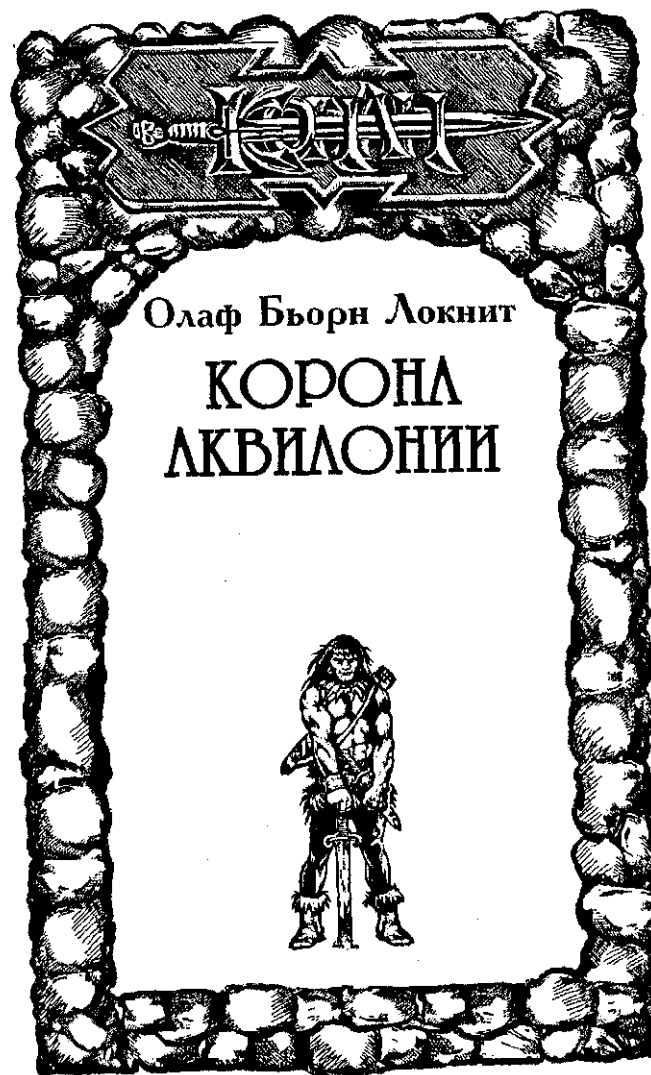
Вообще-то, я вскоре собираюсь описать первые месяцы королевствования Конана, чтобы закрасить пробел между переворотом, случившимся в ночь на 10 мая 1288 года, до начала Полуночной грозы, первые проявления которой были замечены в сентябре. И эта история тоже будет отчетливо пахнуть самым радикальным ревизионизмом.

Словом, отдаю себя на суд читателя. В мою задачу входило только записать рассказ этих двоих людей, а верить или не верить им — это уже личные трудности человека, купившего данную книгу. Меня теперь может исправить только топор палача.

Каждому из вас я искренне желаю удачи!

*Олаф Бьорн Локнит,
Окленд, Новая Зеландия,
Май 2002 года.*

Краткое предварение

Сегодняя исполняется ровно десять лет весьма примечательному событию: в этот день ныне благополучно царствующий государь Аквилонии Конан I Канах был торжественно коронован в главном храме Митры, что на площади святого Эпимитриуса.

Увы, король не очень любит вспоминать, при каких обстоятельствах он получил трон, но для меня, как летописца, отдавшего «Тайной летописи Аквилонского королевства» полное десятилетие жизни, подробности переворота, случившегося в ночь с 9 на 10 дни третьей весенней луны 1288 года всегда представляли нешуточный интерес. В конце концов я веду хронику лишь ради удовлетворения своего неумного любопытства (которое, как уверяет Конан, однажды сведет меня в могилу) и для того, чтобы потомки были осведомлены обо все перипетиях весьма знаменательного царствования первого короля Киммерийской династии.

Бесспорно, по прошествии стольких лет собрать все сведения о заговоре против Нумедидеса представляется делом сложным, но как утверждают клеветники и завистники, я во всех тонкостях изучил коварное искусство развязывать языки. Чтобы разговорить дворцового лакея или повара достаточно подбросить им десяток золотых кесариев, канцлер Публио падок на старинные и весьма ценные безделушки, а с бароном Гленнором следует быть предельно честным и откровенным — глава нашей тайной службы ценит открытость. С гордостью признаюсь, что я сумел разузнать кое-что интересное даже у самого Конана с помощью двух кувинов «Золотой лозы» и умелой лести. Можете сказать, будто у меня нет ничего святого, но я тружусь ради общего блага — летопись навсегда сохранит для Аквилонии и наших детей уникальные подробности воцарения безвестного варвара на самом блистательном престоле Заката.

Эти воспоминания записаны мною со слов одних из наиболее решительных участников заговора против короля Нумедидеса — графа Кертиса и барона Гленнора, доселе занимающих весьма значительные, однако незаметные каждому посты в государственной иерархии Аквилонии...

Незачем далее объясняться — воспоминания непосредственных участников переворота перед вами. С тем раскланиваюсь и надеюсь, что мои труды будут оправданы временем и не пропадут втуне.

Подписано на праздник Середины лета
1298 года от основания Аквилонии.

Хальк, барон Юсдаль-младший,
тайный советник и библиотекарь
при дворе короля Конана Канах.

Часть 1. Тайные игры

Глава первая

Барон Данкварт Гленнор

«Авантюризм как образ мыслей»

Если вы покинете Тарантию через Звездные ворота, расположенные со стороны Полуденного восхода, выйдете на мощеную дорогу Шамарского тракта, а через полторы лиги свернете на проселок, ведущий мимо редких загородных домов небогатых дворян, то вскоре узрите высокую каменную ограду, обносящую весьма обширное поместье «Латерана».

Сквозь решетку кованых ворот, непременно украшенных странным гербом — перо и кинжал в обрамлении венка из переплетенных розы и чертополоха — любой желающий сможет рассмотреть спрятавшийся в глубине старинного парка двухэтажный дворец и полдесятка

иных строений, включая конюшню и дом для прислуги.

Обычная вилла, ничего примечательного. Хозяин, вероятно служащий одного из государственных коллегиумов, зимой наверняка живет в столице, а в теплое время года переезжает сюда, отдохнуть от городской суеты на лоне природы, насладиться запахом сосен, ухоженными цветниками и охотой на лис в соседнем лесу. Одно странно — даже зимой в поместье много посетителей, причем часть из них облачена в форму гвардии короны, другие же могут похвалиться темно-синими колетами с вышитыми на рукавах и груди листиками чертополоха.

Всякий почтительный и добропорядочный обыватель знает, кто именно носит синие облачения, украшенные колючими золотистыми листочками и предпочитает обходить этих достойных месьюров стороной, не забывая, однако, чуть раболепно поклониться — с тайной службой Его величества короля Аквилонии лучше не шутить. Самое закрытое и незаметное ведомство королевства со времен Сигиберта Завоевателя пользуется вполне заслуженной зловещей славой.

Поместье «Латерана» вовсе не предназначено для отдыха скучающих дворян. Там, за оградой постоянно кипит какая-то своя, обособленная жизнь, чуждая и непонятная простому смертному. И, безусловно, никто кроме особо доверенных конфиденентов (или государственных преступников, привозимых сюда в черных зарешеченных повозках) никогда не проникал за мшистую

стену, в буковый парк и во дворец, построенный из серо-серебристого гандерландского гранита.

Знающие люди уверяют — ничего таинственного, а уж тем более романтического, дворец в себе не содержит. Несколько десятков комнат и кабинетов, огромный архив, занявший почти весь первый этаж и часть подвала, в самом подвале устроены вполне уютные казематы — никаких тебе пауков, мокриц или капающей с потолка ледяной воды. О столь вульгарных деталях как пыточная или карцер с крысами, предназначенный для излишне впечатлительных и буйных постояльцев можно и не упоминать, но от суровой правды жизни не отвертеться.

Давайте войдем в ворота, позволим обнюхать себя огромным сторожевым псином кофийской бойцовой породы, оберегающим спокойствие поместья, направимся по кленовой аллее в сторону парадного входа во дворец, раскланяемся с молчаливыми верзилами из особой гвардейской сотни «Черный Кречет» и взойдем по главной лестнице на второй этаж. Если повернуть налево и пройти по коридору до следующего вооруженного караула, мы наткнемся на массивные двери мореного дуба, украшенные бронзовыми ручками в виде оскаленных львиных морд.

За высокими створками находится святая святых особняка — личные покои и кабинет его милости советника короны, барона Данкварта Гленнора. Барон Гленнор и является безраздельным хозяином «Латераны».

Войдем, познакомимся.

* * *

Давно известная истина непререкаемо утверждает: тайная служба является лучшим другом короля. Если, конечно, король достоин своей тайной службы.

Минуло шесть полных лет с того злосчастного дня, когда личным рескриптом государя Вилера ваш покорнейший слуга был назначен главой ведомства с пошлейшим названием «Департамент по охранению и поддержанию душевного согласия в делах королевств Заката, а также иных стран и земель».

Между прочим я немедленно приказал подчиненным впредь употреблять в бумагах и отчетах более простое наименование, а именно — Латерана.

Как изволил пошутить король, «вы, барон, стали теперь главным скорпионом в банке». Не скрою, моему самолюбию льстило то обстоятельство, что младший сын захолустного землевладельца с границы Пуантена и Таурана самостоятельно достиг эдаких высот и, благодаря своей настойчивости и стараниям, вошел в круг высоких вельмож Аквилонии. Однако тогда и предположить было нельзя, что барон Гленнор наверняка станет последним главой тайной службы королевства.

Впрочем, история моей жизни малоинтересна. Пускай она останется при мне. Побеседовать стоит о назревающей катастрофе.

Говоря откровенно, к нынешнему положению

дел нас привела неспособность короля Вилера своевременно подобрать себе подругу жизни.

Королевская женитьба есть не простое заключение брака, но событие политическое и символическое. Брачный договор обязывает монарха поддерживать семью избранницы, образуются новые союзы и распадаются старые, перечерчивается карта владений, товары на рынках Тарантии то дорожают, то дешевеют, офирские банкиры, как всегда, наживаются, а простецы на всякий случай предрекают великие потрясения и предвкушают бесплатную выпивку за счет казны.

Символика обретения королем законной супруги дает повод ожидать еще одного, куда более важного события — появления наследника. Династия укрепляется, дяди и тети монарха в ужасе представляют, что юному принцу (а вообразите, если принцев будет двое-трое!) король выделит ленные земли за счет любимых родственников, прежний наследник, брат или племянник правящего государя, теряет права на трон и от огорчения ударяется в запой, простецы сплетничают, привычно паникуют в ожидании новых налогов и снова жаждут непременної раздачи вина из королевских подвалов.

У нас в Аквилонии все произошло проще и страшнее.

...Я отлично знаю, почему после десятков казней и ссылок бывших фаворитов Вилера мне удалось сохранить пост начальника Латераны и свою жизнь. Дело в том, что однажды я нечаян-

но спас жизнь тогдашнему принцу крови — Нумедесу.

События зимы 1284 года мне отлично запомнились. В один далеко не прекрасный вечер я был срочно вызван в замок короны на частную аудиенцию к Вилеру. Король, обычно деятельный и решительный, выглядел слегка растерянно и долго не мог перейти от незначительных частных дел к делу, помощи в котором он ожидал от своего секретного департамента. Наконец, Вилер решился:

— Барон, — понизив голос сказал король, — ответьте, Латерана в состоянии тихо и безболезненно устранить моего племянника Нумедеса, не вызвав при этом подозрений?

Я опешил. Как и для всякого аквилонца, королевская семья всегда являлась для меня чем-то святым и неприкосновенным, а тут, извольте видеть, царствующий государь предлагает мне убить наследника трона! Разумеется, мы без особых сложностей сумеем подбросить отраву в бокал Нумедеса, затем «отыщем виновных» и снесем злодеям головы на площади Эпимитриуса под грохот барабанов и рев труб, но...

Никто не спорит, Нумедес разумом не блещет и при «малом дворе» наследника нет достаточно серьезных людей способных в будущем занять первые посты в государстве. Но это вовсе не означает, что племянника короля необходимо бить по голове канделябром или душить подушкой! Я отлично знал, что король и наследник ненавидят друг друга — Нумедес полагает, что

дядя засиделся на троне (девятнадцать лет — срок не маленький, с 1265 года!), Вилер же с легким ужасом представляет, чем может закончиться правление сына его младшего брата... И затем, в последнее время появилось еще одно, довольно пикантное обстоятельство: пятидесятидвухлетний король начал испытывать симпатию к одной из фрейлин двора. Ничего особенного в этом нет, иные и в семьдесят детьми обзаводятся. Мне, кстати, доложили, что королевская симпатия недавно переехала жить в загородный дворец, ибо выпирающий живот стал неприлично заметен.

Все ясно. Вилер решил жениться и узаконить ребенка. Дальнейшее можно легко просчитать — Нумедес, столько лет дожидаящийся короны, отодвигается на второй план, а учитывая его склонность не церемониться с противниками, жизнь вероятного наследника всегда будет под угрозой.

Простейший способ уберечь младенца — ликвидировать опасность в корне. Сиречь — отправить Нумедеса туда, откуда можно вернуться (очень ненадолго...) только с помощью знающего некроманта.

Словом, я отказался. Казните, ссылайте на галеры или в рудники, но конфиденцы Латераны не будут травить Нумедеса черным лотосом или совать ему в спину что-нибудь острое. Неужели нет другого выхода? Латерана может сострять липовый заговор, в котором обвинят нынешнего принца крови, а потом делайте с

ним все, что заблагорассудится — ссылка за границу, пожизненное заключение в Железной Башне, лишение титулов и привилегий... Не мне вас учить, ваше величество.

Вилер пробурчал что-то невнятное и приказал мне уйти.

Спустя два дня король умер. Я точно знаю, что его отравили и даже знаю чем: порошком из яда иранистанской змеи-могильницы. Средство весьма действенное, это я говорю как знаток. Вероятно, король обратился с аналогичной просьбой к ненадежным людям, те донесли Нумедидесу и любящий племянничек нанес упреждающий удар. Не уберегли мы Вилера, каюсь...

О том, что затем случилось с подругой короля, говорить бессмысленно — и так все понятно. В течение последующей седмицы Нумедидес сменил все высшее руководство страны — одни отправились на эшафот, другие были сосланы в отдаленные провинции.

Я со дня на день ожидал опалы и плахи (от тех, кто хранит опасные тайны, избавляются в первую очередь), однако обошлось. Лишь потом, один из придворных намекнул мне, что Нумедидес знает о моей беседе с предыдущим монархом и отказе принять участие в убийстве наследника. Либо Вилер проговорился, либо нас вульгарно подслушивали.

Так началось новое царствование. Раньше я и предположить не мог, что относительно благополучное государство можно развалить почти до основания всего за четыре года...

* * *

Аквилония в пределах ныне существующих границ сформировалась около трехсот лет назад, во времена бурного правления Сигиберта Завоевателя, иногда еще называемого Великим. Сигиберт присоединил к королевству Гандерланд и Боссонию, отбил у Немедии и Офира территории за рекой Тайбор и совершил еще множество выдающихся деяний, как на военном так и политическом поприще. С тех пор Аквилония состоит из пяти Великих герцогств (Пуантен, Тауран, Боссония, Гандерланд и Шамар), трех полунезависимых маркграфств и нечисленного количества мелких «благородных» ленов, дающих право на титул от барона до герцога включительно.

Одна беда: если в Немедии Великими герцогствами управляют ближайшие родственники монарха — сыновья, дяди или братья — то у нас бразды власти в крупнейших фьефах держат герцогские династии, ведущие родословную от первых королей, Алькоя и Олайета. Династии эти, по большому счету, никак меж собой не связаны и частенько враждуют промеж собой.

Пример: сто двадцать лет тому, владыки Пуантена заявили о выходе из состава Аквилонии — герцогам Гайарда не понравилась политика короля Арнульфа V. Арнульф, ничуть не чинясь, отправил на усмирение бунтовщиков три легиона, каковые быстро вразумили Великого

герцога, доходчиво растолковав, что Аквилония — суть единая страна и неподчинение Трону Льва чревато крупными неприятностями.

Сигиберт завещал своим потомкам нехитрую истину: всегда поддерживай равновесие в государстве. Если канцлер у тебя из Таурана, то казначейство отдай пуантенцам, военный коллегийум — выходцу из Гандерской династии, и лишь тайную службу оставь себе. Сделай так, чтобы каждая династия получила свою долю власти и никому не было обидно.

Нумедидес, в угоду своим фаворитам из Шамара, равновесие разрушил. Судите сами: нынешний канцлер Редрик приходится Великому герцогу Даргену Шамарскому родным дядюшкой, сам герцог был осыпан звездами совершенно незаслуженных орденов и теперь является командующим войском, его сын Альфарус назначен легатом гвардии, граф Гедрих Аларский (тоже какой-то родственник) теперь генеральный казначей... Все прочие, а особенно герцог Троцери Пуантенский, искренне возмущены таким положением вещей, но с королем ведь не поспоришь — мигом окажешься в списке изменников и мятежников.

Но и это еще не все. Когда я получил секретный доклад от моих конфиденентов в казначействе, ярко повествующий о состоянии дел за прошлый, 1287 год, то вначале глазам своим не поверил. Приказал уточнить цифирь. Уточнили — никакой ошибки, ваша милость, все правда. Моя милость в тот вечер напилась в компании со

своим отражением в зеркале. Я ожидал чего угодно, но не таких скверных известий...

Известно, что в статьях государственных расходов всегда отводится одна тридцатая часть на воровство чиновников — ничего не поделаешь, человеческую природу не исправишь. Воровали, воруют и будут воровать. Такое было и при Вилере, и при тяжелом на руку Сигиберте Великом.

Однако, когда я узнал из доклада о том, что из казны исчезла пятая часть всех налоговых поступлений, то сразу понял — пора лезть в петлю. Бороться с казнокрадством на государственном уровне глава тайной службы может только путем героического самоубийства. Не думайте, я не святой Эпимитриус, сам иногда клал в свой карман кое-что лишнее и неучтенное казначейством, но это были сущие гроши по сравнению с сотнями тысяч кесариев украденных фаворитами короля...

И это тоже не все. В позапрошлом году глава военного коллегийума, герцог Дарген, своим приказом распустил четыре самых боеспособных легиона, оберегавших границу с пиктами — о, великий полководец! Ихняя светлость посчитали, будто пикты угрозы не представляют и дикари никогда не решатся атаковать великую Аквилонию, а если такая дурь и заскочит в головы варваров, то с ними запросто расправится одна гвардейская сотня. Результат известен — затяжная война с Зогар Сагом, за победу в которой следует благодарить только герцога Троцери и

его легатов. Впрочем, о пиктской войне мы еще поговорим отдельно.

Еще один пример рачительного управления страной, не менее показательный. Король (читай — придворная клика) внезапно решил, что военный морской флот Аквилонии не нужен — слишком дорого его содержание, а кроме того Аквилония есть держава сугубо сухопутная и континентальная. Все военные корабли, квартировавшие по договору с Зингарой в гаванях Кордавы и Карташены, были... Верно, были проданы королю Фердруго, каковой в два раза усилил флот королевских корсаров и лихо разгромил на море соперников-аргосцев. Деньги от продажи кораблей осели в домашних сундуках известных персон, названных поименно чуть выше. У Аквилонии теперь осталось четыре десятка речных гребных галер для торговли с Полуденным побережьем по Хороту и Ширке. Не удивляюсь, что над нами втихомолку смеются все прибрежные державы.

Можно привести десятки подобных примеров, один смешнее (и страшнее) другого. Латерана по-прежнему исправно следит за происходящим в королевстве, постоянно доставляя мне новые огорчения.

Я, исполняя свой «долг» (и отлично понимая всю бесполезность этого действия) счел нужным составить пространный доклад Нумедидесу, где обрисовал тяжелейшее положение дел в стране и предложил конкретные меры по пресечению казнокрадства. Пакет, украшенный надписью «лич-

но в руки Его величества», отправился во дворец, но король его не видел — обожаемый государь Всея на Свете изволил развлекаться охотой в Руазельском лесу. А я получил весьма тяжелый и напряженный разговор с его светлостью канцлером. Редрик обвинил меня в гнуснейшей лжи и неоправданных поклекпах на вернейших слуг монарха («Понимаете, Гленнор, это попахивает государственной изменой!»), а засим настоятельно посоветовал мне заниматься своими делами — сиречь заграничной разведкой и заговорами внутри страны.

— Между прочим, «Скрытая Башня» раскрыла в этом году пять заговоров! Спрашивается, куда смотрели соглядатаи Латераны? — патетично воскликнул канцлер, а меня едва не стошнило прямоком на шитый золотом вицмундир его светлости.

Редрик упомянул еще одно наиглупейшее изобретение «друзей короля». Латераны им показалось мало, вот они и уговорили Нумедидеса создать «карманную» тайную службу. Набрали где-то отпетых палачей и немислимых олухов, отлично умеющих выполнять самые грязные приказы. Пять заговоров за год — это вам не шуточки! Только злоумышленниками почему-то всегда оказываются недруги герцога Шамарского и компании. Схема проста — арест, пытка, признание, плаха. И, конечно, проскрипция земель и состояний заговорщиков в пользу короля и его достойнейших придворных. От наименования новой тайной службы меня откровенно мутит —

«Скрытая Башня»! И кто это придумал? От кого эта самая башня скрыта? От кого угодно, только не от меня — по крайней мере Латерана отлично осведомлена о действиях и замыслах кретинов из «Башни», а я считаю своим долгом предупредить достойных людей, над которыми занесен топор, о грядущей опале — многие успели бежать за границу...

— Вот кстати, — продолжал меж тем канцлер Редрик. — Отчего Латерана берет на себя так много совершенно излишних обязанностей? Ловите шпионов, следите за соседними державами, но к чему вам надзор за казначейством, городской стражей и торговлей? Советую, господин барон, побыстрее составить рескрипт о передаче части обязанностей Латераны «Скрытой Башне». Буду ждать пергамент через две седмицы. Идите. И впредь не тревожьте Его величество столь... неточными докладами.

Это и стало последней каплей. Если вы собираетесь развалить тайную службу, то распад страны, который я предрекаю на 1290 или 1292 годы произойдет значительно раньше! Пуантен и Боссония уже ропщут, армия ослаблена, налоги подняты до беспредельных высот... Убежден, через год-два Гайард и Танасул объявят о выходе из Аквилонии на правах независимых королевств — далее терпеть выходки Нумедидеса и его дружков Великие герцоги не станут. Исход понятен — гражданская война, а на развалинах здания Аквилонии, которое строилось почти тысячу триста лет, буйно порезвятся любезные со-

седушки, наши заклятые союзники — Немедия и Офир. Наверняка и Зингара присоединится к каннибальскому пиршеству: новые земли, богатые рудники, леса... Такое приобретение!

Будьте уверены, месьоры — разгромить Латерану я вам не позволю. Только через мой труп, в самом прямом смысле данных слов!

Нумедидеса надо убирать, это понятно. Каким способом — неважно. Увы, достойного наследника я не вижу, а сажать на трон кого-нибудь из Великих герцогов нельзя — история повторится. Пригласить одного из заграничных принцев, например второго сына короля Нимеда? Тоже нельзя — дворянство не примет короля из династии Эльсдорфов, никак не связанных с Аквилонией.

Что же делать?

Дожили — король и канцлер довели начальника собственной тайной службы до того, что он готов самолично организовать заговор! И плевать мне на святость и неприкосновенность монаршей особы — короли уходят, Аквилония остается! Пока я жив, никто не сможет безнаказанно уничтожать мою страну!

* * *

— Какие новости, граф?

— Как обычно, скверные. Кажется, мы все-таки дождались мятежа.

Мой первейший помощник, начальник «стола безопасности королевства», граф Кертис уселся в

кресло напротив и передал мне кипу пергаментов с последними донесениями. Кертис сравнительно молод — ему нет и тридцати — однако я уверен, что однажды он сменит меня на посту главы Латераны. Граф изощренно умен, обладает великолепной памятью, а про его работоспособность в нашем ведомстве ходят легенды. Кроме того, он великолепный актер: во дворце граф может изображать никчемного паркетного шаркуна и обольщать фрейлин, а во время напряженных разговоров с постояльцами подвальных казематов Латераны он превращается в сущего монстра — немигающий змеиный взгляд блекло-голубых глаз вгоняет в трепетную дрожь самых хладнокровных и уверенных в себе личностей.

— Мятеж? — у меня под грудиной сжался противный склизкий ком. Вот оно, началось! — Где? Боссония?

— Почти. Если ваша милость помнит, седмицу назад военный коллегийум предписал герцогу Троцero Пуантенскому увести с Черной реки гвардию Гайарда и распустить наемников, поскольку опасность нападения пиктов миновала. По совершенно точным сведениям, герцог не дал аудиенции королевскому гонцу и передал в столицу письмо, в котором утверждает, будто пикты готовят новое вторжение, а посему приказ коллегийума выполнен не будет.

— Бред, — я покачал головой. — Троцero разбил пиктов наголову, Зогар Саг уничтожен. Варвары не решатся перейти границу еще лет де-

сять! Тебе не кажется, что Троцero намеренно идет на ссору с королевским двором?

— Справедливое замечание, ваша милость, — кивнул граф. — После того, как Нумедидес и Дарген Шамарский буквально украли у Троцero победу, он не будет спускать оскорблений. Полагаю, план герцога таков: за неисполнение приказа короля наши дальновидные повелители из замка короны от большого ума объявят Троцero и его легатов злодеями короны, а пуантенцы на вполне законных основаниях начнут Рокод против Нумедидеса. Последствия предсказать?

Я непроизвольно присвистнул. Рокод — оскверненная временем традиционная дворянская вольность, узаконенный мятеж против монарха или любого другого сюзерена, ущемившего права дворянина. Рокоды в Аквилонии случались, тем более, что главу и участников такого мятежа нельзя казнить — обычно бунтовщики отделяются заключением в собственном поместье лет на пять-десять. Но если прежде знамя Рокода поднимали мелкие бароны и их малочисленные дружины, то теперь ситуация прямо противоположная.

Под рукой Троцero Пуантенского и его молодого племянника Просперо ходит двенадцатитысячная, отлично обученная и прошедшая войну с пиктами армия головорезов, частью составленная из гвардии Гайарда, частью — из наемников. Это уже не просто мятеж — это многократно предсказанная мною гражданская война.

— Конные тысячи прорубят пуантенцам до-

рогу к Тарантии, потом подойдет пехота, — продолжал говорить граф Кертис. — Почти уверен — они сметут верные королю войска и начнут осаду... Это, конечно, в случае, если Троцери действительно намерен объявить Рокод. Боссонцы его поддержат — все-таки именно владыка Гайарда спас Боссонию от нашествия пиктов. Что будем делать?

— Этот вопрос я задаю себе уже четыре года, со времени коронации Нумедидеса, — проворчал я, рассеянно просматривая бумаги. — Есть повод призадуматься, граф.

— Только думать придется быстро...

* * *

Сначала надо рассказать о подоплеке этих событий.

Боюсь, во всей истории Заката нельзя отыскать прецедента, когда один из высших дворян королевства по собственной инициативе спасает страну от нападения варваров, не требуя при этом поддержки со стороны короля и денег из казны. Собственно, вся кампания против пиктов была организована на деньги Троцери Пуантенского, а король и двор просто наблюдали из безопасной Тарантии, как один из Великих герцогов при помощи своей «частной» армии уничтожает опасного и коварного врага.

Если вкратце, то первые донесения о неспокойствии в Пуще Пиктов начали приходить три с половиной года назад. Да-да, не удивляйтесь,

Латерана запустила свои щупальца в и Пущу — даже среди некоторых вождей племен пиктов найдутся люди, которые любят золото, красивые украшения или тонкие ткани из Турана или Ше-ма. А в обмен за эти чудесные вещи мы просили одно: следить за событиями в глубинах лесов, своевременно осведомлять о том, кто из вождей возвысился, сколько у него военной силы, планируется ли большой набег и не желает ли кто создать межплеменной союз... Тогда-то я впервые услышал имя Зогар Сага.

Талантлив был мерзавец, ничего не скажу. Если мне будет позволено охарактеризовать этого вождя варваров с цивилизованной точки зрения, то Зогар Саг являлся как выдающимся политиком, сумевшим за краткое время объединить враждующие племена пиктов, так и редко-стно талантливым магом. А поскольку в Пуще последние десятилетия стоял мягкий климат, даровавший ее обитателям изобильные урожаи, женщины стали рожать больше детей и в итоге леса за Черной рекой оказались перенаселены.

Зогар Саг нашел выход из трудностей — по его мнению, следовало внезапно захватить порубежные форты Аквилонии на нашей стороне Черной реки, разгромить немногочисленные аквилонские сотни в Боссонии и продвинуться вплоть до реки Громовой, по которой и должна будет пройти новая граница. Удайся Зогар Сагу его план — мы потеряли бы Боссонское герцогство.

И обязательно потеряли бы! Как я уже гово-

рил, благодаря главе военного коллегияма оберегавшие пиктское порубежье легионы были распущены. На мои панические донесения об усилении пиктов Нумедидес и герцог Шамарский внимания не обращали — полагали, что Латерана, как всегда, паникует и преувеличивает. По мнению короля и приближенных, один аквилонец стоил десяти варваров. Они не учли главного: пускай пикты почти незнакомы с военным искусством, но дикарей слишком много... И на каждого нашего воина как раз и приходилось по десятку варваров. В итоге Зогар Саг захватил около дюжины фортов, за исключением Велитриума и Тусцелана, отряды пиктов проникли в Боссонию, даже в Тауран. Лишь тогда канцлер проникся всей опасностью положения — великая Аквилония неожиданно (полноте! Вполне «ожиданно!») терпела поражение от диких обитателей Пуци!

Думаете, Нумедидес и Редрик отправили на Закат гвардию и сняли с немедийской и офирской границ несколько легионов, обязанных спасти страну от нашествия? Да ничего подобного! Полководческий талант герцога Шамарского, никогда не участвовавшего в мало-мальски серьезной войне и не державшего в руках ничего опаснее придворного эспадоны с бриллиантами на рукояти, проявился здесь во всей красе и самобытной мощи. Все лучшие гвардейские отряды остались рядом с Тарантией — оберегать священную особу государя и благополучие двора. Вдруг пикты нападут? Вместо активной обороны

военный коллегиям разослал по всем Великим герцогствам панические призывы — спасите Аквилонию! Выделите столько войск, сколько сможете! Казна даже отпустит... э... немного золота ради святого дела избавления государства от напасти!

Вот тогда на сцену и вышли пуантенцы. Меня немало удивило странное послание, пришедшее в Тарантию из Гайарда — герцог Троцери и его прямой наследник Просперо всеподданнейше уверяли Нумедидеса в преданности и лояльности, и просили высочайшего дозволения действовать на пиктской границе самостоятельно, то есть ввести в Босонию пуантенскую гвардию. Причем Троцери согласен оплатить все расходы на войну из собственного кармана.

Надо ли говорить, с каким восторгом было принято в замке короны предложение Великого герцога! Главное — никаких казенных трат и требований помочь подкреплениями!

Я сразу понял, что дело это очень нечисто, однако мер не принял. Уже тогда я начал понимать, что правление Нумедидеса окончится очень и очень плохо.

Латерана спокойно наблюдала за тем, как войнство Пуантена отбило у пиктов несколько фортов и освободило часть Боссонии, затем установилось шаткое перемирие, которое было использовано герцогом для создания наемной армии (Нумедидес, великий политический гений, разрешил...). Мы даже помогали Троцери распространить по странам Заката воззвание, обеща-

шее каждому наемному мечу три золотых кесария за четыре седмицы службы и продовольствие за счет казны Гайарда. К осени 1286 года Троцero набрал семь с лишним тысяч отборных людей войны, способных заработать на хлеб, вино и женщин только своими клинками. Меня успокаивало одно: герцог и его племянник твердо пообещали распустить армию, как только Аквилония вернет утраченные земли и опасность со стороны Пущи будет устранена.

При этом я был отлично осведомлен о том, что пуантенцы выложили на организацию похода против Зогар Сага сумму, составляющую две трети состояния династии. Рассчитывать на деньги королевского двора им не приходилось.

Очень подозрительно. Я не верю в идеалистов и бессеребренников, трудящихся лишь ради торжества правого дела. Нет, конечно Троцero спас Аквилонию, но... За его вполне искренним патриотизмом наверняка стоят и другие соображения, куда более серьезные и менее возвышенные. Но какие?

Впрочем, это пока неважно.

Военная кампания 1286 и 1287 годов принесла пуантенцам вполне заслуженную блестящую победу. Войско пиктов частично уничтожено, частично отброшено за Черную реку. Зогар Саг погиб. Боссония полностью освобождена, форты на границе восстановлены. Триумф! Да такой триумф, что многие вначале не поверили в сообщения с Черной реки. Разве может нечто подобное произойти при короле, который за столь малый

срок правления заслужил репутацию едва ли не слабоумного? Оказалось, что может. И последствия сего триумфа могут быть невероятны печальны для самого монарха, да вот только знают об этом немногие...

Фантастическое, просто не укладывающееся в голове и немыслимое при любом ином положении дел самолюбие и тщеславие правящего двора толкнуло Нумедидеса и королевских фаворитов на самоубийственный шаг — пуантенские герцоги даже не были приглашены в Тарантию для того, чтобы отметить «большое коронное торжество», посвященное завершению войны.

Герцогов Гайарда в столице представлял один из тысячников пуантенского войска — некий Конан Канах из Киммерии, сравнительно молодой полководец, за время войны просквозивший из десятников аж в легаты. Собственно, этот человек стал для горожан Тарантии чем-то вроде знамени победы — каждый знал, что Конан сыграл первейшую роль в уничтожении Зогар Сага и совершил множество подвигов во время рейдов нашей конницы за Черную реку, когда Троцero решил добить воинство пиктов на их же земле.

А сама победа была попросту украдена. Высочайшим рескриптом было объявлено, что «славнейшая аквилонская армия и отряды гвардии, руководимые Великим герцогом Даргеном из Шамара...» одержала верх над злокозненными пиктами, тут же упоминалась роль самого Нумедидеса и всех прочих хозяев коронного замка, не

предпринявших ни единого шага, чтобы защитить Боссонию от нападения войска Зогар Сага. Короче говоря, Троцери, Просперо и их полководцы в рескрипте не упоминались вовсе. Таковых будто и не существовало. Конану Канах навесили ничем не примечательный орден Короны (его обычно дают сотникам гвардии за многолетнюю безупречную службу), и тем ограничились. На «большом торжестве», устроенном в столице, восхваляли короля и иже с ним.

Тогда-то Конан Канах всерьез обратил на себя внимание тайной службы. Как человек простой, чуть ли даже не из народа, он позволил себе несколько откровенных выпадов в сторону двора — насколько я смог понять, Конан был искренне оскорблен лицемерием клевретов Нумедидеса, позволивших себе позабыть о дворянской чести (и вообще о понятии «честь») и нагло присвоивших чужие заслуги. Замечу, между прочим, что бездельные чины военного коллегиума получили массу наград, от самых высоких орденов, до поместий и титулов — Троцери же не дали *ничего*. Понимаете? Ничего! Конан, ясное дело, возмутился и откровенно высказался в обществе...

Последствия не заставили себя долго ждать.

(...Я видел Конана Канах в замке, на приеме у канцлера. Оценок несколько. Бесспорно, он низкого происхождения — длинная череда предков Конана оставила за спиной столетия беспросветного варварства. Однако, при всем этом, месьор Канах очень умен, опытен, на нем прекрасно сидит как темно-синяя с серебром форма личной

гвардии Троцери Пуантенского, так и кожаный наряд примитивного наемника, он обходителен с дамами высшего света и способен обаять самую утонченную аристократку чуть грубоватой непосредственностью человека из низов, который благодаря природному таланту достиг определенных высот... Одновременно с этим Конан по своему честен, обладает здоровой долей как благородства, так и довольно злого цинизма. Вывод у меня один: Троцери нашел себе верного помощника, который будет готов разорвать глотку любому недоброжелателю своего господина.)

Вернемся, однако, к событиям последовавшим вслед за «коронным торжеством». Я получил с полдюжину доносов на Конана — увы, работа у нас грязная, и я обязан был принять их к сведению. Суть всех рукописных творений (как моих осведомителей на жаловании Латераны, так и «доброжелателей») сводилась к одному: легат пуантенской гвардии Конан Канах — опасный бунтовщик, неприкрыто высказывающий свое недовольство действиями Его королевского величества.

Как и всегда, у меня было три выхода. Первые два стары как мир: или закрыть глаза на выходки победителя пиктов, или отправить его в подвалы Латераны для душевной беседы с графом Кертисом. Обычно такие беседы, когда тебя буквально берут за душу и лезут в нее с сапогами, заканчиваются полным признанием в измене и всем отсюда вытекающим, включая топор палача.

Выход третий — аккуратно предупредить Конана о грозящей опасности и настоятельно посоветовать ему немедленно покинуть Тарантию.

Именно это я и собирался сделать.

В кои-то веки Латерану в моем лице опередило бездарное сообщество костоломов под названием «Скрытая Башня». Личная тайная служба канцлера Редрика и Нумедидеса не долго думая арестовала неблагонадежного легата. Конан оказался в Железной Башне.

И тут произошло непредвиденное. Бунт черни в Тарантии.

Напомню, что Три Высоких Сословия нашего богоспасаемого королевства составляют дворяне, купцы и горожане, а последние являются нешуточной силой, контролировать которую иногда не в состоянии даже Латерана. Имели место прискорбные прецеденты, когда жители Тарантии держали в осаде замок короля, добиваясь отмены неугодных ремесленникам указов, а несчастного Гийома II (этот «монарх» был даже похуже Нумедидеса, но правил всего полгода, от коронации до тихого переворота) они даже заставили подписать отречение!

В отличие от погрязших в фантазиях и самовещаниях в собственной значимости высших дворян, простецы отлично знали, кто победил в войне не Черной реке.

Как только по городу прошел слух об аресте легата Конана Канах, жители столицы вышли на улицы.

«Да как так можно! Героя, защитника Акви-

лонии, и вдруг бросать в тюрьму? Не позволим! Отпустить его! Невиновен!»

Нумедидес, никогда не отличавшийся решительностью и смелостью, как обычно испугался. Во-первых — глас народа есть глас богов. Во-вторых, усмирение бунта гвардией чревато скверными последствиями.

Гвардия предназначена для войны с настоящим врагом, а не с простецами, вооруженными дубинами и вилами! Гвардия не станет исполнять обязанности городской стражи (которая показательно бездействовала, ибо стража набирается из тех же горожан). Мнение гвардии стало решающим.

Уверен, что канцлер и король думали таким вот незамысловатым образом: «Да кто он такой, этот подзаборный пес? Будет лучше его отпустить, чем ссориться с Тарантией! Спустя полгода простецы даже имя его забудут!»

На том и порешили.

Конану устроили изящный (даже я не могу этого отрицать) побег. Беглец, путь которого следовали Латераны по моему приказу проследили от Железной башни до Боссонии, вернулся в форт Велитриум, под крыло герцога Троцера. И пока что Конан находится там, на порубежье. Бунт утихомирился сам собой. Все остались довольны.

Кроме меня. Что-то беспокоило. Наверное, то самое пресловутое шестое чувство, которое барона Гленнора пока не подводило.

На следующее утро я приказал начальнику

канцелярии отыскать в архиве Латераны бумаги, где упоминается имя Конана Канах. Имя киммерийца, как кажется, мне мимолетно знакомо по прошлым временам в связи с каким-то громким скандалом не то в Немедии, не то в Кофе.

К полудню мне принесли «экстракт» из донесений многолетней давности. И я понял, что столкнулся с весьма необычным делом.

Кто же он, этот Конан из Киммерии?

С чувством легкого изумления я читал доставленные канцеляристами пергаменты и попутно размышлял о том, что на фаворита Троцера Пуантенского следовало бы взглянуть попристальнее гораздо раньше. Эх, барон, похоже вы теряете с возрастом хватку бывалого цепного пса... Я ожидал узнать о Конане нечто необычное, однако не предполагал, что скрупулезно зафиксированные заграничными конфиденентами Латераны факты окажутся настолько ошеломляющими.

В разные годы этот прохвост был замечен при многих королевских дворах Заката и Восхода, служил в гвардии императора Илдиза Туранского, являлся личным телохранителем королевы Тарамис Аскаур, совсем недавно владел патентом королевского корсара Зингары и входил в число друзей наследницы трона Кордавы — принцессы Чабелы.

Так-так, интересно... Ого! Попытка мятежа в Кофе в 1272 году, мятеж подавлен Страбонусом, Конан Канах был приговорен к смерти, бежал. Вскоре после этого — довольно странная исто-

рия с похищением сына короля Нимеда I, участие в крупных шайках контрабандистов. 1285 год вообще уникален — сразу два переворота, в Пограничье и Бритунии. На престолах этих государств теперь восседают, соответственно, короли Эрхард и Альбиорикс, а сам Конан принимал в судьбе этих месьоров самое живое участие. М-да, странно.

Это, смею заметить, лишь самые выдающиеся события, бесстрастно учтенные нашими соглядатаями из коллегiums, отвечающего за иностранные дела.

Впрочем, и вышеперечисленных сведений вполне достаточно для того, чтобы сделать важный вывод — Конан Канах или редкостный авантюрист, которому покровительствует богиня удачи, или... Или столь же удачливый конфидент одной из могучих тайных служб, вероятнее всего — немедийского Пятого департамента, чаще именуемого Вертрауэном. В бумагах подозрительно часто мелькает имя графа Мораддина Эрде, моего визави в Бельверусе и весьма опасного человека. Конан как-то связан с месьором графом, это ясно из донесений.

Если мои выводы верны, то что же у нас получается? Неужели я случайно наткнулся на самый настоящий, невыдуманный заговор, провоцируемый немедийцами? Глядя с политической точки зрения, ничего особо сложного тут нет: Аквилония слаба как никогда, король — ничтожество, придворные — воры и интриганы, армия, торговля и казна в упадке... Вот и придума-

ла некая умная голова из Бельверуса, как подтолкнуть любезных соседей к гражданской войне, чтобы под шумок вернуть отобранные Сигибертом Завоевателем территории и рудники в Немедийских горах. А то и выше бери — хапнуть все земли до Тайбора! Мне доносили, что в войске Троцero замечены немедийские лазутчики, а уж если Конан — доверенное лицо графа Мораддина, то он просто обязан в соответствии с данным планом склонить пуантенцев к смуте — тогда Аквилония вспыхнет, как связка сухого хвороста и нам будет не до обороны границ на Восходе!

Нет, кажется я перемудрил. Немедийцы — отнюдь не дураки, они прекрасно понимают, что большой мятеж у соседей ударит по ним же: нарушение устоявшихся столетиями торговых связей, разгул контрабанды, разбой на дорогах, закрытие старинных путей для купеческих караванов и прочие прелести смутного времени Бельверусу не нужны. Я знаю в точности, что король Нимед и его секретная служба во главе с графом Эрде рьяно стоят за равновесие на Закате, а у Немедии хватает своих трудностей с управлением империей — протектораты Коринфия и Замора жаждут выйти из под сени Трона Дракона, а приобретение новых земель только добавит головной боли королю Нимеду и его наместникам.

Однако, это никому не интересная высокая политика, вернемся к нашим делам.

Итак, что же мы имеем? Готовый к мятежу

Пуантен, этот загадочный Конан, неким странным образом связанный с Немедией... Постойте! А если все обстоит несколько проще? Да, немедийцы могут подталкивать Троцero к мятежу, но делают это ради общего спокойствия и пресловутого равновесия? Бельверусу будет приятнее видеть на Троне Льва сильного и жесткого человека, чем нашего драгоценного Нумедидеса, успевшего и в межгосударственной политике дров наломать — один указ о новых налогах с речных судов, проходящих по Хороту чего стоит! Договор может звучать примерно так: месьор Троцero, мы помогаем пуантенской династии взять власть, а новый король в благодарность уступает нам часть территорий, дает послабления немедийским купцам и все такое прочее... Звучит? Вполне звучит! Однако немедийцы не могут не знать, что узурпация Трона Льва одной из династий Великих герцогов вызовет открытое недовольство со стороны остальных, а это опять же гражданская война. Или у них и на этот случай план имеется?

Так или иначе, я лучше поддержку наших заклятых друзей из Бельверуса, чем буду и дальше терпеть Нумедидеса сотоварищи, которые за неполные четыре года нанесли государству ущерба больше, чем все чужеземные тайные службы вместе взятые за целое столетие! Главное — обернуть дело так, чтобы не причинить Аквилонии еще больших бедствий.

Троцero Пуантенский — король Трона Льва? Возможно. А возможно и нет. Если владыки Гай-

арда действительно решились на мятеж, то это открывает простор для самых разных комбинаций. С помощью пуантенцев я попросту усажу на престол человека, который устроит всех.

Только где бы его найти? Причем найти безотлагательно — время играет против нас. И против Аквилонии.

Самому, что ли, предъявить претензии на корону? О нет, не беспокойтесь, это просто шутка — я предпочитаю теневой престол Латераны обычному престолу Тарантии.

Ведь если смотреть непредвзято, мы вполне способны управлять государством без всяких королей.

Сейчас настало самое время применить незаметную власть тайной службы в полной мере, без остатка.

* * *

Кертис, терпеливо дожидаясь результатов моих размышлений, с вальяжной ленцой перелистывал том «Стигийской иероглифики» завалявшийся на моем столе. Полезная книга — я ее использую для составления зашифрованных посланий, благо иероглифы Стикса уму обычного человека неподвластны. Чересчур уж запутана система стигийской тайнописи — я потратил лет десять на ее постижение.

— Вот что, граф, — я побарабанил пальцами по деревянному подлокотнику кресла. Кертис взглянул на меня своими холодными голубова-

тыми глазами спокойного убийцы. — Скажи, тебе нравится наш король?

— Король не может нравиться или нет — он король, — верноподданно ответил Кертис, подумал и хладнокровно добавил: — Своими руками бы прирезал, без всяких оглядок на дворянскую честь. Никаких поединков, дуэлей... Как свинью на бойне, мясничьим ножом по его священному горлышку. И чтобы кровь фонтаном.

— Как ты, однако... — тихо сказал я с мимолетной улыбкой. Иногда мы с графом позволяли себе (за толстыми стенами моего кабинета) высказываться напрямую и большинство наших речей непосредственно подпадало под уложения о наказаниях за государственную измену и оскорбление величества. — В нашем ремесле нельзя быть таким кровожадным, друг мой.

— А разве есть другой выход? — картинно поднял бровь Кертис. — Мы катимся в пропасть. Я готов видеть на троне кого угодно, только не Нумедидеса. Очень надеюсь, что Троцеро поднимет знамя Рокода, а дальше... Гори оно все синим пламенем. Уеду в Аргос или Офир, куплю ферму, буду выращивать капусту и издалека наблюдать, как земля моих предков превращается в выжженную пустыню.

— Очень патриотично, — недовольно фыркнул я. — Могу предложить более изящный выход — забудь про капусту и помоги мне устроить небольшой заговор против короля. Маленький. Я бы даже сказал — крохотный.

— Наконец-то, — усмехнулся Кертис. — По-

следние полгода я только и жду этих слов, сам уже хотел предложить. Есть конкретный план? Насколько я вас, господин барон, знаю, вы никогда не приступаете к действию, не обдумав все детали.

— Беда в том, что плана никакого нет, — я развел руками.

— Забавно... — кивнул Кертис и немедленно начал развивать мысль: — Убийством одного Нумедидеса здесь не обойдешься, надо убирать всех. До единого. Это самое сложное — конфидентов Латераны во дворце мало, а нашего королька оберегает сонмище гадюк из «Скрытой Башни», добавим сюда шамарские отряды гвардии, верные герцогу Даргену и его проклятушему сыночку, ликторы... Втихомолку мы не управимся, даже если привлечем все силы Латераны. И кого прикажете сажать на трон? Единственный из потомков Эпимитриуса, граф Дион, ничтожество почище Нумедидеса, лотосом балуется. Придется устранять и его тоже. Что тогда? Созывается дворянское собрание, обязанное выбрать нового короля. А это кончится сварой — все герцогские и маркграфские династии в теории происходят от Первых Королей, каждый захочет получить венец! Результат прежний: смута. Лично я никакого выхода не вижу — как ни крути, мы в тупике.

— Оставь, зачем так мрачно! — приободрил я графа. — Уверен, мы подыщем подходящего короля. Не знаю, кто это будет, но явно не один из Великих герцогов. Латерана обязана восстано-

вить завещанное Сигибертом Великим равновесие. Кстати, чтоб не возникало сомнений и лишних вопросов: после переворота я собираюсь прибрать к рукам состояние канцлера Редрика. Денег из казны мы получаем мизерно мало, а тайная служба без золота — это воитель без меча. Ну, и себе немножко. Мы с тобой люди небогатые.

— Сколько оптимизма в этих словах, — насмешливо отозвался Кертис. — «Прибрать к рукам»... После переворота? Чьими руками переворот-то делать будем? По старой традиции возмущать армию? Долго и сложно, обязательно провалимся, кто-нибудь да донесет.

— Зачем нам армия и тем более гвардия? У нас наготове отлично вооруженное войско Троцero.

— Поддержать пуантенцев? — вяло спросил Кертис. — Согласен, Тарантию они могут взять штурмом, но когда подойдут верные Нумедидесу и шамарской клике войска, случится бойня. И все прочие ввяжутся. Я же говорю — это тупик.

— Никакого тупика, — решительно сказал я. — Кертис, ты сегодня же отправишься в форт Велитриум, ко двору герцога Троцero. Покажешь ему мой перстень, он его узнает, мы с Троцero знакомы. На словах передашь следующее: Латерана готова поддержать мятеж против Нумедидеса всеми доступными нам средствами, если будут выполнены два условия. Первое: начать мятеж можно только по моему личному

сигналу, когда я проведу кое-какую подготовку в столице. А лучше бы вообще обойтись без Роккода, шума в стране будет поменьше. Второе: если Троцero будет действовать вместе с нами, я твердо обещаю ему любой титул, вплоть до канцлера и вице-короля, но только не трон. Это же относится к его племяннику Просперо. Полагаю, герцог догадается, почему. Спроси, кого из незнатных и честных дворян Троцero хотел бы видеть на престоле — многие дворянские династии могут похвалиться королевской кровью. И это должен быть достаточно известный в стране человек, никак не запятнавший себя в царствование Нумедидеса.

— В таком случае мы ищем призрака, — фыркнул граф. — Что ж, если это все поручения — я выезжаю немедленно.

Кертис встал, подошел к двери кабинета и вдруг обернулся, хитро глянув на меня. Сказал шепотом:

— Какие же мы мерзавцы, барон. Заговор, переворот, убийство короля... Если наша авантюра выгорит, могу я надеяться на орден Большого Льва или мелких исполнителей как всегда обойдут милостями?

— Обойдешься «Золотым пером», — я хмыкнул, назвав самый мелкий орден, предназначенный для скромных чиновников. — Езжай, буду ждать тебя через пять дней.

Кертис отбыл, а я позвонил в колокольчик и приказал явившемуся на зов секретарю принести мне все до единой бумаги, где хоть раз упо-

минается Конан Канах. Заодно попросил устроить мне встречу с графом Лорасом — немедийцем, представляющим в Тарантии Вертрауэн. Назрел интересный разговор с вечными соперниками.

Итак, Большая Игра начата. Остается достойно оную завершить.

Глава вторая

Граф Эган Кертис
«Разговоры на границе»

Сегодня мой двадцать девятый день рождения.

Скажу откровенно, отметил я его более чем пышно. Изысканное общество сиволапых кметов и усатых детин из дорожной стражи, роскошный стол — подано темное пиво, жареная крольчатина, круглый черный хлеб с отрубями и соленые овощи, ибо свежих по ранней весне не найдешь. Слух благородного графа ублажал проезжий нищий менестрель такими вот песнопениями:

Кто красотой, кто знатностью гордится,
Много отличий, множество причин,
Шрамы на теле, ссадины на лицах —
Главная прелесть доблестных мужчин!
Сжато осады тесное кольцо,
Шрам рассекает графское лицо.

Может быть завтра будем мы убиты,
Может быть завтра, только б не сейчас!
К смерти попасть успеем в фавориты,
Нынче же штурмом мы возьмем Аргас.
Подлейший из шрамов графу нанесен,
Знают лишь дамы, где кончался он!

Милые деревенские развлечения. Не подумайте — я ничего не имею против старых песен о войне с Офиром или чуть подгоревшего, но еще теплого домашнего хлеба. Утонченность и брезгливость в нашем ремесле не приветствуются, а посему любой служащий Латераны чувствует себя привольно и в замке короля, и в занюханном вертепе. Впрочем, таверна в поселке Ситте, что стоит на закатном берегу Громовой реки, вовсе никакой не вертеп. Очень приличное заведение — жженым салом воняет в меру, столы протираются не реже двух раз в год, тараканы ведут себя скромно и в тарелку к гостям не лезут.

По сравнению с некоторыми придорожными кабаками Шема или Заморы, где я имел несчастье побывать, здесь просто очаровательно...

Именно такая невинная простота является предметом мечтаний любого путешественника, продрогшего под холодными весенними ветрами, попавшего по дороге в буран с метелью и голодного, как целая стая гандерландских белых волков.

Если повезет, завтра к полудню я окажусь в форте Велитриум, который уже довольно долгое

время является военной ставкой его светлости Троцери Пуантенского, так и не сложившего с себя полномочий командующего «армией Черной реки», как поименовали его brave воинство в столичных салонах. За ночь лошадь отдохнет, я тоже попытаюсь выспаться (если, правда, в комнатах для проезжающих не обнаружится сонмища клопов), а затем придется вновь садиться в седло и нестись сломя голову на Полночный Закат.

Смысл миссии возложенной на меня бароном Гленнором я понимаю далеко не в полной мере. Я передам Троцери слова господина барона и дождусь ответа, но в глубине души зреет уверенность, что повелитель Гайарда не согласится на поставленные условия. Троцери чересчур самостоятелен и самолюбив, чтобы подчиняться кому бы то ни было, а тем более презренным ищейкам Латераны. В его руках находится великолепный инструмент достижения власти — четыре тысячи гвардейских кавалеристов из Пуантена и аж восемь тысяч наемников, собранных по всей Аквилонии и Побережью. Эти-то как раз и представляют наиболее грозную силу — славою победителей Зогар Сага и добычей, взятой в Пуше они обязаны только Троцери, который платил наемникам из своего кармана, кормил, вооружал и водил в бой. У Великого герцога теперь своя собственная, личная, частная и индивидуальная армия, которая будет выполнять только его приказы. А военному коллегияму Тарантии эти волчары откусят голову с удовольствием и

рвением — нечего было обижать любимого командира!

Поглядим, чем это кончится. Я всегда рассчитываю на худшее, служба научила — в нашей жизни плохого всегда больше, чем хорошего. Готов прозакладывать собственную голову — Троцери начнет большой мятеж и двинется на столицу. Очень уж привлекателен блеск королевской короны. Он наверняка просто посмеется над предложениями Гленнора: барон посулил ему титул канцлера, если переворот окажется удачным, причем сам переворот будет совершен руками пуантенской династии, которая вполне может взять все, включая трон, и без дозволения начальника тайной службы.

Я грустно вздохнул, приложился к наполовину опустевшей кружке и от скуки принялся рассматривать людей, заглянувших в этот поздний час в таверну без лишних выкрутасов поименованную хозяином (вернее, хозяйкой) «Кролик и перепел». Сама хозяйка украшает собой стойку — пятидесятилетняя крупная бабища с физиономией прожженной стервы и характером дурно воспитанной сторожевой собаки. Покрикивает на местных пьяниц, но не злобно, а скорее добродушно — эти месьюры есть зло привычное и приносящее ежедневный исправный доход. На меня косится с подозрением — что, мол, за птицу занесло в нашу глухомань? Благородные господа нынче в Заречье не ездят, это еще слишком опасно...

Но какой из меня, к демонам зеленым, благо-

родный господин? Выгляжу разве что самую чуточку получше менестерля-оборванца, дерущего глотку второй колокол подряд. Плащ и сапоги заляпаны подсыхающей грязью, перо на шапке вымокло и превратилось в какую-то бесформенную тряпку, на камзоле никакого шитья или драгоценностей, щеки небриты, взгляд слегка пьяный.

Шум во дворе. Судя по звукам — подъехала крупная повозка или фургон. Владелица таверны цыкнула на двоих мальчишек, прислуживавших на конюшне и те скрылись за дверью, впус-тив в зал струю холодного воздуха.

Вот и новоприбывшие — молодая привлекательная девица невысокого роста. Закутана в необъятный плащ темного сукна. С ней один сопровождающий — широкоплечий детина с перевязанным черной тряпицей глазом и в красном платке покрывающем волосы. Угольная с проседью нечесаная борода. Широкий пояс украшен, как ни странно, не мечом, а самым натуральным абордажным палахом. Такого хоть на картинку — пират с Полуденного побережья или Барахас.

— Росита! — неожиданно воскликнула хозяйка и ее уродливая физиономия озарилась чем-то отдаленно похожим на приветливость и доброжелательность. — Росита пожаловала! Как де-лишки, красотка? Опять в Тусцелан с товарами?

— В Велитриум, — непринужденно ответила названная Роситой девица, сбрасывая тяжелый плащ на руки своего приятеля с бородой. Ну-ну.

Наряд у дамочки вызывающе яркий и вульгарный. Дешевая подделка под парчу, мятые ленточки, банты и кружева, откровенный вырез, открывающий заинтересованным взглядам доступ в непознанные недра декольте. Все ясно, марки-тантка — торговка при армии, успешно совме-щающая сие занятие с ремеслом куда более древним и легкомысленным. Говорит Росита с легким акцентом, причем я не сразу понял с ка-ким именно — она явно копирует произношение Зингары и Аргоса, однако зингарский не являет-ся ее родным языком. Можете мне поверить, в Латеране учат различать подобные мелочи.

Впрочем, какое мне дело до разъезжей шля-хи-торговки? В ее занятиях нет ничего дурного, всякое воинство нуждается в разнообразных то-варах, от швейных ниток до вина или оружия, а заодно и в женской ласке. Во время любой вой-ны, при любой власти рядом с армией крутятся такие вот разбитные роситы, приносящие куда больше пользы, чем вреда. А судя по гостепри-имным возгласам хозяйки «Кролика и перепела», с Роситой тут знакомы давно и прочно. Не удив-люсь, если она обретается в Боссонии с самого начала войны.

Краем уха я слушал, как девица щебечет с владелицей таверны, красочно повествуя о но-вых товарах и умаяя свою речь крепкими на-емничьими словечками. Громила в красном плат-ке молча взял сразу три кружки пива и отбыл за дальний стол — потреблять. Поскольку я пол-ный день провел в седле а затем до наступления

темноты дожидался паром на левом берегу Ширки, спать хотелось неимоверно. Сейчас закончу с ужином и пойду наверх.

Росита забрала у стойки блюдо с едой, взгромодила на него глиняный кубок с дешевым тауранским вином и оценивающе осмотрела обеденный зал. Искала с кем бы провести время. Я поморщился, увидев как торговка устремила на меня решительный взгляд золотисто-карих глаз и зашагала к моему столу.

— Привет, — легко сказала Росита, усаживаясь напротив. — Не помешаю?

Я молча пожал плечами и снова уткнулся носом в кружку. Разговаривать с развеселой гостью таверны не было никакого желания. Если будет настойчиво предлагать свои услуги — придется осадить. Не до того, да и чем-нибудь заботить не хочется.

— Иштар Милостивая... — вдруг выдавила девица, пристально меня рассмотрев, — Кертис, это ты? Или я ослепла?

Оригинально. Откуда это, любопытно, госпожа маркитантка может быть со мной знакома? И тем более, почему называет начальника стола безопасностью королевства настоящим именем, которое является почти что государственной тайной? Я уставился на Роситу, пытаюсь вспомнить, где мы могли видеться прежде.

Смазливое личико с мелкими чертами, темные волосы, глаза... Есть! Глаза ее и выдали — я недаром горжусь своей памятью! Такие глаза забыть невозможно, хотя внешность моей собесед-

ницы довольно умело изменена или магией, или при помощи банальных дамских ухищрений вроде белил или румян.

— Ваша светлость, — с непередаваемым на бумаге сарказмом процедил я, оглядывая привлекательные абрисы Роситы. — Милая графиня, как это тебя угораздило? Из придворных дам, да в обозные шлюхи?

— Чего только не сделает с человеком жизнь, — философски заметила Росита и показательно плебейским движением опрокинула свой бокал. Рыгнула. Звонко рассмеялась, глядя на мою вытянувшуюся физиономию. — Ты, смею заметить, выглядишь не лучше. Эдакий обнищавший младший сынок титульного барона, изгнанный из родной канцелярии за мздоимство и неусердие. Далеко собрался? В Велитриум, к Троцero?

— От тебя, графиня, ничего не скроешь, — оскалился я, глядя прямоком в ее удивительные, по-кошачьи золотые с темными прожилками очи. — Употребить что ли свою власть да задержать тебя, как опаснейшего конфидента враждебной державы? Посидишь в подвалах Латераны, поразмыслишь о смысле бытия и его извечной бренности...

— Не будь вульгарным, Кертис, — поморщилась Росита. — Во-первых, где доказательства? Во-вторых, таких конфидентов как ты и я никогда не арестовывают, это непристойное нарушение этикета, принятого меж тайными службами. Когда ты работал в Бельверусе два года назад, мы тебя не трогали и почти не мешали. А на ко-

ролевском приеме ты вовсю со мной кокетничал, совершенно не обращая внимания на недовольные гримасы моего благоверного супруга.

— Тогда я трудился под своим именем и приехал в Бельверус со всем соблюдением приличий, — мигом парировал я. — Не было смысла наряжаться золотарем или вышибалой из низкопробного дома свиданий. Однако... Я рад тебя видеть, графиня. Можно посидеть за кружечкой и повспоминать былые авантюры. Помнишь, как мы обставили Вертрауэн с закладными бумагами торгового дома «Алмазы Ианты»?

— Это был случайный казус, — убежденно сказала прелестная госпожа. — Лучше скажи, как ты ухитрился меня сразу узнать? Над моей нынешней внешностью в поте лица трудился сам Аррас Кийяр, а он вполне грамотный маг!

— Ага, все-таки магия, — удовлетворенно сказал я. — Глаза, дорогая моя. Твои неповторимые глазищи, которые, как известно, не способны изменить никакое волшебство.

— Ясно, — чуть более уныло чем следует буркнула Росита. — Ничего не поделаешь, законы магии не исправишь. Глаза всегда остаются зеркалом истинной сущности человека. Ладно, оставим. Ты как, склонен поговорить? Могу совершенно бесплатно поделиться кое-какими сведениями, которые наверняка заинтересуют вашего милейшего барона Гленнора.

— Давай, поговорим, — легко согласился я, отлично зная, что подобный разговор меня ни к чему не обяжет. Сон как рукой сняло. — О пу-

антенской династии и желании Троцери поднять Рокод?

— Не только, — очень серьезно сказала Росита. — Хочу узнать ваше мнение о равновесии и спокойствии на Закате...

Я откинулся на спинку грубого деревянного стула и машинально почесал в затылке. Ничего себе, встреча в придорожном кабаке! Скорее всего, это чистая случайность, но вдруг я ошибаюсь и меня намеренно ждали? Нет, это исключено — о моей поездке в Порубежье знаем только я сам и барон Гленнор. Значит, все-таки случайность, подстроенная игривой дамой по имени Судьба.

Передо мной восседала никакая не Росита, шлюха и торговка. Маску шальной девицы с Побережья носила давняя соперница по тайным играм, второй человек в немедийском Пятом департаменте, небезызвестном Вертрауэне, графиня Ринга Эрде, баронесса Энден. Ни больше, ни меньше, как любимая жена и верная сообщница его светлости Мораддина, графа Эрде — Высокого советника короны и преемника знаменитого герцога Лаварона на посту главы секретной службы Немедии.

И верно, чего только не вытворяет с человеком жизнь...

— Хозяйка! — воззвал я к мрачной старухе за стойкой. — Самого лучшего вина! Плачу золотом!

Затем я повернулся к госпоже Ринге и доверительно сказал:

— Знаешь, а у меня сегодня день рождения.

Я не благородная дама, чтобы скрывать истинный возраст, посему открою жуткую тайну — мне двадцать девять.

— Хм, я думала ты постарше, — графиня сделала неопределенный жест. — Способный молодой человек... Тогда есть дополнительный повод отметить нашу внезапную встречу. Алида! — Ринга повернулась к владелице таверны, — Действительно, принеси чего-нибудь получше тауранской кислятины. Встретила, понимаешь, старого приятеля.

Бородатый сопровождающий графини поглядывал на нас единственным глазом со своего места, но подойти не решился. Вскоре наш стол украсился кувшином «Виноградников Гайарда» урожая 1280 года — и на самом деле хорошее дорогое вино, каким не побрезгуют самые утонченные дворяне.

— За спокойствие и равновесие, — Ринга подняла первый тост. — Они очень необходимы для того, чтобы ты, граф Эган Кертис, через год отметил тридцатилетие!

* * *

Поскольку эти воспоминания я надиктовываю Хальку Юсдалю спустя почти десять лет после описываемых событий и мне отлично известна дальнейшая судьба Ринги Эрде, я могу лишь сожалеть о том, что эта замечательная женщина ныне покинула поприще охранительницы немедийского Трона Дракона, да и всего Заката. Гово-

рят, она болеет и теперь живет у родственников в Рабирийских горах, но проверить эти сведения Латерана не может — Рабиры для нас недоступны.

Я питаю к Ринге самое искреннее уважение как к одному из самых блестящих конфидентов в истории секретных служб королевств по нашу сторону Кезанкии — смелая до безумия авантюристка, мастер импровизации и интриги, Ринга не раз буквально за шиворот вытаскивала Немедию и сопредельные страны из таких жутких неприятностей, как история с Зеленым Огнем и так называемым «Мятежом Четырех», помогала Аквилонии и королю Конану уничтожить мага Алой Башни и способствовала победе союза тронов Льва и Дракона в молниеносной войне с Кифом и Офиром 1293 года, но не сумела пережить испытаний Алой Печати Каримэнона — вырвавшаяся на свободу чужая магия древности убила двоих детей Ринги и Мораддина и помutilа рассудок этой выдающейся женщины... Но тогда, в прокопченном кабачке возле разбитого тракта на Велитриум, я не мог знать, чем закончится история ее жизни и видел в лице Ринги лишь соперника, который может превратиться во временного и ненадежного союзника или просто помощника.

— Ты сошел с ума! — горячо втолковывала мне графиня, восседая за липким от грязи столом и щелчками отшвыривая ползавших по доскам жирных тараканов. — Какая, к демонам, война? Ты понимаешь, что обустроить спокойст-

вие Аквилонии для нас — задача первейшей важности! Мы могли бы терпеть даже Нумедидеса с его вывертами, лишь бы вы не провалились в омут долгой и кровавой смуты. На короля Нумеда давят купеческое сословие и дворяне — боятся, что у соседей начнется большая свара и многие потеряют свои деньги, вложенные в ваши купеческие дома, в торговлю лесом или рудой! Надо либо временно удержать Нумедидеса на троне, подsunуть ему грамотных советников, или... Или найти нового кандидата на трон.

— Один в один мои мысли, — я жестко усмехнулся. — По вашему мнению, претендентом на Альвиный Престол может стать Троцero?

— Не исключаю. Вертрауэн предусмотрел и такое развитие событий. Или ты всерьез веришь в бескорыстие пуантенцев, истративших немислимые деньги на создание боеспособного войска?

— Не верю, — согласился я с Рингой. — Похоже, Троцero изначально, еще три года назад, начал всерьез планировать мятеж. А тут — великодушная возможность предоставленная пиктами и Зогар Сагом: король и канцлер по глупости позволяют герцогам Гайарда собирать наемников, лишь бы самим не тратиться на войну и загрести жар чужими руками... Двор не подумал, что не подчиненная Тарантии армия однажды может обратиться против короля, а именно это мы сейчас и наблюдаем.

— Ты, как верный слуга Его величества, конечно же едешь в Велитриум приглядеть за возможными бунтовщиками? — невинно осведоми-

лась графиня. — Барон Гленнор расточителен — было бы достаточно двух-трех обыкновенных тихарей, а он посылает к Троцero аж начальника стола... Или все обстоит чуть более таинственно?

Я демонстративно промолчал. Пускай думает все, что угодно.

— Не подумай, Вертрауэн не подталкивал Троцero к мятежу, — внезапно сказала Ринга. — Да, мы пристально следим за событиями, оцениваем возможности Троцero и пытаемся... Неважно, что именно мы пытаемся сделать, однако Вертрауэн давно понял, что владельцы Гайарда тщательно готовят переворот против вашего теперешнего короля. Кертис, подумай сам: в любом случае царствование Нумедидеса закончится междоусобицей! В любом! В Аквилонии уже начались мелкие бунты в городах, пока что подавляемые властями, но однажды возмутятся все Великие герцогства и начнется грызня... Троцero — лишь меньшее зло. На его стороне герцог Боссонский, они наверняка купят близкий к Гайарду Тауран придворными должностями и золотом, отобранным у свиты Нумедидеса. Итого — три герцогства из пяти. Гандерланд, как область малонаселенная, может остаться в стороне, маркиграфам будет достаточно подтверждения старинных вольностей и они поутихнут, тем более, что ни один граф марки не имеет прав на корону. Они сами по себе. Что остается?

— Герцогство Шамар, — кивнул я. — Эти будут драться до последнего. Даргену Шамарскому

и его семейству сейчас принадлежит все, добровольно от такой кормушки они не откажутся — представить только, вся Аквилония в их власти!

— Отнюдь не вся. На указы из Тарантии в Гайарде запросто плюют с городской ратуши! Что же получается? Если Троцero сколотит союз с Боссонией и Таураном, то от Шамара к концу года останутся одни головешки, а Даргена с чадами и домочадцами живописно развешат на ветках дубов в королевском парке. Гандеров будет сложно привести к повиновению, если они того сами не захотят, но и эта трудность вполне разрешима. Меньшее зло... Вместо всеобъемлющей гражданской войны, где все против всех, вы получаете кратковременную смуту. Троцero — человек умный и твердый, порядок будет наведен железной рукой примерно за год.

— ...А в течении этого года окончательно обрушится и без того слабая торговля и мы придем к форменному краху, — резонно ответил я. — Вспомни карту Аквилонии — главный купеческий путь, Дорога Королей, проходит почему-то именно по землям Шамара, экая досада! Какой нормальный купец, кроме сумасбродных маркизанток наподобие одной моей знакомой, повезет товары через владения, где королевская власть огнем и мечом вынуждает подданных к повиновению? И с речными путями то же самое — Тайбор и Красная закроются для судоходства. Может припомнишь, какой именно город на Красной является главной речной гаванью? Не Шамар ли? Герцог Дарген, хоть и скотина, но не

глупее всех остальных — быстро сообразит, что помочь ему смогут те же самые наемники. С учетом многократно выросшего за последние годы состояния его поганой светлости и всей династии, он наберет армию не хуже, чем у Троцero. Это уже не год гражданской войны, а полное десятилетие. Так и передай вашему достойному купечеству и королю Нимеду, на коего оное купечество изволит «давить». В Немедии леса почти все вырублены, а нашей древесины вам теперь не видать, как своего затылка.

— Купим в Пограничье, не злорадствуй, — отмахнулась Ринга. — Или в Бритунии. Я сейчас подсказала тебе и высокочтимому барону Гленнору единственный разумный выход... Если, конечно, вы не собираетесь поддерживать Нумедидеса до последнего, как любящие и верные слуги ихней священной особы. Но ведь не собираетесь, как я догадываюсь?

— Трон надо отдать человеку, который устроит всех... — меланхолично сказал я, прихлебывая вино. — А взять его негде.

— Ты проговорился, — усмехнулась госпожа графиня. — Вот к чему приводят доверительные беседы с чужеземными шпионами. Гленнор судорожно ищет подходящего дворянина, которому собирается всучить корону и сделать из него ширму, за которой будут править пуантенцы и их союзники? Так сказать, символ, на которого возложат венец и дадут в руки скипетр? Учитай, власть короля у нас и у вас почти не ограничена, кукла на ниточках однажды может вый-

ти из повиновения и задать жару всем и каждому, история такие примеры знает...

— Какая ты все-таки язва, — вздохнул я. — Подтверждать или опровергать эти слова не буду. У тебя своя голова на плечах.

— Значит, я права, — с высокомерной самоуверенностью бросила Ринга и украдкой зевнула. — Хватит, наговорились. Пойду отдыхать. Если утром разминемся — ищи меня в Велитриуме, таверна «Голова пикта», тебе всякий покажет. Доброй ночи, месьор граф.

* * *

Тот день запомнился мне густым весенним туманом, плотным и холодным. Я даже сбился с дороги, повернув в сторону Тусцелана — лишь покосившийся деревянный указатель с вырезанной надписью «Форт Тусцелан, двенадцать лиг» заставил меня повернуть лошадь и искать другой тракт.

К первому полуденному колоколу из белесого марева, ползущего от реки, выплыла громадная черная тень — мощная деревянная крепость, стены которой были сложены из толстенных сосновых стволов и усилены снизу гранитными валунами.

Возле крепости — заметное оживление. Из ворот вереницей выползают тяжелые повозки, мчатся куда-то конные вестовые в синих одеяниях гайардской гвардии, тут же проходят небольшие отряды лучников-следопытов — это местные жи-

тели, для которых противостояние с пиктами давно стало привычным и обыденным.

На стенах заметна стража — силуэты мелькают в бойницах и на приземистых квадратных башнях. У ворот, как и положено, двойной караул — половина из пуантенцев и боссонских арбалетчиков в зеленой форме, вторую половину составляют угрюмые месьоры в кольчугах и с самым разнообразным вооружением, от копий до впечатляющих двуручных мечей. Наемники, ставшие верными воинами армии герцога.

— Кто таков? — этот вопрос относился ко мне и задал его десятник с тремя серебристыми нашивками на рукаве. — Откуда, по какому делу?

Караульные без всякого пиетета осмотрели мою дворянскую цепь с гербом, выглядывающую из-под плаща и нахмурились еще больше. Как видно, посчитали очередным посланником из ненавистой Тарантии. Я спешил и вынул из прорези рукава колета подорожную, наспех состряпанную в Латеране. Гленнор предполагал, что гостю из столицы в Велитриуме особенно рады не будут, посему в пергаменте указывалось, что прибыл я из боссонского Галпарана, по вопросу подвоза к фортам на границе продовольствия. Печати герцога, само собой, фальшивые — в Латеране найдутся печати на все случаи жизни, вплоть до копии королевского перстня.

— Надо же, дворянин, а фуражом занимается, — сочувственно протянул десятник, изучив документ. — Ладно, проезжай. Где управа знаешь?

— Знаю, — сказал я, благо раньше приходилось бывать в Велитриуме по делам службы. — Его светлость Троцерио в форте?

— Здесь, куда он денется... Тебе не к его светлости, тебе в управу, к Просперо.

Состояние вечной войны наложило на Велитриум свой отпечаток. Вооружены все и каждый, включая женщин и подростков старше двенадцати лет — последние носят широкие ножи или кинжалы. Почти у каждого мужчины за спиной арбалет, самое действенное и точное оружие. Река протекает напрямик под стенами, иногда ветер добрасывает к форту стрелы, выпущенные с противоположного берега, причем все наконецники по милой пиктской традиции отравлены. Приходится отвечать на одну стрелу дикарей десятком своих — у аквилонцев нет хороших боевых ядов, но какая-то светлая голова додумалась мазать острия, извините, дерьмом. Даже в случае легкого ранения царапина обязательно загноится. Хитрости у поселенцев и военных незамысловатые, однако себя вполне оправдывают.

В начале войны пикты еще не овладели искусством осады, предпочитая попросту сжигать отказывавшиеся сдаться форты, забрасывая деревянные постройки огненными стрелами. Аквилонцы быстро нашли выход — бревна зданий тщательно обмазывались глиной в смеси с речным илом, поэтому теперь Велитриум смотрится довольно странно. Дома приобрели неприятный серовато-болотный цвет, но если этого не замечать, форт станет отдаленно похож на любое

другое поселение в аквилонском захолустье — широкие грязные улицы с досками для прохода пеших, узкие окна домов, сараи, курицы с гусями бродят, пахнет дымом, хлебом и выгребными ямами. И еще здесь всей кожей чувствуешь напряжение и опасность... Велитриум отнюдь не мирный город — это насторожившийся военный лагерь.

Отдыхать с дороги смысла не имеет — я скакал всего-то шесть-семь колоколов. По сравнению с иными достававшимися мне дорогами, это просто легкая прогулка. Займемся делом.

Я оставил лошадь у той самой таверны «Голова пикта» о которой говорила вчера Ринга — перебросил службе монету в четверть кесария и приказал позаботиться о животном. Скептически оглядел вывеску кабака. Некий умелец вырезал из цельного пня некое подобие человеческой головы, и украсил ее десятком настоящих пиктских скальпов, игравших роль волос. Для пущего патриотизма в затылок «головы» был воткнут старый топор. Насмотревшись, я отправился к обширному зданию управы, с трех сторон огораживавшему главную площадь.

Караульные у входа снова потребовали подорожную и снова остались не в претензии к умелой подделке. За писцов Латераны можно гордиться. Вот только направился я не к племяннику его светлости, ведавшему всеми поставками фуража и продуктов, а на второй этаж — там, судя по скоплению военных, находились покои Троцерио.

— Куда? — грозно рявкнул на меня борода-
тый страж, преградив дорогу копьем. — Что-то
я тебя здесь никогда прежде не видел, приятель!
Нельзя!

— Любезнейший, соизволь-ка быстро передать
его светлости Великому герцогу эту вот вещицу,
— не смутившись ответил я, извлекая из потай-
ного кармашка перстень барона Гленнора. Такой
перстень подделать невозможно — в него вложе-
на маленькая толика магии, и выложенный сап-
фирами и изумрудом герб господина барона из-
редка вспыхивает внутренними яркими искра-
ми. — Скажи, что я приехал по самой срочной
надобности и жду немедленной аудиенции.

— Чего жду? — не понял простец. — И кто
это — «я»? Имени, что ль, нету?

— Встречи жду. А имя мое герцог знает. Да-
вай, не заставляй меня гневаться.

Страж свистнул кому-то из своих подчинен-
ных помоложе, перстень унесли. Я бездумно
смотрел в открытое окно, созерцая площадь пе-
ред домом.

— Приказано проводить, — меня тронули за
плечо. — Идемте, сударь.

Ага, это уже не туповатые, но верные наем-
ники, а офицер пуантенской гвардии. Прекрас-
но, выставлять за дверь меня не собираются, а
вовсе наоборот — приглашают со всем этикетом.

Второй этаж набит военными и стражей, бук-
вально перед каждой дверью по двое охранни-
ков. Неужели Троцero боится покушения? Все
правильно — Нумедидес и свита на все способны

— яд, кинжал, случайная стрела. Средства не-
сколько вульгарные, но зарекомендовавшие себя
с лучшей стороны опытом предыдущих поколе-
ний королей. Я ничуть не оскорбился, когда у
меня вежливо, но непреклонно отобрали кли-
нок, это разумно и логично.

— Прошу граф, входи. Обстановка походная,
оттого предлагаю не кресло, а табурет. Вина,
черного эля?

Его светлость вертит в пальцах кольцо баро-
на Гленнора — искорки в камнях так и сверка-
ют.

Величествен герцог Пуантена, в благородной
представительности Троцero никак не откажешь
— видна кровь Первых Королей. Ему почти ше-
стьдесят лет, пышная серебряная седина, высо-
кий рост, глаза серьезные и самую малость на-
смешливые. Держится прямо, с царственной не-
брежностью и плавностью в движениях. Одет
так, будто мы находимся не в дремучем захолу-
стье порубежных провинций, а в лучшем салоне
Тарантии — синий бархат с вышитыми серебром
геральдическими леопардами, гербовая цепь, в
ухе круглая серьга с единственной алмазной
звездочкой.

Мы, оказывается, не одни. В кабинете герцога
присутствует его наследник Просперо — точная
копия дядюшки, только лет на тридцать моложе
и ростом поменьше. Второй человек мне также
известен — главная романтическая загадка пикт-
ской войны, тысячник гвардии Гайарда, Конан
Канах. Чем-то похож на обоих пуантенцев, толь-

ко фигура медвежьей тяжеловата, нет в нем изящества высокородного дворянства.

— Благодарю, ваша светлость, — я раскланялся, в соответствии с принятой в общении знатных людей церемонной куртуазией. — Надеюсь, вы поняли, от чьего лица я уполномочен говорить.

— Разумеется, Кертис, разумеется... — кивнул Троцерио и вернул мне перстень. — Сразу оговорюсь: если у барона Гленнора нет секретов от тебя, то я предпочитаю ничего не скрывать от Просперо и легата Конана. В их присутствии можешь чувствовать себя свободно. Не хочу строить догадки, однако... Уважаемый барон озабочен нашим отказом выполнить предписания военного коллегия и прислал тебя склонить строптивых пуантенцев к покорности королю?

Конан, восседавший на лавке у дальней стены, довольно откровенно фыркнул и покачал головой. Просперо поджал губы, будто услышал нечто донельзя непристойное. Я выкроил на лице насквозь невозмутимое выражение и, чтобы не тянуть, бухнул напрямик:

— Его милость барон Гленнор как глава Латераны предлагает герцогам династии Пуантена принять участие в свержении короля Нумедидеса, спланированном нашей тайной службой.

Вот так. Пускай думают, что это Латерана все придумала и мы в этом деле самые главные. Главнее просто некуда!

— Что я слышу, граф? — Троцерио остался спокоен, как скала, но от иронии не удержался.

— Дворянин, удостоенный чести служить королевству и государю, предлагает другому дворянину изменить данной однажды присяге верности? Кертис, а если я сейчас прикажу вздернуть заговорщика на воротах форта?

— Тогда барон Гленнор будет вынужден искать других союзников, — ледяным тоном ответил я, ничуть, впрочем, не беспокоясь за свою дальнейшую судьбу. И тоже подпустил в голос змеиного яда: — Ваша светлость обязаны помнить, что любого дворянина, а тем более обладающего древним титулом, вешать на воротах не принято. Поскольку в Велитриуме нет церемониальной плахи, позолоченного меча и палача в белых траурных одеждах, как то предписывают традиции и старинные уложения о смертной казни — арестуйте меня и передайте в руки тех, кто и занимается раскрытием заговоров, а именно в руки Латераны.

Герцог усмехнулся. Хороший признак. Конан с Просперо остались неподвижны, но уши навести, по их заинтересованным лицам видно.

— Гленнор всегда был честным человеком, — задумчиво сказал Троцерио, отвел взгляд и постукал пальцами по столу. — Хорошо, рассказывай, я готов тебя выслушать. Потом решим, что с тобой делать. Церемониальной плахи обещать не могу и палача в белом тоже. Мы здесь люди простые, одичали в боссонских болотах, поэтому удовлетворимся самым незамысловатым. — камень на шею, и в реку. Ищи-свищи потом, куда пропал граф Кертис... И так?

Чувство юмора у его светлости совершенно варварское. От Конана, что ли, нахватался?

Я решил не обращать внимания на шуточки герцога и начал безмятежно излагать соображения моего достойного начальства.

* * *

Можно догадаться, что никаких булыжников мне на шею не навешивали и на дно Черной реки не отправляли — к чему такие пошлости, когда речь идет о серьезном деле? Выслушали молча, покивали, а затем Троцери отправил меня восвояси — отдохните, дорогой граф, в «Голове пикта», отоспитесь после долгого пути из Тарантии, выпейте вина... Мы приплем доверенного человека. А чтобы не возникало вопросов у стражи, которая в Велитриуме отличается преизрядной бдительностью, наденьте на грудь вот эту бляху — знак гвардии Гайарда.

Если за время беседы Великий герцог оставался насковозь невозмутим, то Просперо и Конан были слегка возбуждены. Я почти наяву видел, какие мысли ровным строем маршируют за их нахмуренными лбами: Кертис подослан королевским двором, все его слова — грязная провокация, и вообще доверять столичному вертопраху, а уж тем более служащему Латераны, всегда твердо стоявшей за троном государя, отнюдь не следует. Выход из положения прежний — упокоить подозрительного визитера в мутных водах Черной, чтоб другим неповадно было.

Троцери, как опытный политик, никаких эмоций не проявлял, стянул лицо в неподвижную маску и просто слушал. Пару раз переспросил и уточнил. Поскольку все предложения и условия барона Гленнора были весьма краткими, для придания солидности мне пришлось на ходу импровизировать, особенно когда герцог спросил, каков же точный план Латераны. Троцери пришлось «заболтать» — еще одно ценное умение любого служащего нашего славного ведомства. Я вывалил на его светлость огромный список военных и государственных должностей, которые придется отдать новым людям, перечислил гвардейские полки, как верные Нумедидесу, так и склонные к колебаниям, и так далее, и так далее. Масса ни о чем не говорящих сведений, которые однако произвели должное впечатление — Латерана осведомлена буквально обо всем.

(Говоря откровенно, все это может узнать любой человек, однако далеко не каждый сумеет подать в нужном свете...)

Просьба Гленнора «подумать о возможном преемнике трона из дворянской среды, не имеющей отношения к Великим династиям» не вызвала у Троцери никаких возражений — герцог молча кивнул и куртуазно выставил меня за дверь. Вот теперь, граф, думай, каков будет ответ. Девяносто девять шансов из сотни — пуантенцы откажут. Мы с Гленнором играем по слишком мизерной ставке.

Уф, наконец-то можно слегка расслабиться. Я вошел в «Голову пикта», машинально поискал

глазами госпожу Роситу из Мессантии, но моя приятельница наверняка еще не приехала — громадному фургону тяжело идти по весенней распутице. Выдав служанке целый золотой кесарий, я потребовал пива и хороший обед, откушал, затем отправился спать и благополучно продрых до самого заката. К моему удивлению, комната была чистой, на постели льняные простыни, пахнет свежим деревом. Оказалось, что здесь располагаются комнаты для дворян, а не простецов — в «Голове» обитали офицеры гвардии его светлости.

— Ваша милость, проснитесь! А, ваша милость? Господин Троцero к себе немедленно требуют!

Меня настойчиво теребили за плечо.

Какой мерзавец вломился в мою комнату? Я вскинулся, нащупывая рукоять кинжала, спрятанного под подушку. Возле скромного ложа стоял тот самый молодой наемник из охраны герцога, что днем относил его светлости перстень.

— Чего? — я продрал глаза и уставился на внезапного визитера. Выглядит чуть смущенно, но решительно. Я отметил, что за окном сгустились сумерки и опять ползет туман. — Что стряслось?

— Герцог Троцero пред свои ясные очи требуют. И чтоб быстро.

Любопытно. Не «просят пожаловать», а именно «требуют». Причем требуют быстро. Или Троцero принял определенное решение, или дейст-

вительно произошло нечто непредвиденное. Спешные новости из Тарантии? В таком случае, очень надеюсь на известие о том, что Нумедидес поскользнулся на ступенях трона и успешно свернул шею.

Спустились по лестнице, быстрым шагом миновали огромный обеденный зал, я успел угладеть Роситу-Рингу, вовсю соблазнявшую кого-то из гвардейцев. Росита послала в мою сторону внимательно-заинтересованный взгляд, однако свое увлекательное занятие не оставила.

В резиденцию Троцero на сей раз меня пропустили беспрепятственно, но проводили не наверх, а вниз, в подвал. Что они еще придумали? Возжелали допросить посланца Латераны с надлежащим пристрастием?

Точно, возжелали. Однако, я тут отнюдь не главное действующее лицо, а обычный гость.

Компания прежняя: Троцero с наследником, Конан Канах, и еще один невысокий крепкий месьор в гвардейском колете. Я его немного знаю — это Паллантид, года полтора назад с треском изгнанный из отряда Черных Драконов за выдуманные легатом Альфарусом нарушения. Сыночку герцога Шамарского требовалась вакансия для приятеля, неуживчивый и тяжелый в общении Паллантид попался под горячую руку и был лишен звания сотника. Ему ничего не оставалось делать, кроме как отправляться на Черную реку, где людей оценивали не по происхождению или близости к трону, но по качествам сугубо деловым. Такое впечатление, что

Троцero намеренно собирал у себя всех обиженных на короля и присных дворян.

Кроме этой четверки, меня самого и трех дюжих детинушек из наемного отряда, в подвальной комнате (судя по тяжелой двери с засовом и облицовкой стен камнем — здешнем подобии каземата) находился еще один месьор, при виде коего у меня тотчас возникли скверные подозрения. Где-то я его видел, уж не в замке ли короны? Больно рожа знакомая.

— Вот, граф, соблагоизвольте видеть, злодея изловили, — Троцero небрежным жестом указал на связанного по рукам и ногам знакомого-незнакомца. — Кертис, ты к подобным вещам привык, не чета моим телохранителям... Могу я просить о помощи в дознании?

— А в чем, собственно, трудности? — осторожно спросил я, ибо столь неожиданная просьба герцога меня слегка обескуражила. Неужто Троцero и впрямь решил довериться Латеране? Или проверяет на верность общему замыслу?

— Конан, расскажи, — приказал светлейший.

Медведеподобный месьор Канах развел руками, взглянул на меня и изложил суть дела. Говорил тысячник четко, точно и доходчиво, не путаясь и не запинаясь — это я оценил. Может быть, Конан возглавляет личную секретную службу Троцero? Нет, вряд ли, Латерана знала бы о новом сопернике.

Ничего особенно интересного Конан мне не поведал — обычнейшее, довольно бездарно организованное покушение. Такой оборот я предска-

зывал только вчера, во время беседы с очаровательной Роситой.

Днем Троцero отправился в соседний форт Эградан, где квартировала часть конницы — недавно пикты переправились на нашу сторону реки и пытались вырезать караулы. Сопровождали герцога десять ликторов и Конан. Первую лигу миновали благополучно, на второй нарвались на засаду. Герцога спасла кираса — две арбалетные стрелы скользнули по прочному металлу не причинив никакого вреда, третья застряла, не сумев пробить сталь, поддетую кольчугу и стеганный подкольчужник. Троцero вовремя догадался упасть с седла на землю, телохранители схватились за самострелы и начали преследование. Троиш покушавшихся убили, четвертого сумели захватить живым. Им повезло — поймали-то не обычных исполнителей, а того, кто командовал.

Вот и вся история.

— Ваша светлость просит меня о том, чтобы я допросил этого человека? — сказал я герцогу, как только Конан закончил.

— Это же твое ремесло, почтенный граф, — без тени улыбки ответил Троцero. — Если следовать букве закона, ты представляешь здесь тайную службу, обязанную расследовать преступления против государства и особ, наделенных определенными пономочиями. Пока что меня никто не лишал звания командующего армией Черной реки, я утвержден на этот пост правящим монархом.

Ах, вот значит, как? Хитро. И отвертеться не

получится — Троцero кругом прав. Но «отвертеться» я вовсе не намереваюсь. Применим знания и умения начальника стола Латераны и тем самым завоюем еще одну толику доверия. Из мелких кирпичиков складывается огромное здание.

Захваченный злодей вовсе не выглядел напуганным мышонком — высокий, сильный уверенный в себе мужчина. Такого обычным допросом не проймешь и не напугаешь. Он понимает, что слова «закон» и «судебное делопроизводство» в Велитриуме являются чистейшей фикцией и с ним могут сделать все, что взбредет на ум, но никаких признаков страха не заметно... Где же я его видел? Точно говорю, в Тарантии, но где? Почему память меня подводит в самый неподходящий момент?

Я отозвал Троцero в коридор и тихо спросил:

— Ваша светлость, я прошу простить за такую невероятную похабщину, но нет ли в Велитриуме опытного палача?

— Палача? — герцог взглянул слегка изумленно и пожал плечами. — Мне такие слуги пока что не требовались, впрочем... Конан, подойди! Тут месьор граф хочет отыскать палача. Не знаешь ли, найдутся у нас мастера заплочных дел?

Конан призадумался и вдруг кивнул.

— Знаю одного. «Тигриная сотня», наемники, зовут его Жайме из Карташены. Отправить посыльного?

— Немедленно, — ответил я за Троцero. —

Скажи, чтобы привели в ближайшую кузню. Саму кузницу очистить от... посторонних. Дознанием займусь я сам, вам, месьоры, будет лучше находиться в соседнем помещении и просто слушать, не вмешиваясь в этот тонкий процесс. Из-за присутствия лишних людей человек начнет смущаться, лгать... Только я, преступник, и палач, который умеет держать язык за зубами.

— Этот — умеет, — хищно оскалился Конан и впервые мне улыбнулся. — Сделаем. Кузня — на хозяйственном дворе. Отправляйтесь туда, Жайме придет через пару квадрансов.

* * *

— Департамент по поддержанию и охранению душевного согласия в странах Заката и стол безопасности королевства в моем лице предъявляют тебе обвинение в покушении на одного из первейших дворян Аквилонии — Великого герцога Пуантена и Гайарда Троцero. — Я скучным голосом выдал формулу обвинения, принятую в Латеране и черкнул в развернутом на деревянном столе пергаменте строчку из сонета знаменитого стихотворца Юния Ксавера. Пускай мой нечаянный собеседник видит, что все делается по закону и даже записи в допросном листе ведутся. — Тому имеются многочисленные свидетели. Что ты можешь сказать в свое оправдание?

— Я просто гулял в лесу. Это ошибка.

— Значит, ошибка... Могу я узнать, что ты делал в дикой чашобе в полутора лигах от Ве-

литриума, где можно запросто встретить опасных диких животных или пробравшихся на аквилонский берег пиктов? «Гулять» можно в лесу Руазель, в дворцовом парке столицы или в садах Обители Мудрости на левом берегу Хорота. Но не здесь. Согласен?

Узник, который пока не соизволил даже назвать свое имя, угрюмо промолчал. Значит, он не согласен. Так-так.

Доселе мне не приходилось трудиться в столь неудобных условиях. Вообще-то я не люблю прибегать к откровенному насилию, полагая, что в любом допросе первейшую роль играют угрозы и запугивание, а как следует запугать преступника в обыкновенной кузнице при конюшне довольно сложно — к тому не располагает прозаическая обстановка. Каменный закопченный горн, подковы в ящиках у входа, на стенах какая-то упряжь развешана... По сравнению с подвалами тихого поместья барона Гленнора — сущее варварство. Одно утешает: помощничка мне подыскали исключительного. Давненько я не видывал столь живописных типов, самого дрожь пробирает.

Признаться, за десять лет службы в Латеране я встречал самых разных людей, причём большинство из них вовсе не отличались законопослушностью, ласковым нравом и пленительной внешностью. Но когда мне представили Жайме из Карташены, у меня непроизвольно отвисла челюсть. Не человек — кровавое чудовище из страшных сказок о вурдалаках. Когда вся эта ис-

тория кончится, обязательно его отыщу и приглашу на должность палача в Латерану. С самым высоким жалованием, на какое только согласится наш казначей.

Конан Канах, который самолично привел Жайме в кузницу, едва не расхохотался, увидев, как я слегка побледнел при виде затребованного палача. Потом Конан дружески похлопал меня по плечу — не дергайся, мол, все отлично! — и скрылся за дверью в каморку кузнеца, где уже устроились Троцерио и остальные.

— Э-э... Мое имя — граф Кертис, — выдавил я, глядя снизу вверх на Жайме и стараясь не показать некоторой растерянности. — Мне сообщили, будто ты умеешь...

— Умею, ваша милость, как не уметь, — прогудел Жайме. Говорил он с жутким зингарским акцентом, однако вполне разборчиво. — Двадцать один год беспорочной службы в морской управе дознания при королевском губернаторе Карташены.

Морская управа? Неплохо. Эти господа трудятся на достойном поприще искоренения пиратства на Полуденном побережье, а поскольку попавшиеся в руки правосудия корсары есть народ упрямый и вредный, опыта месьору Жайме на занимать.

— А почему здесь оказался? — поинтересовался я, наблюдая как зингарец сноровисто раздувает угольки в горне.

— За грехи человеческие, — скромно ответил палач. — Мздоимство, ваша милость, в Карташе-

не наказуемо, а я прельстился на денежки капитана Эрладеса, ибо означенный капитан сердечно попросил вытащить из тюрьмы его боцмана, сдуру попавшегося на контрабанде серого лотоса из Стигии... Пришлось делать нехитрый выбор между пеньковой веревкой и жизнью наемного меча на пиктской границе.

— Ну вот, а говорил будто служба «беспорочная», — рассеянно заметил я, получив на то вполне философический ответ:

— Слабости, месьор граф, присущи всякому, а особо человеку на королевском жаловании, каковое во всех странах заставляет людей искать лишнего приработка... С кем работать будем, ваша милость?

Я хлопнул в ладоши и стража приволокла в кузню предмет моего интереса. Сам предмет лишь слабо выругался, узрев лыбящегося Жайме. Немудрено — зингарец был не просто высок и могуч, он оказался гигантом, по сравнению с которым даже немаленький Конан Канах выглядел сущим заморышем. Пять локтей, самое меньшее. Добавим сюда узловатые лапищи, даже пальцы которых были покрыты густым вьющимся черным волосом и чудовишно изуродованное лицо — видимо, Жайме однажды получил сильнейший ожог на пожаре. Большая часть лысого черепа представляла собой сплошной фиолетовый рубец, этот же шрам покрывал лоб слева, оставляя для затянутого бельмом глаза неприятную узкую щель, распространялся на щеку и часть шеи — кожа возле губ оказалась

стянутой ожогом и у зингарца были постоянно видны желтые обломанные зубы. Правый глаз был двуцветным — половина радужки пронзительно-черная, вторая почему-то голубая. На правой руке шесть пальцев. Для полноты картины добавлю, что некое подобие бородыросло только на здоровой щеке и куст жестких волос свисал до груди, напоминая драный конский хвост. Кроме того, перед «работой» Жайме сбросил рубаху, явив миру по-обезьяньи волосатое тело.

Ужас! Именно такие люди и нужны Латеране!

(Значительно позже, когда Жайме уже всюду трудился у нас — я все-таки соблазнил зингарца достойным жалованием — мне стало известно, что при всем своем немыслимом безобразии палач оказался любящим мужем и отцом аж цытерых детишек, которых успел произвести на свет от некоей маркитантки за время противостояния на Черной реке. О женщины, загадочна ваша душа!)

— Народец пошел нынче хлипкий, нежный, — добродушно разглагольствовал Жайме, вертя на углях металлические пруты и копаясь в кузнечных инструментах, отыскивая те, что могли бы заменить ему привычные игрушки, коими оснащена всякая достойная пыточная комната. — Прежде люди встречались куда покрепче, сразу и не проймешь, как ни старайся. Помню, со знаменитым Кривошеим Зогом, корсаром с Баракхас, пришлось два дня возиться, пока Зог не раскрыл место, где закопал сокровища, захваченные

в Асгалунской Золотой Башне. Или вот например...

— Жайме, эти интереснейшие истории ты расскажешь в другой раз, — поморщился я. — Давай приступим.

— Конечно, ваша милость. Вместо дыбы во-он ту балку используем. Не погнушайтесь пособить, месьор граф... Веревочку подержите, пока я гостя за руки подтяну...

И далее в том же духе. Наш, как выразился Жайме, «гость» все-таки оказался крепким орешком. Молчит и все тут. Пришлось прибегнуть к более действенным способам убеждения.

— Мы здесь одни, ночь впереди длинная, — с ленцой втолковывал я гостю. — Сам понимаешь, Латерана не будет особенно церемониться с преступником, собиравшимся лишить жизни одного из Великих герцогов. Не хочешь беседовать по-хорошему, придется по-плохому. Жайме, с чего начнешь?

— С горячего железа начинать, как говорят благородные господа, некуртуазно, — со знанием дела ответил зингарец. — Может, ремешочки со спины снимем? Не надо беспокоится, ваша милость, я аккуратно, тоненько, по волосочку. Гостю никакого ущерба не нанесем, только поорет маленько. Если угодно — пасть тряпкой заткнем, чтоб людей на дворе не беспокоил. Эх, где вы, казематы Карташенской крепости, ни единого звука даже в коридоре не слышно...

— Я требую отвезти меня в Тарантию и передать «Скрытой Башне», — неожиданно выпалил

злодей, опасливо скашивая глаза на поигрывающего тонким кинжалом Жайме. — Там я все расскажу! Этим делом должна заниматься тайная служба короля!

— Ай-ай-ай, как же так можно! — воскликнул я, хлопнув по лбу ладонью. Данный упрек был отнесен мною к самому себе. Ну, разумеется, этот месьор мне знаком. Ликтор из стражи герцога Даргена! Я не опознал его сразу лишь потому, что запомнить всех придворных холоуев, отирающихся вокруг Нумедидеса и шамарской шайки просто невозможно! Допрос можно прекращать, и так все более чем понятно. Однако, Троцero должен услышать заветные слова:

— Кто отдал приказ? Герцог Дарген Шамарский? Король? На меня смотреть, тварь! — пользуясь обширным опытом прежних дознаний, я сорвался в страшный крик. Жайме даже попятился. — Говори! Кто?!

Не сработало. Узник поскрипел зубами и промолчал. Я кивнул зингарцу.

— Не надо! Хватит! — взвыл злодей, почувствовав лезвие кинжала. — Канцлер! Личный тайный приказ! Я служу в «Скрытой Башне»! Отправьте меня в Тарантию! Именем короля!

— Исполнители всегда страдают за ошибки вышестоящих, — грустно заметил я, наблюдая, как Троцero сотоварищи выходят из соседней каморки. — Ладно, дружок, больше мне от тебя ровным счетом ничего не нужно. Хотя... Ваша светлость, — я повернулся к герцогу, — мне будет позволено еще немного побеседовать с этим

месьором? Хочется узнать некоторые подробности захватывающей жизни господ из королевской тайной службы.

— Сколько угодно, — Троцерио слегка поклонился. — Кертис, утром загляни ко мне. Я передам барону Гленнору одну семейную реликвию, он поймет.

Они сразу ушли. Только Конан Канах задержался на пороге кузницы. По его взгляду я понял, что утром кому-то точно навесят камень на шею и даже не надо долго гадать, кому именно. Когда Конан исчез в ночной темноте, я повернулся к гостю, сказав:

— Обещаю, что попрошу Троцерио сохранить тебе жизнь, если расскажешь все, что меня интересует. И если не будешь вилать. Договорились?

Тот ответил, что договорились.

Я дворянин и врать мне не пристало. На рассвете я честно выполнил обещание — попросил Великого герцога оставить этого человека в живых. Не моя вина в том, что Троцерио отказал.

Глава третья

Барон Данкварт Гленнор
«Государь всея на свете»

Если во времена короля Вилера присутствие на дворцовых приемах было для меня лишь скучной, однако необременительной обязанностью королевского приближенного, то сейчас наипышнейшие церемониалы превратились в настоящее мучение. Нумедидес, доказывая самому себе и остальному миру собственное величие, предельно усложнил этикет. Туранский посланник Суринхур как-то сказал мне, будто ничего подобного не видел даже богатейший и отягощенный странными для аквилонца традициями Восхода двор императора Илдиза.

Во-первых, полный титул короля теперь не умещается на целом пергаментном листе «в четверть» — перечисляются все подвассальные земли, добавлены превосходные эпитеты наподобие «блистательный» или «священнорожденный», а любая ошибка в написании титула полагается

коронным преступлением. Неправильно начертал одну-единственную букву, отправляясь в тюрьму — сие действие подпадает под улучшенный и дополненный канцлером и монархом закон об оскорблении величества.

Во-вторых, некоторые прежние, спокон веку существовавшие традиции, ныне доведены до полного абсурда. Поскольку короли династии Эпимитреев по преданию ведут родословие от самого святого Эпимитриуса, слово «священный» по отношению к особе государя и ранее истолковывалось в смысле религиозном — на митрианских праздниках, наподобие Дня Возрождения Солнца, аквилонские монархи иногда исполняли жреческие обязанности, однако тем и ограничивались. Нумедидес, со свойственной ему манией хапать все, что плохо лежит и что лежит хорошо, не стеснясь объявил себя Верховным жрецом Солнечного Диска, а выше этого титула в жреческой иерархии нашего королевства ничего и придумать нельзя. Теперь святость короля и престола сомнению не подвергались, в упомянутый закон об оскорблении величества внесли новые главы о строжайшем наказании за святотатство и на всякий случай провели с полдюжину показательных казней оных святотатцев, осмелившихся высказать свое отношение к столь вопиющим нововведениям.

В-третьих, Нумедидес, старательно пытающийся любыми способами унизить аквилонское дворянство, ввел несколько обязательных церемоний, смешных и грустных — смотря с какой сто-

роны подойти. Целование королевского перстня (целование же длани есть великая монаршая милость, почти как награждение орденом Большого Льва). Приближаться к королю и удаляться от него дозволительно только согнувшись в «малом поклоне», при беседе поклон превращается в «средний», при объявлении милостей, в «глубочайший». Расширился список всяко-разных «дарований» — если вам на торжественном обеде прислали надкусанную государем гусиную ножку, можете упиваться внезапно свалившимся счастьем. Молодым дворянам предписана теперь обязательная служба при замке короны, причем на должностях насквозь плебейских — король считал, будто его лучезарной персоне оскорбительно видеть во дворце лакеев, набранных из простонародья. Святейшей особе обязаны прислуживать только благородные! Вот и состоят ненаследные сынки герцогов и графов в «младших обмахивателях пыли с королевской бронзы», и что самое ужасное, для некоторых это холуйство вполне приемлемо, лишь бы оказаться поближе к трону.

Одним словом — кошмар. Можно терпеть на престоле какого угодно тирана (деспоты, между прочим, всегда пекутся о благе государства, исключений из данного правила история почти не знает...). Можно терпеть и коронованную посредственность — такие монархи как правило безобидны. Они не занимаются делами, тратят время на развлечения и актрисок, но в основном являются добряками. За посредственных коро-

лей управляют честолюбивые и умные советники, которым приятно знать, что настоящая-то власть сосредоточена в их крепких руках. Если угодно, могу привести множество подобных примеров, хотя любому интересующемуся достаточно пролистать аквилонские летописи...

А вот когда трон занимает посредственность с задатками мелочного тирана, начинаются бедствия. Такой человек уверен с собственной значимости и непогрешимости, вмешивается в действие налаженного при прежнем царствовании государственного механизма, который отлично работает и без его мудрейших указаний, не понимая, что подобное вмешательство не нужно и вредно. Лишь бы показать всем и каждому — правлю я! Добавим сюда тоску по неудавшимся планам молодости, когда престол занимал нелюбимый дядя, мнимые и настоящие обиды времен пребывания в почетном, но чисто декоративном положении наследника, «друзей короля», которые решили, что Аквилония — это их собственная вотчина, с которой можно делать все, что угодно, и которые безбожно путают интересы государства с интересами герцогской семьи и получим... Получим Нумедидеса.

Мне его немного жаль — из племянника Вилера получился бы неплохой глава коллегіума, ведающего незначительными делами наподобие прокладки новых мощеных трактов или надзором за речной торговлей. В молодости Нумедидес вовсе не был тем, во что его превратило владение престолом. Я отлично знаю, что однаж-

ды он умрет насильственной смертью и время это приближается.

Нумедидес попросту родился не в то время и не в той династии. Ему вполне хватило бы баронского или графского титула, достойной, пусть и невеликой должности в чиновничьей иерархии королевства, и обычного счастья человека, не обремененного ответственностью за тысячи тысяч подданных и дальнейшую судьбу огромного государства.

Он не понимает, что делает. А ближайшее окружение усердно поддерживает его заблуждения, действуя по старому, но ведущему к неизбежной катастрофе принципу: пускай погибнет мир, но лишь после нашего ухода со сцены...

Теперь вы понимаете, почему я решил на измену престолу?

* * *

У меня вырвался вздох облегчения, когда последний вопль церемониймейстера наконец-то затих и силуэт короля скрылся за драпировкой, укрывающий стену за тронным возвышением малой церемониальной залы. Прием, устроенный в честь дня Откровения Эпимитриуса закончился.

Нумедидес сегодня напоминал не государя цивилизованной страны, а какого-нибудь вождя кхарийской эпохи — немыслимая бело-золотая жреческая хламида, расшитая камнями и жемчугом, новая «большая корона» (старый акви-

лонский венец с пятью зубчиками показался королю чересчур скромным, вот и заказали мастерам новый, с массой безвкусных дужек, ободков и прочей мишуры), орденские цепи и ленты, гербовый знак... Зрелище яркое до рези в глазах.

Вместо того, чтобы благополучно сидеть в поместье и заниматься делами, я вынужден был с раннего утра торчать во дворце, причем в соответствии с этикетом мне пришлось облачиться в парадный наряд, тяжеленный и неудобный. Ненавижу эту сбрую. Во времена Вилера глава Латераны вообще не был обязан присутствовать на подобных церемониях — король справедливо полагал, что у барона Гленнора и других занятий хватает.

— Господин барон... — едва я попытался незаметно смешаться с толпой разодетых придворных и выскользнуть на парадную лестницу, ко мне подошли два гвардейца полка Алых Кирасир. Оба в чине десятников. — Его королевское величество и светлейший канцлер приглашают господина барона пожаловать в морскую гостиную. Мы проводим.

Час от часу не легче. Зачем я вдруг понадобился королю? Отчеты Латераны доставляются в замок исправно (пускай Нумедидес их не читает) и все доклады почти правдивы — часть правды я предпочитаю придерживать для себя, чтобы случайно не обидеть приближенных монарха. Весьма надеюсь, что однажды мне удастся сдуть пыль с некоторых документов и пустить их в ход.

Или меня в чем-то заподозрили? В неблагонадежности? Тогда дело обстоит скверно — отправят в Железную башню и там уж начнется долгий и неприятный разговор с назойливыми господами из королевской секретной службы. Ка-ламбур на редкость дурацкий — «Скрытая башня» в Железной башне... У меня есть выход и на этот случай: маленькая коробочка с жуткой смесью нескольких порошков лотоса, достаточно одного вдоха, чтобы отправиться в недолгое путешествие на Серые равнины.

Ничего, прорвемся! Никакого уныния сейчас допускать нельзя, слишком многое поставлено на кон.

Второй этаж, Закатное крыло дворца. Личные покои Его величества. Лакеи стоят через каждые семь шагов, да только никакие это не лакеи — тихари из охраны.

Парадный эсток в лаковых ножнах не отобрали — это приятно, значит пока хватать меня под белы ручки и тащить в подземелье никто не собирается. Гвардейцы остановили меня у высоких изразцовых дверей с изображением корабликов и левиафанов, в проем нырнул дворецкий, доложил, появился снова и широко распахнул створки.

— Его милость советник короны барон Данкварт Гленнор! — взвыл благообразный седовласый холуй и показал мне взглядом, что можно войти.

Так, что там положено делать? Малый поклон? Извольте.

— Счастливи приветствовать моего государя в сей праздничный день, — проворковал я, мелкими шажками приближаясь к креслу Нумедидеса, рядом с которым возвышался толстый и высокий канцлер Редрик. Взгляд на короля поднимать нельзя, пока их величество не позволит.

Нумедидес — какая честь, чтоб его сплущило! — протянул царственную длань для поцелуя. Пришлось преклонить колено и приложиться.

— Встань, — сказал король. — Я рад тебя видеть, барон. Надеюсь, ты здоров?

Я-то здоров, а вот королевская персона прихварывает. Хворь эта известна всем и каждому и вызывается излишним потреблением горячительных напитков.

Нумедидес пьет. Бесспорно, у всякого достойного государственного деятеля времени на возлияния попросту нет, но ведь к Нумедидесу слово «достойный» неприменимо. Вот и сейчас язык у короля слегка заплетается — после утомительной церемонии обожаемый государь позволил себе чуточку передохнуть за бокальчиком красного зингарского. Потом, надо думать, займется пресловутыми «важными государственными делами».

Выглядит Нумедидес дурно, не смотря на всяческие припарки и мази дворцовых лекарей. Если четыре года назад он смотрелся вполне прилично — крепкий, пусть и худощавый пятидесятилетний мужчина — то за время царствования, он отяготил себя всевозможными излишествами, отказаться от которых был не в силах.

Внешне король постарел лет на десять, еще больше Нумедидеса старит седая борода, которую пришлось отпустить в подражание жреческому сословию — мы же теперь являем собой власть не только светскую, но и жреческую. Взгляд какой-то... тухлый, иначе и не скажешь. Мешки под глазами. То ли дело канцлер Редрик — его светлость пышет здоровьем, как большинство крупных, дородных людей.

— Мне доложили, будто ты, барон, нарочно задерживаешь ордонанс, по которому часть обязанностей Латераны перейдет к «Скрытой Башне», — бесцветным голосом сказал король и взглянул на Редрика. — Неужели это настолько сложно?

— Сложно, ваше величество, — я снова поклонился. — Весьма сложно. Только архивы занимают несколько сотен шкафов. Тысячи свитков, пергаментов, тетрадей... Ни единый лист не должен попасть в руки врагов Аквилонии, вывоз бумаг из Латераны в замок следует провести в строжайшей тайне.

Я просто заговаривал зубы, однако если Нумедидеса можно в чем-нибудь убедить, то канцлер на уговоры не поддается. Старый лис. Но мы хитрее.

Хотите получить ордонанс? Прекрасно, я пришлю бумаги завтра же, составить документ будет не сложно. Засажу писцов на полную ночь, к утру все окажется готово. Там будет изложено множество никому не нужных подробностей, рекомендаций и указаний, в которых любой демон

ногу сломит, пока умники из «Башни» сообразят что к чему, пока начнут шевелиться... А бумага все стерпит.

— Я рад, что ты готов исполнить приказ короля, — канцлер улыбнулся углом рта. — Теперь поговорим о другом. Латерана должна объединить усилия со «Скрытой Башней» и устранить опасность, грозящую трону. Пуантенцы совершенно обнаглели — Троцери отказывается принять указания военного коллегiums о роспуске своего войска, отправляет королевских гонцов, и, как доносят мои осведомители, готовит мятеж... Насколько я помню твои отчеты, барон, Латерана тоже осведомлена о беспокойствии на пиктской границе. И беспокойствие это создано не варварами, а подданными Трона Льва!

Канцлер непогрешимо прав. Если в докладах я буду покрывать Троцери, меня могут заподозрить. Посему отчеты почти соответствуют истине. Почти. Пускай в замке думают, что Латерана неусыпно бдит. Не собираюсь разубеждать в этом канцлера.

— Вот, что мы решили, — сказал Редрик. — Герцог Пуантена должен быть устранен как можно быстрее. Будет лучше, если он погибнет героически, от рук пиктов. В королевстве объявят траур, похороны в родовой усыпальнице со всей пышностью... Это возможно?

— Для Латераны нет ничего невозможного, — ответил я, ничуть не покрывив душой. — Но придется повозиться. Нанять пиктов, устроить засаду, потом уничтожить непосредственных ис-

полнителей, чтобы не говорили лишнего впоследствии. Не допустить даже тени подозрений в дворянском обществе, посулить пуантенскому наследнику милости короля... Наградить войско Троцери, дабы не получить бунт наемников. Если угодно вашему величеству и вашей светлости, план будет подготовлен в ближайшие дни. Прошу об одном: если мы не хотим спровоцировать немедленный мятеж, пока Троцери не следует объявлять изменником и злодеем короны. В этом случае у него будет повода к объявлению Рокода, а я успею организовать покушение.

— Видишь, Редрик, господин барон против твоего указа, — вмешался Нумедидес. — Я согласен с месьором Гленнором. Барон доказал нам свою преданность.

— Как будет угодно вашему величеству, — ровно сказал канцлер. — Троцери пока останется в прежнем звании. Но если через две седмицы барон Гленнор не сумеет выполнить этот недвусмысленный приказ, придется действовать более решительно. Барон, надеюсь тебе все ясно?

— Да, ваша светлость.

Яснее просто некуда. Значит, у меня в запасе четырнадцать дней. Посмотрим, кто нанесет первый удар.

* * *

Я перебросил поводья лошади подбежавшему конюху Латераны и с превеликим удовольствием заметил перетаптывающегося возле коновязи со-

лового боссонского жеребца, принадлежавшего графу Кертису. Конь в мыле, тяжело дышит — следовательно, Кертис приехал совсем недавно.

Граф ждал меня в кабинете — он единственный, кому дозволено входить в покой хозяина Латераны в мое отсутствие. Кертис по уши в грязище, глине и пыли, смердит лошадиным потом, одежду явно придется выбрасывать. Но выглядит мой помощник довольно. Уселся в глубокое мягкое кресло, прихватив бутылочку «Изумрудной лозы» из моих драгоценных запасов. При появлении высокого начальства даже встать не удосужился.

— Могу я надеяться, что ваша милость простит мне столь вопиющее нарушение этикета? — чуть нетвердо сказал граф, увидев мою фигуру в дверном проеме. — Несколько дней, проведенных в дороге, не способствуют поддержанию хороших манер. Проклятое седло превратило мой зад в одну сплошную мозоль...

— Фу, Кертис! — усмехнулся я, походя отбирая у графа бутылку и наливая вина в свой кубок. — Мало мне было пьяного короля, а теперь и ты решил порадовать старика блуждающим взглядом и неразборчивой речью. Если угодно — можешь вволю пображничать вечером, разрешаю.

— Я счастлив барон, — фыркнул Кертис. — Отчего это вы такой расфуфыренный? Очередной прием у достославного государя? Ах, верно, день Откровения... С такими невероятными поручениями можно позабыть обо всем на свете,

даже о государственных праздниках, непочтение к которым есть оскорбление короны. Собираетесь взять меня под стражу за это чудовищное прегрешение перед троном?

— Что-то ты разговорился, друг мой, — ответил я. — Не будь хороших новостей, ты бы молчал и ждал, когда я начну задавать неприятные вопросы. Троцерио согласился, насколько я понимаю?

— Не знаю, — пожал плечами граф. — И не надо смотреть на меня, будто удав на кролика. Действительно не знаю. Вместо ответа на четко поставленные вопросы его светлость выдал мне кошель с непонятной побрякушкой, сказав, будто барон Гленнор сам все поймет.

Кертис положил на стол мой перстень с гербом и черный кожаный мешочек с тиснением в виде пышного вензеля герцогов Гайарда.

В кошельке обнаружилась орденская цепь «Три леопарда» — знак, которым владельцы Пуантена уже много столетий удостоивают и жалуют своих подданных. В обрамлении золотого лаврового венца синее крупный, размером с монету в кесарий, сапфир. Над камнем, в миниатюрном щите-дроглоре виднеются три «идущих льва настороже» — так называется в геральдике хищная кошка с поднятой передней лапой. Судя по некоторым деталям работы ювелиров, я понял, что орден сделан очень давно, лет триста-триста пятьдесят назад. И что сие означает?

— Ничего особенного в этой игрушке я не вижу, — сказал Кертис, будто прочитав мои собст-

венные мысли. — Вещь старинная, красивая, однако насквозь бесполезная.

— Отчего же бесполезная? — я вертел орден в руках. — Можно продать, заложить ростовщичку — вон сапфир какой громадный! — или подделать жалованную грамоту и носить. Далеко не у всякого дворянина из столицы отыщутся пуантенские награды. Что Троцero хотел этим сказать? Просто подарок, как знак согласия с моими соображениями? Нет, быть не может, здесь должен отыскаться скрытый смысл, подтекст... Граф, какие соображения?

— Соображения? — Кертис почесал небритый подбородок. Поглядел на «Трех леопардов», перевел взгляд на валяющийся рядом перстень с горящими в глубине камней искорками и неожиданно рассмеялся: — Вот оно что! Надо было сразу догадаться! Барон, в это кольцо вложена магия, так почему бы Троцero не мог прислать главе Латераны предмет, также обладающий некими волшебными свойствами? Послание, которое может прочесть лишь тот, кому оно предназначено? Если человек может ошибиться или предать, то магия от подобных слабостей избавлена.

— Хорошая мысль, — согласился я. — Кертис, ты, оказывается, отнюдь не безнадёжен, можешь работать не только мечом, но и головой.

— Весьма польщен, — саркастично ответил граф. — Сообразить нетрудно, да только мы не знаем заклинания, с помощью которого оживет магия, заключенная в камне.

— Узнаем, — решительно ответил я, звякнув в колокольчик. В дверную щель просунулась голова секретаря. — Месьюр Алфер, пригласи немедленно мэтра Савердена! Я жду его тотчас же!

Достопочтенный мэтр Саверден — живая легенда Латераны. История его бурной жизни вполне могла бы подвигнуть какого-нибудь знаменитого сочинителя вроде Стефана, Короля Историй, на создание многотомного труда, коим зачитывалась бы романтическая молодежь. В молодости это был невероятнейший авантюрист, наделенный некоторыми магическими способностями — Саверден с удивительной легкостью совмещал ремесло грабителя и соглядатая некоторых купеческих домов, жаждущих узнать о планах соперников, не чурался поручений от тайных служб как Аквилонии, так и сопредельных держав, баловался контрабандой, речным пиратством и фантастически изощренными мистификациями: история о том, как Саверден умудрился на несколько дней стать (подумать страшно!) королем Офира, вошла во все анналы тайных служб.

Этот пройдоха придал себе облик тогдашнего офирского монарха Аргилло II, и когда настоящий король был на дальней охоте в горах, сумел ввести в заблуждение столичную аристократию и придворных, попутно заимствуя из сокровищницы наиболее ценные вещицы... И ведь опознали его по чистой случайности — возлюбленная короля не признала в человеке, делившем с ней ложе, государя Аргилло: кто ж мог знать, что

королю в детстве сделали обрезание из-за болезни? А как известно, то, что у человека отрезано, обратно отрасти никак не может.

Словом, однажды Саверден допрыгался и попал в сети Латераны. Мой предшественник на посту начальника аквилонской тайной службы, граф Эстрель, сразу понял, что будет полезнее переманить талантливого афериста на нашу сторону, чем отправлять его на эшафот за многочисленные проделки, никак не совместимые с представлениями королевских судей о поведении добропорядочного подданного Трона Льва. Месьор Саверден может и далее продолжать свои... э-э... труды, но только под чутким надзором Латераны и во славу Аквилонии. Что характерно, Саверден согласился, и стал одним из лучших конфиденентов, каких только знала история нашего тихого ведомства.

С возрастом мэтра начали тяготить долгие путешествия и он занялся работой с донесениями, а заодно решил усовершенствовать свои магические умения — бывший авантюрист остепенился, превратившись в первого советника Латераны по делам волшебства. Пожаловаться на Савердена я не могу: он навсегда остался человеком верным нашему сомнительному ремеслу и я имею все основания ему доверять. Кроме того, мэтр так и не избыл страсти к самым захватывающим аферам. Никаких сомнений — если Саверден будет посвящен в тайну грядущего переворота, он с восторгом согласится принять в нем участие. Это вам не какой-то занюханный Офир

и фальшивый король — это захват власти в Аквилонии!

— Твое мнение, что это такое? — я выложил перед мэтром присланную Троцери драгоценность и получил вполне предсказуемый ответ:

— «Три леопарда», орденовый знак Пуантена. Изготовлен, по моей оценке, примерно в 1050 году. Та-ак... Точно, на оборотной стороне клеймо: две нордгеймские руны «А», ювелирная мастерская Лайма из Гайарда, после смерти мастера данное клеймо более не использовалось. Сапфир из копей Эйглофиата, судя по форме огранки — работа гномов. Оцениваю орден в девятьсот полновесных кесариев. Все.

Я тоскливо уставился на месьора Савердена. Этот высокий сухощавый старикан держался прямо, словно пику проглотил, хитро поглядывал на меня крупными серыми глазами и оглаживал короткую ухоженную бородку. Живое воплощение невинности и благочестия. В молодости Саверден был невероятно красив и разбил столько женских сердец, что слава о нем, как о неутомимом любовнике, жива доселе. К старости он потерял часть былой привлекательности, но я отлично знаю, что мэтр доселе содержит двух молоденьких любовниц и они вполне довольны своим седовласым воздыхателем, не утратившем прежней стати.

— Все? — переспросил я. — А если присмотреться? Использовать не глаза, а чутье? Саверден, не тни!

— На камень наложено два заклатья, — чуть

более снисходительно, чем следовало бы, ответил мэтр. — Первое заклинание — охранительное, оно защищает сапфир от рук чужих людей, способных докопаться до истинной сущности второго заклинания, смысл которого я разгадать не могу. Снять защиту?

— А ты можешь?

— Для начала мне надо узнать, что это за камень. Если под охранным заклятием скрывается нечто... опасное, то, возможно, в округе трех лиг от поместья все живое и неживое запылает ярким пламенем. Тогда уже будет поздно что-либо предпринимать.

Я задумался. Вполне можно допустить, что Троцери и впрямь собрался избавиться от возможных соперников в борьбе за трон. Сейчас как полыхнет белым огнем, снесет к демоновой матушке поместье, убьет всех... Прецеденты бывали. Нет, ничего подобного случиться не может — Великий герцог всегда оставался человеком чести! Придется рассказывать Савердену подоплеку.

— Дорогой мэтр, — значительно сказал я. — Полагаю, в камне заключено некое послание от Троцери Пуантенского, вместе с которым мы собираемся свергнуть короля Нумедидеса. Причем, в ближайшее время. Понятно?

— Чего ж тут непонятного, — хмыкнул Саверден. — Дело к тому идет с самого начала войны на Черной реке. Разрешите поучаствовать?

— Уже разрешил. Работай.

Старый прохвост сделал над камнем несколь-

ко картинных пазов правой рукой, что-то прошептал и улыбнулся:

— Заклинание наложено простенькое. Барон, теперь надо прикоснуться пальцем к камню, чтобы он тебя опознал.

Я прикоснулся и сразу отпрянул — сапфир озарил кабинет холодной голубоватой вспышкой и создал широкий световой веер ударивший в стену напротив моего стола. Постепенно в лазурном сиянии начали проступать неясные человеческие силуэты, контуры незнакомого мне помещения, предметы обстановки. Перед нами образовалось эдакое окно выводящее незнамо куда и подсвеченное колеблющимся синим огнем.

— Это же сказки, такого не бывает! — воскликнул Саверден. Я посмотрел на мэтра с изумлением — смутить этого человека могло только событие действительно небывалое, слишком многое повидал мэтр на своем веку. — Портал Синего Камня!

Пока неясные тени на той стороне обретали твердую форму, я потянул Савердена за рукав и спросил:

— Что за портал? Отвечай!

— Древнее волшебство гномов, — скороговоркой пробормотал мэтр. — Людям оно неизвестно. Некоторые сапфиры, особенно инклюзы добытые в горах Полуночи, могут быть объединены в единую цепь, связывающую владельцев камней между собой. Это необычный портал — мы можем видеть и слышать все, что говорят хозяева другого камня, однако пройти к ним не сумеем.

Портал Синего Камня способен лишь показывать картинку и доносить голос, но человек или предмет сквозь него проникнуть не могут. Боги всеблагое, я всегда полагал, будто это всего лишь одна из легенд о гномьем волшебстве!

Итак, перед нашими глазами вырисовались двое людей и большая комната в бревенчатом доме. Стол, застеленные звериными шкурами лавки, на стене висит оружие, но это не коллекция, а боевые клинки. За окном я распахнутыми ставнями видны густой весенний лес и река.

— Добро пожаловать в Велитриум, барон Гленнор, — герцог Троцерио, коего я узнал с первого взгляда, вежливо кивнул. Второго человека можно было и не представлять — тысячник Конан Канах собственной персоной, его ни с кем не спутаешь, очень запоминающаяся внешность. — Итак, ты получил мой подарок?

— Орден «Трех леопардов» — подарок? — удивился я.

— Именно. Он останется у тебя, жалованные грамоты я пришлю. Как я вижу, рядом с тобой граф Кертис и?..

— Мэтр Саверден, советник Латераны, — ответил я. Саверден молча поклонился. — У меня есть основания доверить этим месьорам все подробности предстоящего дела.

— Ты настолько уверен, что это... Это дело нам предстоит?

— Уверен, — твердо сказал я. — Только сегодня утром я получил от короля и его светлости канцлера приказ о твоём незамедлительном уст-

ранений. Если они не ограничились возможностями «Скрытой Башни» и двору потребовались услуги Латераны, значит все обстоит куда серьезнее, чем я... мы предполагали. Сколько у нас времени?

— Сколько угодно. Портал может работать очень долго. Надеюсь, ты ответишь на все мои вопросы.

— ...А ваша светлость соизволит ответить на мои?

— Соизволит, соизволит. С чего начнем?

* * *

Закончив длительный разговор с герцогом Пуантена я вновь подумал о том, насколько трудный и многоплановый труд нам предстоит. Переворот вовсе не ограничивается убийством или отречением правящего короля — это, пожалуй, самое простое дело. Теоретически, убить Нумедидеса мы можем хоть завтра, у Латераны во дворце предостаточно конфиденентов, занимающих незаметные посты в канцелярии или, допустим, на кухне — некоторые яды, которыми располагает месьор Саверден, обнаружить невозможно, действовать они начинают лишь спустя день. И почему обязательно яд? Есть множество других способов быстро и эффективно заставить короля навсегда переселиться из пышных покоев замка короны в не менее пышную усыпальницу Эпимитреев — от самых банальных, напоподобие кинжала, до вполне экзотических: магия,

подброшенная в комнату опасная змея или паук-краснотелка, укус которого безусловно смертелен... Однако, ихнему святейшему величеству, государю всея подлунного мира, отведен чуть более долгий срок жизни, чем того хотелось бы некоторым недобропорядочным подданным.

Заговор — это целая наука. Допустим, убили вы короля, нацепили монарший венец, надели мантию взяли в руки скипетр Эпимитриуса и сели на трон. Что дальше?

А дальше начинается самое сложное. Власть вовсе не заключается в обычном сидении на дорогом каменном стуле, которое украшает тронный зал дворца. Власть заключается в подчинении себе людей — как высоких вельмож, так и немытых простецов. Если же подчиняться вам никто не захочет, или вы не сумеете вынудить подданных исполнять свою волю, значит престол займет более сильный человек, а вам придется умереть. Почему именно умереть? Боги, это же незыблемый закон политики — не оставляй в живых соперника!

Поскольку герцог Шамарский, канцлер и все нынешние фавориты подчиняться новому монарху явно не захотят, придется их отправить вслед за Нумедидесом — это тоже закон. Разумеется, с точки зрения государственного мужа, который придет на смену Нумедидесу, наиболее запятнавших себя деятелей было бы гораздо заманчивее торжественно казнить, объявив народу обо всех гнусностях и преступных ошибках, допущенных этими месьорами в эпоху предыдущего

го царствования. Получится взять их живыми — так все и произойдет, но я буду настаивать на их незамедлительном уничтожении. У герцога Даргена есть своя боевая дружина, охрана, телохранители, много вассалов, которые обязаны ему милостями — они почти наверняка поднимут смуту и придется использовать военную силу, что нежелательно.

Мы вынуждены будем заменить глав большинства государственных коллегий и управ, начальников городской стражи, решительно уничтожить «Скрытую Башню» и все, что с ней связано, убрать из дворца камер-лакеев и прочую шушеру, для которой Нумедидес никакой не тиран, а благодетель и почти отец родной... Представляете, сколько возни? Первые несколько дней нового правления будут самыми тяжелыми и сложными!

Выслушав эти мои мысли Троцери только руками развел и обвинил в лишней кровожадности, однако целиком и полностью согласился. Делать большую политику и не запачкаться? Такого, простите, быть не может! Придется переступить через некоторое количество трупов, иначе дело будет провалено. Но как уважаемый месьор Гленнор видит непосредственное исполнение заговора? Чьими руками?

— Руками обиженных, — усмехнулся я. — Таковых отыщется немало. Некоторые отряды гвардии, обойденные милостями и повышением военачальники, изгнанные приближенные короля Вилера, каковые видят в Нумедидесе главную

причину своего падения... И, конечно, армия Черной реки, которая должна будет помочь в случае, если верные Нумедидесу полки решатся на открытое противодействие новому королю.

— Новому королю... — эхом повторил Троцero. — Гленнор, ты ведь не хочешь видеть королем меня или Просперо? Верно?

— Сожалею, ваша светлость, но причины этого объяснимы. За всю историю Аквилонии ни одна из династий Великих герцогов не занимала престол Льва.

— Знаю. Я сам не хочу ссориться с герцогом Боссонским и гандерами, они поддержат переворот только в случае, если королем окажется человек, далекий от междинастических усобиц... Эпимитреи должны уйти навсегда, это понятно каждому. Отдать корону одному из провинциальных дворян с хорошим родословием, восходящим к Алькою и Олайету, как ты предлагал? Это порочный путь, барон — многие сразу зададутся вопросом: если какой-то захолустный граф стал королем, то почему бы и мне не попробовать? Половина всех дворян Аквилонии объявит себя королями и вылезти из этого болота мы уже не сумеем. Традиция престолонаследия состоит как раз в том, что венец должен принадлежать тому, кого избрали боги по праву крови. Десятник ведь не может командовать армией?

Пока Троцero разглагольствовал, я заметил, что Кертис напряженно ерзает в своем кресле, бросая оценивающие взгляды то на Великого

герцога и молчаливого Конана, то на меня и Савердена. Он явно хочет высказаться! Неужели придумал что-нибудь любопытное?

— Есть одно безумное предложение, — граф Кертис вдруг подался вперед. — Эпимитреи, как выразился герцог, уходят? Отлично! Главная традиция Аквилонии рухнула — трон более не принадлежит потомкам Эпимитриуса. Давайте же вообще забудем о традициях. Пусть королем будет человек со стороны!

— Немедийский или офирский принцы? — поморщился Троцero. — Месьоры, вы же сами отвергали такую возможность...

— Верно, — Кертис говорил быстро-быстро, словно боясь упустить мысль. — Дворянство не примет чужака. Сделаем самый неожиданный ход в игре: монархом станет вдвойне чужак — человек, который одним своим появлением вызовет у нашего благородного сообщества чувство блаженного обалдения! Наша сила именно в неожиданности и нетривиальности решений!

— Ты можешь такого человека назвать? — поинтересовался герцог, глядя на возбужденного графа не без интереса. — Кто же это?

— Вы посчитаете меня умалишенным, однако подумав оцените это предложение, — выпалил Кертис и резко повернулся к сидевшему рядом с Троцero тысячнику:

— Конан, хочешь стать королем Аквилонии?

Немая сцена. Все, включая самого Конана замерли, изобразив весьма причудливую скульптурную группу. Троцero опомнился первым:

— Граф... С ума сойти... Пасть Нергала, это же выход!

— А меня вы спросили? — Конан закашлялся.

— Не потяну ведь... Ладно бы там Пограничье или Хауран, но Аквилония?

— Что — Аквилония? — взвился Кертис. — Государство как государство, не хуже других! Тебя знает народ, а без поддержки горожан обойтись будет сложно, среди дворян ты известен как хороший военачальник, купечество утихомирим послаблениями пошлин, жрецам тоже заткнем рот! У тебя будут отличные советники, канцлера подберем умного! Ну? Не думай, доверься первому порыву — согласен или нет? Больше такого шанса не выпадет!

Конан нахмурился, помолчал и потом сказал медленно, с запинкой:

— Есть одно пророчество... Я не верил, а вот как оно повернулось... Словом, однажды мне предсказали, будто наступит день и я смогу подобрать никому не нужную корону одной из держав Заката. Думал, что это все блажь и шуточки. Потом расскажу, если вам интересно...

— Согласен или нет? — довольно настойчиво сказал Троцero.

— В общем... Ладно, вот вам первый порыв: согласен, уговорили. Но как все это устроить?

— Можешь не волноваться, — я с трудом обрел дар речи. Изначально, выстраивая в голове планы на будущее, я видел в месьоре Конане Канах либо начальника гвардии, либо командующего войском. — Мы постараемся сделать так,

чтобы дело устроилось самым наилучшим образом. Надеюсь, ты примешь в нашей игре самое живое участие... Митра Солнцезарный, это же не просто попрание всех мыслимых традиций! Такой наглости от нас никто не может ожидать! Конан Канах — государь Аквилонии! Жуть!

— А ведь это реальный шанс на успех, — тихо проговорил герцог Пуантена. — Пока дворянство поймет, что произошло, пока опомнится, пока осмыслит... За это время мы успеем твердо взять власть. Конан, прими мои поздравления.

— Не с чем пока поздравлять, ваша светлость, — киммериец слегка опомнился от первого потрясения и начал вполне разумно рассуждать: — Троцero, я ведь даже не дворянин. Происхождение по линии отца и матери самое сиволапое! Благородные могут стерпеть варвара, командующего отдаленными битвами на пиктской границе, не только не короля-варвара.

— По большому счету, — совершенно серьезно сказал Троцero, — все мы имеем вполне варварские корни. Тысячу триста лет назад, во времена хайборийского нашествия, не было никаких герцогов и графов. Вожди племен и дружин, жрецы, маги — те, кто во время войны с Кхари-ей достиг высокого положения благодаря своим решительности и разуму, впоследствии стали аквилонским дворянством. Ты, Конан начинал войну на Черной реке простым десятником, а теперь носишь одежды гвардии Гайарда... Не дворянин, говоришь? Это поправимо. Преклони ко-

лено! Пусть господин барон Гленнор и его друзья будут свидетелями!

Конан, ошеломленный всеми неожиданностями сегодняшнего дня, увидел как Троцero обнажил свой клинок и не говоря ни слова опустился на правое колено. Великий герцог коснулся мечом правого и левого плеча киммерийца и произнес формулу посвящения:

— Здесь, в присутствии благородных свидетелей, я как владетель Пуантена и Гайарда, властью данной мне богами и правом Древних Королей, дарую тебе, Конан из Канаров, высокое дворянское звание со всеми правами и обязанностями перед короной Аквилонии, престолом пуантенских герцогов и незримыми божественными силами! Будь честен и верен!

— Всего-то и делов, — ухмыляясь, шепнул мне Кертис, но увидев показанный исподтишка кулак послушно заткнулся.

— Титул дать не смогу, — слегка извиняющимся тоном сказал Троцero, когда Конан встал. — Не подтвержденный земельным леном пожалованный титул мало уважаем, а выморочных земель в Пуантене нет. Но если... Если наш общий замысел удастся, ты вскоре сможешь вступить во владение королевским доменом.

— Замысел! — новоиспеченный пуантенский дворянин наконец-то соизволил отразить на челе отсвет улыбки. — Никогда не предполагал, что исполнение пророчества будет таким... Неожиданным и будничным. Ни дать, ни взять — будто в кабаки сходили.

— Конан, отучайся, — прыснул Троцero. — В Велитриуме еще допустимо говорить на жаргоне наемников, но в Тарантии тебя не поймут.

— Сначала эту самую Тарантию надо завоевать и лишь потом говорить о королевских доменах и Троне Льва, дотянуться до которого мы собираемся. Месьоры, давайте будем считать, что отныне все мы — один человек. Один король во многих лицах!

* * *

— Кертис, какой демон тебя надоумил называть имя Конана? — вопрошал я графа, когда портал Синего Камня закрылся, а невозмутимый мэтр Саверден отправился в свою канцелярию. Мне показалось, будто Саверден вообще ничему не удивился и принял сообщение о заговоре против Нумедидеса как нечто само собой разумеющееся. — Предложение изящное, ничего не скажу, однако пахнет откровенным безумием... Киммериец на престоле Аквилонии, скажите какое чудо!

— Кто надоумил? — отозвался Кертис, не выпуская из рук кубка. Граф теперь имел полное право напиваться, ибо свое поручение он выполнил с блеском. — Этого человека зовут барон Гленнор. Ваша милость, что это за бумаги лежат на столе, можно полюбопытствовать?

Я глянул на толстенную кипу пергаментов, стопкой возвышающуюся над книгами и чернильным прибором и сразу все понял. Кертис,

дожидаясь моего возвращения из замка, не упустил возможности покопаться в документах. Предосудительно конечно, но выговаривать графу за излишние вольности у меня нет никакого желания. В конце концов, он имеет право знать большую часть того, что знаю я сам.

Это были донесения разных лет, выкопанные по моему приказу из недр архива. Я хотел побольше узнать о людях, с которыми предстоит вместе бороться за трон и потребовал у архивариусов найти все бумаги, посвященные Троцero и его приближенным. Большинство сообщений наших конфиденентов за границей, красочно повествующих о многотрудной деятельности Конана, я отложил в отдельную стопку — эти пергаменты следовало изучить подробнее. Я провел две бессонные ночи, изучая подробности некоторых авантур киммерийца и все-таки пришел к выводу — Конан может быть кем угодно, но только не шпионом немедийцев. Да, его связь с графом Мораддином Эрде доказана, однако они расстались много лет назад и более не встречались.

В последний раз Конан помогал Вертрауэну сбросить предыдущего короля Бритунии Эльдарана, связанного с мятежом Бешеных Обратней в 1285 году, получил от нового государя Альбиорикса жалованную грамоту на герцогство (ого! оказывается, Троцero почем зря одарил киммерийца пуантенским дворянством, ведь Конан уже три года номинально является бритунийским герцогом!), но тогда варвар наплевал на лен и титул и отправился в Боссонию, где всту-

пил в войско Троцero простым десятником... Никакой благоразумный конфиден так не поступит. Будь Конан ищейкой Вертрауэна, он обязательно получил бы от графа Мораддина приказ оставаться при дворе бритунийского короля и по возможности влиять на политику Пайрогии, склоняя Альбиорикса к выгодным для Трона Дракона решениям! Иметь своего человека в ближайшем окружении соседнего монарха — лучезарная мечта любой тайной службы!

В целом, история жизни Конана, эпизоды из которой были замечены служащими Латераны, остается полной загадок. Откуда, например, в цивилизованных странах Заката появился киммериец? Полуночные варвары исключительно редко покидают свои горы — Киммерия много столетий придерживалась неписаного закона самоизоляции от остального мира. Впервые Латерана обратила внимание на Конана аж двадцать лет назад — с 1268 года он служил при дворе Илдиза, сделав неплохую карьеру... Ладно, давайте ненадолго отвлечемся от персоны Конана, который так и остается для меня темной лошадкой. Подумаем о делах более животрепещущих.

— Кертис, как думаешь, кого можно прочить в канцлеры? — спросил я у подвыпившего графа, который, однако сохранял ясность мысли даже выхлебав целую винную бочку. — Троцero сегодня вполне недвусмысленно отказался — он ничего не понимает в тайнах распределения денег из казны, налогах, пошлинах и прочих де-

нежных делах, которыми обязан заниматься канцлер. Государственная канцелярия — огромное и неповоротливое ведомство, управлять которым должен знающий и искушенный человек.

— Короля я вам нашел, так теперь еще и канцлера прикажете искать? — поинтересовался Кертис уныло. — Справедливо: главным чиновником королевства следует назначить истинного гения — ему придется восстанавливать работу казначейства, снова наполнить аквилонскую сокровищницу, растраченную друзьями Нумедидеса, найти умных помощников... Не знаю такого.

— Зато я знаю, — граф насторожился, увидев мой победоносный взгляд. Что еще новенького выдумал барон Гленнор? — Публио, герцог Форсеза.

— Что-о? — Кертис начал трезветь на глазах. — Публио? Я не ослышался? Его же с невероятным скандалом вышвырнули из канцелярии еще при короле Вилере, выслали из Тарантии, едва на галеры не отправили! Ворюга, каких поискать!

— Согласен, но Публио был не просто казнокрадом. Он был казнокрадом поистине гениальным! А гении нам и требуются, как ты только что сказал. Попался ведь на мелочи — не сумел купить всего лишь одного нашего осведомителя и тот сообщил куда следует о нарушениях. Латерана потянула за ниточку и сумела распутать весь клубок. Если мы пообещаем Публио пост канцлера и будем в три глаза приглядывать за его трудами, то получим выдающегося деятеля,

который сумеет приглядеть за казной, как мать за любимым ребенком.

— И себя, конечно, не забудет, — буркнул Кертис. — Идея так себе. Но если это прямой приказ...

— Именно. Прямой и недвусмысленный приказ. Ты же знаешь, необдуманных решений я не принимаю. Завтра же отправляйся к Публио, побеседуй. Обещай золотые горы с алмазными ледниками, но убеди. Он — гениальный чиновник, и этим все сказано!

— Опять несколько дней в седле, — вздохнул граф. — Гленнор, вам не кажется, что мы попросту зарвались? Королем будет варвар из Киммерии, канцлером — самый выдающийся вор в истории Аквилонии? С размахом действуем. Хорошая мы с вами парочка, господин барон. Далеко пойдем, а?

Я предпочел пропустить данный вопрос мимо ушей, пускай ответ и был очевиден.

— Отправляйся спать. У тебя глаза слипаются. Ничего, к середине весны все будет кончено, тогда отдохнем.

— В висельной петле?..

Глава четвертая

Граф Эган Кертис

«Казнокрадство как область искусства»

Выехать в отдаленный Танасул у меня получилось только в середине следующего дня — утром состоялась очередная долгий разговор с бароном Гленнором, заинтересовавшимся моим сообщением о встрече с очаровательной Роситой из Мессантии и неудачным покушением на Троцерио. Поскольку я (при посильном вспомоществовании Жайме) сумел узнать весьма занимательные подробности о жизни наших друзей из «Скрытой Башни», Гленнор потребовал самого точного отчета: чем больше мы будем знать о карманных головорезах канцлера сотоварищи, тем хуже для самого канцлера.

Латерана уже полностью осведомлена о том, насколько часто меняются караулы в замке, нам известны система тайных слов-паролей стражи, количество тихарей, исполняющих роль каби-

нет-лакеев или мелкой прислуги, мы знаем кто из гвардейских капитанов куплен ищейками «Башни», а кто наоборот, отказался, посчитав доноительство на подчиненных и командиров делом совершенно несовместимым с дворянской честью...

Все эти сведения обязательно пригодятся в одну прекрасную ночь, когда Тарантии начнутся тихие, незаметные аресты — Гленнор уже вовсю составляет списки тех, кого обязательно придется временно или навечно изолировать от широкого мира. Наши скромные смотрители архивов, пока не догадываясь (а, возможно и догадываясь — в Латеране дураков не держат) об истинных причинах, побудивших господина барона затребовать некоторые преинтереснейшие бумаги, сдувают пергаментную пыль с жизнеописаний приближенных Нумедидеса. Изредка в поместье месьора Гленнора заглядывают офицеры гвардии — зачем, спрашивается?

Словом, господин барон со свойственной ему осторожностью, начал закручивать интригу. Он не станет никого убивать — Гленнор утверждает, будто за всю свою долгую жизнь ему не довелось убить ни одного человека, даже на поединке чести. Но вот сколько смертных приговоров прошло через его трудолюбивые руки, для меня загадка.

Следует напомнить, что подобные приговоры бывают двух видов. Исходом первого являются плаха или виселица, ликующий народ в праздничных одеждах, коему зрелища публичных каз-

ней не приедаются, вопли глашатая, палач в красной или белой маске — все зависит от того, кто взошел на эшафот, дворянин или простец... Второй приговор заканчивается менее помпезно: прилетевшая из-за деревьев стрела, а то и просто случайное падение с лошади на охоте. Рассказывают, будто истинным шедевром являлось покушение на графа Этуалья: когда граф спулся по лестнице родового замка, из ниши на него свалилась мраморная статуя его прадеда-полководца.

Статуя даже не раскололась, а вот месьор Этуаль был задавлен тяжелым образом великого предка. Впрочем, графа никто не заставлял предавать тайные отчеты казначейства Офиру — сам виноват...

Как много тайных и явных приговоров сейчас сочиняет барон Гленнор — никому не ведомо. Я могу быть твердо уверенным только в одном: перо в его руке не дрогнет, а исполнитель выполнит приказ, ибо неисполнение тотчас повлечет за собой новый приговор. Никакой лирики, господа мои — мы ведь не в четыре шарика играем!

Хотелось бы знать, когда наступит столь ожидаемая мною ночь и Латерана на несколько колоколов превратится в полновластного хозяина если не всей Авкилонии, то столицы королевства. Надеюсь оказаться в самом центре общего веселья. Будет о чем вспомнить лет через сорок, в любимом кресле у камина, за бокальчиком красного пуантенского...

В сравнении со значительной частью крупных городов Авкилонии, пребывающих ныне в упадке, Танасул удивляет относительным благополучием. Да, из герцогства высасывают безмерные налоги, королевский наместник чувствует полную безнаказанность и представляет собой кровавого самодура, торговые пути на Киммерию и Пограничье в запустении, но рядом с унылой Тарантией Танасул почему-то кажется более оживленным и богатым. Странно. Всеобщее обнищание государства не могло не отразиться на столице герцогства.

В Танасул я отправился под своим настоящим именем и с грозной бумагой, подписанной бароном Гленнором — город находится далеко от столицы, в земли Полуночи давно ссылают неугодных королю дворян, а претерпевшие опалу люди постоянно нуждаются в бдительнейшем надзоре: вдруг удумают заговор? Таким образом я совершенно законно прибыл проверить, как поживают удаленные от Тарантии злодеи короны с громкими титулами, проворовавшиеся чины из столичных коллегий и просто неудачники, которые однажды попались в когтистые лапы аквилонского правосудия.

Караул у городских ворот заглянул в подорожную и сдержанно залебезил: как же, господин граф из самой столицы прибыли! Вообще-то, закон о пошлинах на въезд в город один для всех, от золотаря до Великого герцога, но меня

впустили бесплатно. Замечательно, сохранили лишние полтора кесария! Тем более, что жалование не платили уже две луны.

Первым делом отправимся в здешнюю резиденцию Латераны, над коей начальствует один из моих старых приятелей, месьор Ларс из Камбона. Он не дворянин, родом происходит из гильдии ювелиров, однако десять лет назад попал в поле зрения тайной службы как талантливый сыскарь, самостоятельно распутавший аферу с контрабандой поддельных алмазов из Немедии — ювелирная лавка его отца едва не разорилась. Молодому человеку предложили службу в Латеране и Камбон сделал у нас недурную карьеру. Начальник Танасульского коллегіума — звание, равное моему!

Я вместе с Камбоном трудился в Аргосе, когда в 1279 году Латерана готовила смещение короля Армевиа и его супруги-кофийки, заставившей мужа предпринять враждебные по отношению к Аквилонии шаги — мы стояли в одном шаге от войны, но дело удалось уладить с помощью нашего тайного боевого отряда «Черный беркут» и симпатизирующего Трону Льва брата короля, коему и достался престол. Камбон тогда показал себя с лучшей стороны и с тех пор мы дружим — иногда заезжаем в гости и обмениваемся письмами, насколько позволяют время и возможности.

Наша управа притаилась во чреве огромного несуразного здания городской ратуши Танасула — это настоящий архитектурный монстр, оброс-

ший десятками флигелей, пристроек, башенок и портиков. Ратуша занимает целых три квартала, может похвалиться полудесятком внутренних дворов, высоченной и на редкость уродливой главной башней, и неизмеримым количеством боковых ворот. Я, как особа отмеченная доверием высших, со всей полагающейся помпой заявился в ратушу через главный вход, надменно сунул под нос начальника стражи подорожную, в которой заодно обозначались мои полномочия и потребовал проводить к месьору Камбону — этом кошмарном доме заблудиться было бы проще, чем в знаменитых подземных катакомбах Тарантии.

— Ты откуда? — вытаращился Камбон, узрев меня на пороге кабинета. Даже не поздоровался. Я, оценив мозаичный портрет Сигиберта Завоевателя (ай, как неосторожно! А где же пресветлый лик Нумедидеса?) легко поклонился, бросил на стол пергамент и сказал:

— Радуйся, привез тебе жалованную грамоту на титул и земли. Во-первых, здравствуй. Во-вторых, прикажи-ка принести чего-нибудь поесть. В-третьих, я прибыл в Танасул по важному делу. Можно присесть?

— К-конечно, — слегка заикнулся Камбон, указывая мне на роскошное золоченое кресло. Недурно живет Латерана в провинциальном захолустье. Только откуда деньги? — Я тоже очень рад тебя видеть, граф. Весьма удивлен твоему появлению. Почему не предупредили? И что за шуточки насчет титула?

— Никаких шуток. Поможешь мне устроить дела наилучшим образом, станешь бароном. Или графом.

— Кого нужно убить? — живо осведомился Камбон.

— На сегодняшний день — никого. Однако вскоре придется замараться в благородной крови. Я уеду обратно в Тарантию завтра. К утру, будь столь любезен, подготовь мне план по которому твой коллегиум начнет действовать, когда придет приказ о смещении королевского наместника, прецептора Танасула и всех, кто будет поименно указан.

У Камбона вовсе отвисла челюсть. Хорошенькие новости пришли из столицы!

— Это... приказ короля? — выдавил он, наконец.

— Именно. Король умер — да здравствует король! — страшным голосом прошептал я, окончательно добивая старого друга. Камбон неожиданно раскраснелся и расплылся в улыбке:

— Неужто сдох?... Прошу простить, граф, неужели Его королевское величество Нумедидес соизволил покинуть этот мир скорбей? Какая утрата, подумать только!

Отлично. Именно этих слов я от Камбона и ждал.

— Да, немыслимая потеря, Аквилония осиротела, — громко фыркнул я. — Успокойся, жив твой Нумедидес. По крайней мере производит впечатление живого, хотя... Ставлю тысячу кесариев: король скончается не позже, чем спустя

три седмицы считая от этого дня. Поверишь на слово или предпочтешь проиграть золото?

— Я никогда не спрашиваю «почему», — внимательно глядя мне в глаза сказал Камбон. — Я спрашиваю — «кто», «когда» и «где».

— Мы, через пятнадцать-двадцать дней или раньше, в Тарантии, — исчерпывающе объяснил я, отвечая невозмутимым взглядом. — Гленнор приказывает тебе в надлежащий момент очистить Танасул от назначенных Нумедидесом и Редриком людей и взять город под свое неприемное управление. В средствах можно не стесняться, но и лишнее кровопролитие нежелательно. Справишься?

— А если провал?

— Встретимся на Серых Равнинах. Успеешь покончить с собой — буду за тебя искренне рад. У тебя два выхода: дворянский титул или плаха. Я бы выбрал первое.

— Рассказывай!

* * *

Надеюсь, каждый давно понял одну нехитрую истину: Латерана есть некое подобие тайного ордена или магического конклава, объединенного общей идеей и единомыслием.

Да, среди нас встречаются изменники, но в большинстве своем они относятся к низшим чинам — случаев предательства со стороны глав коллегиумов за триста лет существования Латераны замечено всего пять или шесть, и проходят

они по ведомству чистой казуистики. Вернее, проходили.

Представляете, до какой степени отчаяния надо довести стократно проверенных самыми опасными делами людей, чтобы они поголовно решились на измену престолу? Со времен Сигиберта Латерана стояла на стороне правящего монарха, какие бы поражения в войнах или политике его не преследовали, а теперь... Камбон был «куплен» вовсе не обещанным дворянским титулом (который он вполне заслужил), а самой мыслью о свержении Нумедидеса.

Всех секретов я, разумеется, не раскрыл — каждый обязан знать ровно столько, сколько положено по должности. Камбону вполне достаточно быть уверенным в том, что однажды гонец из Тарантии привезет ему ясный приказ, в котором будет назван ожидаемый нами день. А дальнейшее зависит только от его сообразительности и быстроты в действиях. Уверен, герцог Танасульский Камбона поддержит — наместник короля и его мытари намозолили здесь глаза всем и каждому, Три Высоких Сословия будут счастливы, когда некоторых месьюров с молодецким гиканьем потащат на виселицу.

— Значит, ты приехал только ради того, чтобы сообщить мне о... — Камбон многозначительно замолчал. Он давно справился с первыми эмоциями и теперь выглядел насквозь невозмутимо. — Неужели это нельзя было доверить кому-нибудь из помощников?

— «Кому-нибудь» ты не поверил бы. При-

шлось ехать самому. У меня есть еще одно небольшое дельце — надо встретиться с одним человеком, за которым Латерана обязана надзирать со всей строгостью. Переворот переверотом, но и о прочих обязанностях отнюдь не следует забывать.

— И кто этот таинственный незнакомец? Из опальных?

— Публио Форсеза. Бывший первый нобиль королевского казначейства.

Реакция Камбона на прозвучавшее имя Публио меня несколько смутила. Он чуть побледнел, отвел взгляд и зачем-то принялся копаться в бумагах на столе.

— Герцог жив и здоров, мы за ним приглашаем, — ровным, ничего не выражающим голосом сказал Камбон. — Живет в предместье, на маленькой вилле, которая осталась в его владении после проскрипции всех замков, поместий и состояний. Тихий безвредный старик. Зачем он понадобился вам с Гленнором? Публио уже много лет не у дел, развлекается выращиванием редких цветов в оранжерее. К нему никто не приезжает, даже любимые племянницы. Со ссыльными дворянами общаться, знаешь ли, чревато...

— Мне можно, — ответил я. — Как проехать к дому Публио?

— Я могу привезти Публио сюда, вы поговорите, — настойчиво предложил мой собеседник. — Ты можешь не застать его дома — уехал гулять или на утиную охоту...

— Утиная охота — весной? — прохладно заметил я, подозревая, что Камбон намерен что-то скрыть. — Итак, как туда проехать?

— Через Полуночные ворота города, вилла «Черная роза», — с запинкой проговорил Камбон. Что с ним такое? Похоже, он по неясной причине не желает моей встречи с Публио, но почему? В чем дело? Боги милостивые, ну зачем мне сейчас новые трудности! Придется разбираться.

— Замечательно, встретимся вечером, — я встал и направился к выходу. Обернувшись на мгновение я сказал: — Камбон, не беспокойся. Публио мне требуется для того, чтобы посоветоваться по важному денежному делу, с которым не могут разобраться казначей Латераны. Вот и все.

— А-а... Понятно, — с облегчением вздохнул Камбон. — Вернешься от Публио, сразу приходи ко мне домой — улица короля Гвайнарда, напротив ювелирной мастерской моего достопочтенного папочки, сразу узнаешь. До встречи. А может, все-таки, останешься пообедать?

— Пообедаю у Публио!

С трудом отыскав выход из ратуши я забрал своего жеребца у коновязи и был готов направиться по главной улице Танасула к воротам, ведущим на Полночь. Жеребца пришлось придержать — из внутреннего двора городской управы с грохотом выкатились четыре крытых парусиной повозки, запряженные вороными тяжеловозами — обыкновенные фургоны для перевозки

больших грузов. На козлах по два человека, каждый вооружен.

Я бы не обратил никакого внимания на повозки — кому интересны эти неповоротливые чудища на колесах? Но внезапный порыв ветра отбросил на мгновение свисающую парусиновую занавесь позади самого последнего фургона и я вполголоса выругался, успев заметить, что содержали в себе невинные торговые телеги. Ящики мелькнули буквально на миг — большущие деревянные коробки из светлых сосновых досок. На желтоватом дереве отчетливо различался знак: в круглом геральдическом щите два стоящих на задних лапах льва, поддерживающих весы.

Эмблема Тарантийского королевского хранилища казны.

Каждый такой ящик строжайше учтен, пронумерован и обит изнутри металлом, за использование герба казначейства без разрешения канцлера положено десять лет каторжных работ в рудниках Киммерийских гор, ящики всегда должна сопровождать охрана «гвардии казны» — специально отобранных служащих государственной канцелярии, в обязанности которых входит охрана «золотых караванов», стекающихся из провинций в столицу.

Хорошо, допустим, что теперь нет денег даже на оплату жалования «гвардии казны» и собранные мытарями налоги везут в Тарантию под надзором каких-то простецов, одетых в крашеную луковым отваром холстину и вооруженных

простенькими самострелами. Но тогда почему все четыре фургона уверенно повернули не на Полуденный восход, а на Полночь? Там есть лишь одна дорога — старый торговый тракт на Киммерию с поворотом на перевалы Немедийских гор, к Пограничью и владениям Трона Дракона.

Я заставил жеребца идти шагом — повозки двигались медленно. При выезде из города стража пропустила караван без досмотра, что опять же наводило на подозрения. Меня, между прочим, остановили, потребовав подорожную — повторилась прежняя история с подобострастными взглядами и расшаркиваниями перед большим вельможей из столицы, снабженным бумагами Латераны. За одним исключением.

— С ними, ваша светлость? — десятник хитро мне подмигнул и покосился в сторону уползающих по мощеному тракту повозок. — Как же, понимаем. Сердечное вам спасибо, ваша светлость.

— За что? — поразился я.

— У меня детишек четверо, — просто ответил блюститель. — В других городах, как люди заверяют, страже жалования вовсе не платят, а у нас — сущая благодать. Поклон месьору Камбону — истинный благодетель! Да не окажись Латераны, с голоду бы пухли.

Очень оригинально, прямо-таки захватывающе! Как прикажете связать между собой четверых отпрысков усатого десятника городской стражи, Камбона-благодетеля, Латерану, фургоны с

«золотыми сундуками», Киммерийскую дорогу и невыплаченное страже содержание? Точнее, выплаченное, ибо помянутые детишки явно не гододают. Бред какой-то! Что происходит в этом Танасуле?

— Не стоит благодарностей, — хладнокровно ответил я, отправляя свернутый в трубку пергамент обратно в прорезь рукава колета. — Милейший, вот что...

— Что угодно, сударь?!

— Ты здесь до вечера?

— До завтрашнего утра, месьор граф!

— Запомни: если я не вернусь до темноты, отошли верного человека к месьору Камбону. Улица короля Гвайнарда, собственный дом.

— Знаем, ваша светлость. Передать чего?

— Передать, что граф Кертис уехал с... караваном, хотел вернуться к вечеру. По своей воле не вернулся, значит, с ним могло случиться нечто нехорошее. Пускай месьор Камбон пошлет за мной своих людей. Понял, когда? До темноты!

— Исполним в точности, сударь! Едва солнце зайдет, отошлю Мораса, он хоть молодой, да шибко соображает. И куда шустрее нас, стариков. Еще чего соизволите приказать?

— Нет, больше никаких приказов. — я сунул руку в кошель и бросил десятнику серебряный сестерций. — Это всему караулу на пиво. Только смотри у меня, не напиваться!

— Как можно, ваша светлость?!

Поглядим, чем закончится эта странная игра, правил которой я не знаю. Но Камбон-то каков!

Начальник коллегиума Танасула связался с контрабандистами или шайкой, грабящей казенные караваны? Да и станет ли он меня выручать, если я влипну в скверную историю и действительно не вернусь к вечеру?

Поглядим. Я фаталист, как и все служащие Латераны. Делай, что должно, и будь что будет!

* * *

Искомая вилла «Черная роза» обнаружилась спустя четыре лиги — мрачные коричневые стены города остались позади, дорогу окружали дубовые рощи, у корней деревьев еще лежали серые позреватые сугробы, хотя на ветвях начали набухать почки. Изредка попадались скромные дворянские дома, окруженные садиками и яблоневыми рощами — чем дальше к Полуночи, тем менее населенной казалась эта отдаленная область левобережного Таурана. Далеко впереди — пустынные дебри Гандерланда, загадочный Ямурлак и Темра, пограничная с Киммерией провинция.

Я предпочел не плестись вслед за четырьмя фургонами, а обогнать их, пустив коня размашистой рысью. Человек привык видеть преследователя за спиной, так давайте обманем охрану — выедем далеко вперед, скроемся за поворотом, передохнем, потом снова вперед и снова остановка...

Ого! Я остановил горячившегося жеребца, почувствовавшего дорогу и готового идти хоть до

побережья Ледяного океана. Подозрительный обоз остался примерно в лиге позади. Меня заинтересовал поворот направо — короткий проезд, выводящий к полукруглым чугунным воротам, vyplненным в виде переплетения огромного количества цветов розы. Красиво.

За воротами находился очаровательный двухэтажный особняк с колоннами, окрашенный вызывающей золотистой краской — нет сомнений, над этим домом трудился один из лучших архитекторов Тарантии или Ианты. Совершенные формы, никаких вульгарных излишеств, скульптуры богов и героев на фронтоне. В саду отчетливо видно ажурное кубообразное сооружение — ничего подобного я даже во дворце короля не видел! Оранжерея покрыта не слюдой или пузырем, а настоящим стеклом, ценящимся на вес фигурного хрусталя! Стекло, между прочим, вывозится только из Кофа и Турана, стоит безумных денег...

Недурно устроился проворовавшийся первый нобиль казначейства. Насколько я знаю, все деньги Публио были проскрибированы в пользу казны, он остался нищим, а родственники ему помогать не собирались — злодей короны навсегда становится изгоем. Откуда, спрашивается, такое богатство? Не на паперти же собрано?

М-да, слишком много вопросов у меня накопилось. И очень не вовремя!

Как хочется заглянуть в это уютное поместье! Человек, который лишился огромного состояния, ленов и фьефов, фамильного замка и про-

чих ценностей (включая украденные из казны несколько десятков тысяч кесариев) за преступления против государства не может жить настолько... Настолько благополучно. Или барон Гленнор не ошибался, говоря, будто старик Публио может создавать золото из воздуха, или я не верю моему начальнику.

Но я твердо знаю, что Гленнор мне лгать не может. Значит, герцог Публио Форсеца и впрямь истинный талант. Самородок, выплывший из обширного семейства Великих герцогов Тауранских, которые могут стать верными союзниками Троцери. Забавная комбинация намечается! Если Публио — урожденный тауранец и ему предназначен канцлерский пост...

Мои мысли о высокой политике были прерваны появлением маленького каравана. Думаете, я удивился, увидев, что четыре фургона повернули к поместью «Черная роза»? Да ничуть! Определенные подозрения уже сформировались. Но в чем соль? Не понимаю!

Чтобы понять, следует пустить в ход способности и умения старого пса-ищейки, привитые в тайной службе.

Коня отвести в ближайшую рошу и стреножить. Подождет — ждать специально обученные лошади умеют. Даже если задержусь, от голода не умрет: из переметной сумы добываются запасные мешочки с овсом, вешаются на морду жеребца. Оттуда же можно извлечь некоторые предметы, которые я всегда предпочитаю брать с собой в дальнюю дорогу.

Похлопав ладонью по жилистой лошадиной шее и шепнув верному соучастнику моих приключений ободряющее слово, я ухожу через подтаявший снег, гнилую прошлогоднюю листву и звенящие ручейки к ограде поместья. Конь поглядел вслед понимающе — надо, значит надо. Не впервой.

Да, Публио отгородился от мира настоящей крепостной стеной. Гладкая кирпичная кладка, по ней не поднимешься. Но ведь совсем рядом растут клены и дубы — достаточно забраться на дерево, найти подходящую ветку и...

Заметим на полях: рядом с виллой «Латерана» все деревья срублены, чтобы не допустить внезапного проникновения в охраняемый предел.

Досадно. Наверху стену украшают цепочки железных шипов. Очень острых. Остается лишь прыгать. Высоко, конечно, но и не с таких высот падали в старые добрые времена.

Как повезло! Подо мной оказалась куча перепревших листьев и травы, собранная садовниками, чистившими парк перед наступлением теплого времени года. Я даже ничуть не ушибся — упал, будто в огромную подушку.

Где же сторожевые собаки? Обязательно должны быть, как же без них!

Нет собак. Прекрасно, значит мне не придется тратить порошок, отпугивающий животных, как диких, так и домашних.

Направим свои стопы к дому. У фасада оживление, люди суетятся. Но мы обогнем виллу че-

рез парк, за оранжереей и выйдем на задний двор.

— Стой, где стоишь!

В полупальце от носка моего сапога в землю вонзился стальной арбалетный болт.

Демоны зеленые! Где спрятался стрелок? Почему я его не заметил? Старееете, милый граф... Как досадно!

Приказ я выполнил. Не хотел получить стрелу в грудь. Или в глаз.

Что дальше? Поживем — увидим! Главное — пожить, чтобы увидеть.

* * *

Ближе к закату я начал понимать, что за десять лет самых разнообразных приключений на поприще поддержания «душевного согласия», мне не удалось повидать весьма многое — жизнь оказалась куда интереснее, чем можно себе вообразить! Несколько колоколов проведенных в гостеприимном доме месьора Публио заставили меня решительно пересмотреть прежние представления о законе, преступлении и наказании за таковое преступление.

Впрочем, давайте обо всем по порядку.

Поместье изгнанника оберегалось не хуже виллы барона Гленнора — это стало ясно, когда четверо невозмутимых громил с арбалетами подошли ко мне, вынырнув из тщательно обустроенных секретов. Надо же, и собаки появились! Интересная порода, прежде я таких не видел —

низенькие, очень широкогрудые, с обрезанными ушами и хвостом; мастью смахивают на леопардов — коричневая шкура украшена желтоватыми пятнами. Собаки не лают и не бросаются рвать чужака в клочья, просто стоят и смотрят, отчего выглядят куда более угрожающе.

— На вора не похож, — прогудел самый высокий охранник. — По виду — из благородных... Соглядатай, значит.

— Отведи меня к его светлости Публио, — спокойно ответил я. — Я приехал к нему по важному делу.

— Которые по важному делу приезжают, те со всем респектом через ворота ходят, а не через забор прыгать налаживаются, — справедливо заметил дуболом. — К месьору Публио мы тебя, мил человек, непременно отведем. Там и ответишь по всей строгости — кто, откуда да зачем... Перевязь с мечом сними. Торд, обыщи дорогого гостя, вдруг кинжальчик в рукаве припрятан? Нам неприятности без надобности. А ты стой смирнехонько, иначе первую стрелу получишь в ногу, вторую — в брюхо. Уяснил?

Обыскали, забрали все, что можно было забрать, от оружия до подорожной. Подивились хитрым приспособлениям, покоившихся в сумке на поясе и карманах. Повели к дому. Собаки неслышно двигались позади. В дом мы вошли через боковую дверь и сразу спустились в полуподвал. Наконец, меня втолкнули в большую, освещенную масляными лампами комнату — голые оштукатуренные стены, на окошке под по-

толком видна крепкая решетка, стол, в центре комнаты простой деревянный табурет без спинки. На столе — аккуратно разложенные тубусы для хранения свитков и чернильный прибор чистого золота.

Хозяин комнаты, пухленький розовощекий месьор, мельком оглядел мою персону и вопросительно уставился на вооруженных громил.

— Соглядатая изловили, — коротко доложил-ся верзила. — В сад залез, сразу по приезду каравана из города. Вот, вещички все забрали. И бумага при нем была.

— Присаживайся, — толстячок указал мне на табурет. — Улав, Торд, стойте за дверями, в коридоре. Мало ли, вдруг наш достойный гость вздумает буяннить?..

Буяннить я не собирался, лишь наблюдал. Судя по всему, толстяк возглавляет охрану поместья. По цепкому взгляду и скупым движениям я понял, что этот человек неплохо разбирается в своем ремесле. Однако, мою подорожную он не посмотрел, решил оставить на потом.

— Мое имя — месьор Бальга, — скучным голосом сказал розовощекий. — Сударь, вам никогда не говорили о том, что проникать на чужую землю без разрешения предосудительно? Нет?.. Между прочим, я назвался, а ты доселе не удостоился представиться.

Будем бить в лоб. Если я скажу настоящее имя (подтвержденное пергаментом), небо на землю не упадет.

— Граф Эган Кертис, начальник стола Лате-

раны. Полагаю, месьору Бальга известно, что это за ведомство?

— Даже лучше, чем хотелось бы, — на толстяка мои слова не произвели никакого впечатления, будто он каждодневно ловил в саду людей из департамента, о котором и думать-то страшно, не то что упоминать его название вслух. — Граф Кертис? Как же, слышан, слышан... И каким манером господина графа занесло в нашу глухомань? Свежий весенний воздух не показался слишком пьянящим после столичного дыма?

— Не показался. Отвечать на твои вопросы, месьор Бальга, я вовсе не обязан, но могу раскрыть одну страшную тайну: мне предписано встретиться с герцогом Публио Форсеца. Взгляни на пергамент, там все указано. Кроме того, глава Танасульского коллегиума Латераны знает о том, что я здесь.

— И что из того? — поднял брови Бальга. — Милейшему месьору Камбону я скажу, что граф приезжал, побеседовал с моим хозяином и отбыл в неизвестность. Прислуга и сам месьор Публио подтвердят... Куда уехал? В сторону города. Больше графа Кертиса мы не видели.

— С Камбоном, выходит, здесь знакомы?

— Ну разумеется! Я имею все основания доверять ему... И не доверять тебе. В Танасуле очень не любят, когда гарантские конфиденты суют нос в дела, которые их не касаются. Как вы напали на наш след? Ошибка в казначейских бумагах? Не может быть, мы трижды перепроверяем все

пергаменты! Кто-то проговорился? Вряд ли, судьба слишком многих людей зависит от их молчания. Кертис, предлагаю очень простую сделку: ты рассказываешь, каким образом Латерана узнала о том, что происходит с танасульскими налоговыми сборами, я же тебя отпускаю на все четыре стороны. И даю золото за молчание. В противном случае, маленькое кладбище за домом пополнится еще одной безымянной могилой.

Только не надо пошлого вранья! Отпустят меня, ждите!.. Если в этом странном поместье имеется «маленькое кладбище» на котором хоронят попавшихся соглядатаев, значит месьор Бальга помнит древний, как мир закон — не оставляй в живых свидетеля! Иногда тайны золота стоят дороже тайн политики. Платят за них жизнью.

Ничего, мы еще поторгуемся!

— Бальга, ты понимаешь, в чей адрес рассылаешь угрозы? — вкрадчиво сказал я, пока толстяк читал мою подорожную. — Если Латерана присылает в Танасул не занюханного канцеляриста, а человека, отвечающего за безопасность всего королевства...

— Умоляю, граф! — скривился месьор Бальга. — Я знаю, что такое Латерана. Знаю, что связываться с вами бессмысленно — как знатоки своего дела, вы дадите сто очков форы всякому любителю... Но любителем я не являюсь. Ладно, так и быть, представлюсь подробнее. Я начальствую над вторым департаментом Латераны в Танасуле. Надзор за казной.

— Весьма рад знакомству, — буркнул я. Ничего себе! Что тут происходит? Почему тайная служба Танасульского герцогства погрязла в каких-то темных делишках? И почему в столице никто об этом не знает? Чудеса творятся на этом свете, истинные чудеса! — Бальга, я не требую верить мне на слово, но я прибыл сюда ради исключительно важного разговора с герцогом Публио Форсеца. Я ничего не знаю о том, что вы здесь вытворяете и знать не хочу. Пригласи Камбона, он подтвердит, что я приехал в Танасул по совершенно другому делу.

— А зачем было тайно пробираться в парк?

— Сгруппил. Четыре фургона, выехавшие из города, показались мне несколько необычными. Я заметил в них «золотые сундуки». Решил проследить. Вот и вся правда.

— Действительно, сгруппил, — кивнул толстяк. — Важный разговор с Публио? Да еще «исключительно важный»? Старика решили помиловать?

— Почти, — согласился я. Бальга и впрямь не дурак, суть ухватил. — Я могу рассказать все только самому герцогу.

— В моем присутствии. Идет? Иначе...

Месьор Бальга многозначительно развел руками. Понятно. Два выхода — или довериться, или отправляться к Нергалу.

— Тайна в обмен на тайну, — сказал я. — Ты участвуешь в моей беседе с его светлостью Публио, а я жду честного ответа на некоторые вопросы, касающиеся работы Латераны в Танасуле.

— Я уже не мальчик, месьор граф. Восхитительное слово «тайна» меня теперь не привлекает, благо столько этих проклятых тайн знаю. Ах, да что говорить! Обещаешь вести себя смирно и не доставлять нам лишнюю головную боль?

— Слово дворянина.

— Верю. Отчего же не поверить, пускай я человек очень недоверчивый. Идем.

* * *

Все увиденное в недрах дома потрясло меня до глубины души. Я полагал, что веселенькая вилла изначально предназначена для размеренной жизни пожилого герцога, тоскующего по старым добрым временам службы в государственной канцелярии, составляющего мемуары или перечитывающего древние трактаты по магии, истории или философии. Дорогая мебель, парчовые драпировки, коллекции оружия или драгоценностей, вышколенная прислуга... Конечно, на подобные роскошества денег у Публио нет и быть не может, однако если опальный герцог позволил себе выстроить такой дорогой дом, значит и на обстановку золотишко найдется!

Но... Это невероятно! Я сплю, не иначе!

На первом этаже дома вкусно пахло чернилами, воском, сургучом и свежесделанным пергаментом. Наглухо закрытые тяжелыми шторами окна, длинные столы, отчасти занятые незнакомыми месьорами с гусиными перьями в руках, отчасти множеством кожаных мешочков с гер-

бом казначейства — в «золотые сундуки» деньги складывают предварительно пересчитав и уложив в кошель, а вовсе не наваливают грудой, наподобие пиратских кладов. Я насчитал почти два десятка людей, составлявших некие таинственные документы, считавших золотые и серебряные монеты и перебрасывавшихся непонятными простому смертному фразами:

— Рихардо, ставка по графству Лаум уменьшается на четыре десятины!

— Добавь в общую казну двенадцать сотен и вычти процентную сумму!

— Проведи налог через управу Галпарана, по второму параграфу ордонанса за 1285 год!..

Ни дать, ни взять — чиновничья оргия. Поместье «Черная роза» превратилось в некое подобие ведомства канцлера Редрика: запахи, слова, звон монет, скрип перьев, постные физиономии скрипторов... Мне немедленно захотелось дать кому-нибудь взятку.

— Живем, как умеем, — месьор Бальга масляно улыбался, увидев выражение моего лица. — Нравится?

— Каков же смысл? — выдавил я. — Мало вам в Танасуле почти полусотни департаментов, управ и коллегий? Зачем?

— Нужно. Наше герцогство хочет жить благополучно и спокойно... Поднимаемся на второй этаж, кабинет месьора Публио там.

Второй этаж оказался более обжитым — появились предметы роскоши, лакеи в пышных ливреях, каменные чаши на подставках, золоче-

ные кресла, обитые бархатом. Но и здесь чувствуется неистребимый дух присутственного места — из-за приоткрытых дверей доносятся голоса и шорох пергаментов. Митра Пресветлый, что они тут устроили? Тайное правительство? Не может быть!

Не смотря на то, что за мной и месьором Бальга тихо шествовали двое охранников и недоверие их хозяина я чувствовал всей шкурой, толстяк запросто ввел меня в немыслимо роскошную залу-кабинет и представил:

— Мой герцог, к вам. Его милость граф Кертис, Латерана, Тарантия. С важным, как он утверждает, разговором.

Зал округлый, стены обиты парчой и украшены янтарными изразцами, синий потолок выложен кристаллами горного хрусталя, складывающимися в рисунок созвездий, туранские ковры на полу. У дальнего окна — титанических размеров стол в форме полумесяца, стойки для книг и свитков. Книг вообще очень и очень много, а надписи на переплетах почти одинаковы: уложения, указы, своды, предписания, ордонансы, законы...

Вот и благороднейший герцог владения Форсеза, его светлость Публио. Ссылный, опальный, осужденный Великим Королевским Судом выдающийся казнокрад.

— Бальга, сколько же можно! — гроыхнул суровый, плотного телосложения, невысокий седой месьор, тряхнув пухлыми щеками. — Я ведь просил! Строго указывал! Когда я работаю — не

отвлекать! Думаешь, отхватить у Нумедидеса и его мерзавцев лишние двадцать тысяч кесариев настолько просто? Вон отсюда!

Бальга на вопли Публио отреагировал прямо противоположным образом: шикнул на двоих громил-арбалетчиков, плотно затворил двери и отодвинулся в угол. Кивнул мне — можно, мол. Я заметил, как месьор Бальга вытащил из пояса нечто маленькое и острое, сжав предмет в правой ладони. Шурикен — метательная звездочка. Если я соберусь напасть на Публио, мне конец.

Кажется, я начал понимать в чем дело. Город Танасул недаром оказался слишком благополучным и ухоженным — чувствуется твердая рука хозяина. И хозяин этот — Публио?

— Ваша светлость, — я поклонился, не обращая внимания на мечущего глазами молнии старика, отвлеченного от дела. — Бумага, подписанная бароном Данквартом Гленнором, главой Латераны, может подтвердить мои права (я покосился на месьора Бальга). Я имею честь предложить вашей светлости занять высочайший пост канцлера Аквилонии.

— Неужто Нумедидес понял, что без умных людей его свергнут еще до конца года? — сварливо спросил Публио и тотчас изменился в лице, добавив: — Или я тебя неправильно понял, граф?

— Кресло канцлера предлагается вашей светлости от имени Латераны.

— Кто королем? — деловито осведомился Публио. — Граф Дион?

— Нет.

— Троцера?.. Тогда я отказываюсь. Не хочу рисковать. Бальга, этот месьор отнял у меня слишком много времени. Уверен, он служит «Скрытой Башне» и намеренно склоняет нас к измене. Похорони его на заднем дворе!

Я похолодел, однако судьба вновь пришла на выручку. Неслышно открылась дверь, взъерошенный и потный человек ворвался в кабинет и я опознал в нем старину Камбона.

— Фу, успел, — выдохнул Камбон. — Публио, прошу простить. Городская стража доложила мне, будто граф Кертис отправился за караваном и я понял, что неприятностей не избежать. Кертис тебе повезло — могли и стрелами нашпиговать. Публио, это мой друг.

— Правда? — старик внезапно подобрел. — Камбон, надо было предупредить, известить... Ты сам приказал охране уничтожать любого согладата. А этот месьор предложил мне прямую измену нашему славному государю!

— Я знаю, — выдохнул Камбон, вытирая лоб рукавом. — Публио, скажи своим головорезам принести кресла. И вино. Быстро!

После изреченного слова «Быстро!» я моментально понял, кто здесь истинный хозяин. Ну, Камбон, ну пройра! И как он ухитрился?..

Удивительная афера, главными героями которой стали высшие служащие Латераны из тана-

сульского коллегiums и опальный герцог, была задумана и осуществлена почти три года назад, когда налоги были подняты до высот почти поднебесных, а Тауран оказался под ударами пиктских отрядов.

Столица требовала денег на развлечения короля и двора, Нумедидес и Редрик бросили Закатные провинции на произвол судьбы, предоставив обитателям Таурана и Боссонии обороняться от варваров самостоятельно, а любая война требует огромных средств. Взять золото негде — налоги исчезают в казначействе Тарантии, обратно возвращаются сущие гроши... Как быть?

Камбон не помнил, в чью именно голову пришла светлая мысль, гласившая примерно следующее: канцлер Редрик отбирает наше золото в казну, при этом государство не собирается заботиться о своих вассалах и защищать их. Таким образом мы обязаны найти способ защищаться самостоятельно и отыскать для этого надлежащие суммы в звонкой монете. Придется воровать — иного выхода нет. А еще придется сделать так, чтобы нас никто не заподозрил: в Тарантии тоже не дураки сидят, слишком явное казнокрадство будет немедленно замечено и раскрыто. Действовать надо с умом!

Комплот составил из самого месьора Камбона и трех его ближайших помощников, главы городского магистрата Танасула и казначея города, вскоре к заговорщикам присоединился владелец здешних земель — герцог Аркон Танасуль-

ский, который предоставил авантюристам одно из своих загородных поместий и охрану.

Оставалось изыскать человека, способного обмануть прожженных крючкотворов из столицы, королевского наместника и сборщиков налогов, причем обмануть со всем блеском. Камбон просмотрел дознавательные дела на большинство ссыльных чиновников и выбрал Публио. Пожилой герцог обитал тогда в крошечном домике на окраине города, изнывал от нищеты, сучал и топил горе в вине.

Пить горькую Публио перестал едва взявшись за увлекательную и любимую работу — не брал в рот ни капли, полностью отдавшись родной стихии. Были набраны толковые помощники, Латерана способствовала тому, чтобы на виллу не проникали посторонние, а бдительность наместника усыпляли непрерывными охотами, приемами у герцога Аркона и дорогими подарками.

Талант Публио явил себя в полной красе: по всем бумагам, составляемым его светлостью для казначейства и канцлера, выходило, что Полуночный Тауран — самая нищая и несчастная область Аквилонии, ужасно пострадавшая от пиктских набегов. Публио с ходу изобрел с десяток новых способов воровства и теперь больше половины собранных налогов оставались в городе и казне герцогства, в Тарантию же отправлялись полупустые сундуки. Подкопаться было невозможно: даже присланные в прошлом году чиновники казначейства, обязанные проверить дея-

тельность танасульской управы, только руками разводили, воочию узрев бедственное положение провинции — специально ради них Латерана устроила целый спектакль — умирающие от голода кметы, разваливающиеся замки дворян, сожженные пиктами деревни... Словом, кошмар.

Казначейские чины, что характерно, поверили...

Как я выяснил, общая схема узаконенного казнокрадства была проста до гениальности. Камбон привел мне несколько примеров того, как деньги высасывались из казны, а я лишь посмеивался, расширяя познания в науке чиновничьей хитрости.

Допустим, в одном из фортов на реке Ширка случился пожар — сгорело два дома. Сие прискорбное происшествие в бумагах немедленно превращается из пьяного недосмотра стражника, уронившего факел в солому, в нападение злокозненных пиктов, а из казны запрашиваются средства на полное восстановление форта, якобы выгоревшего дотла. В стражу и отряды ополчения записывают всех мужчин, от младенцев до глубоких старцев и требуют для них жалование. С кметами, живущими на землях мелких феодалов, история прямо противоположная — налоги взимаются не с каждого человека, но с двора добропорядочного виллана. А на одном дворе частенько обитает по несколько семей: женатые сыновья хозяина, наемные рабочие и так далее... Разница, понятно, уходит в карманы Публио и компании.

Прекрасный корабельный лес, сплаваемый по Ширке на Полдень, в Зингару и Аргос, проводится через бумаги таможи как «гнилой», однако на Побережье продается втридорога. Пошлины, ясен пень, взимаются от стоимости гнили. Количество пахотных земель за последнее время почему-то сократилось, а вот болот значительно прибавилось. На собранные деньги покупаются векселя торговых домов Офира (особенно тех, что содержат золотые копи), спустя несколько седмиц вновь продаются — когда цена вырастет. Тауранские торговые суда теперь ходят по рекам под вымпелами городов-государств Шема, а налоги с иноземных торговцев меньше, чем с аквилонцев. И заметьте, все законно или имеет видимость законности!

Выходит, что при полной поддержке тайной службы и герцога Аркона Публио за два с лишним года заработал для Танасула больше денег, чем можно себе вообразить. Часть золота заговорщики оставляли себе (за труды, так сказать). Кроме того, бескорыстность быстро надоедает), остальное возвращалось в казну города. Чиновникам, военным и страже вовремя платили содержание, цены оставались вполне приемлемыми, купцов не обирали до нитки. Вечно это положение сохраняться, разумеется, не могло — однажды шайку казнокрадов обязательно выведут на чистую воду! — но произойдет это еще не скоро. В целом, заставить Камбона и его дружков прекратить нагло грабить сокровища короля, может только прекращение не менее наглого

грабежа со стороны этого самого короля. Достаточно снизить налоги до пределов, установленных государем Вилером, а сборы с купцов вообще отменить на годик-другой — тогда необходимость в столь замысловатых авантюрах отпадет сама собой.

Бесспорно, очень многие в городе знали или догадывались, что происходит с налогами и пошлинами, но, объединенные круговой порукой, молчали. Каждому было понятно, что не окажись во главе коллегиума Латераны благоразумных меэбров, способным позаботиться не только о себе, но и о других, дела в герцогстве шли бы гораздо хуже.

Я немедленно сделал вывод, что переворот против Нумедидеса Танасул поддержит безоговорочно — те, кто живет хорошо, всегда жаждут жить еще лучше.

Как хорош Публио! Взяться за аферу, за десять лиг пахивающую эшафотом, лишь ради высокого искусства и удовлетворения своих амбиций выдающегося чиновника?.. Достоинно уважения! Тем более, что Камбон держит старика буквально в черном теле — да, его поселили в лучшем особняке, создали все условия, кормят-поят, но из всего уведенного из рук короля и канцлера золота Публио получает что-то около одной сотой доли. Это по мнению Камбона.

Я, наоборот, уверен, что Публио втихомолку подворовывает и у своих нанимателей из танасульского коллегиума...

Уверен, хоть на куски меня режьте!

* * *

Камбон проводил меня вплоть до поворота тракта на Тарантию. Лошади двигались шагом, голова в голову, солнце ощутимо пригревало, окружавшие город перелески были покрыты едва заметным зеленым пухом распускающихся листьев. Я уезжал в столицу, чтобы как можно быстрее приняться за разрешение насущных трудностей — барону Гленнору сейчас необходима самая активная помощь.

— ...Публио боится и я его отлично понимаю, — говорил мне Камбон, щурясь от бьющих в глаза солнечных лучей. — Представь, что может подумать уже переживший опалу и чудом избежавший плахи человек, когда ему предлагают... Такое.

— Какое — «такое»? — я лишь пожал плечами. — Дело-то, в сущности, житейское. Один раз в жизни можно поставить на кон все, чем владеешь, а Публио пока владеет только своей головой и несколькими тысячами кесариев, которые вы позволили ему заработать. Теперь представь: тебе возвращают все поместья и земли, отменяют решение Высокого Суда и прилюдно объявляют, что герцог Публио Форсеца был обвинен несправедливо, по наветам завистников... Добавим к возвращению честного имени пост канцлера королевства и возможность применить свои таланты не в захолустном герцогстве, а на попrieше управления огромной страной!

— Огребете вы с ним неприятностей, — ус

мехнулся Камбон. — К рукам Публио золото липнет так, будто они смолой намазаны. Он не может не воровать. Родился таким.

— Плевать! Если Публио вытащит казну из трясины, в которую нас загнали Нумедидес и его управители, то мы закроем глаза на некоторые его слабости. Запомнил, что нужно делать? Как только из Тарантий приходит гонец с пергаментом, в котором указана нужная дата, ты сажаешь Публио в карету и под охраной отправляешь в столицу.

— Он ведь не согласился!

— Его согласия никто и спрашивать не будет! После всего, что я увидел в Танасуле, Публио будет назначен канцлером вне зависимости от его желаний.

— Не хочется расставаться со стариком, — Камбон тяжело вздохнул. — Ведь истинный гений, ты бы видел, как он с бумагами работает... Кстати, могу я надеяться, что барон Гленнор не станет излишне сердиться на наше вопиющее самоуправство с казенным золотом? Мы же хотели как лучше!

— Мы все хотим как лучше, друг мой. Но после воцарения нового государя будьте сдержаннее, хорошо?

— Ты не сказал, кто станет королем. Если это не граф Дион, не Троцero и не его племянник... Ума не приложу, кого вы отыскиали!

— Увидишь. Обещаю, это будет самым большим сюрпризом!

Услышав раздавшийся позади грохот дере-

вянных колес по камню тракта, я обернулся. В окружении двух десятков вояк из «гвардии казны» по дороге гордо катили четыре фургона с гербом на бортах — два аквилонских льва, поддерживающих меняльные весы. В Тарантию везли налоги.

Мы с Камбоном обменялись понимающими взглядами и дружно расхохотались.

Завершение части первой

Барон Данкварт Гленнор

«Душевные друзья»

возрастом я все чаще начинаю задумываться о том, в какой неимоверной грязи прошла большая и лучшая часть моей жизни. Поступив на королевскую службу в девятнадцать лет и добившись к сорока семи жесткого кресла хозяина Латераны, я оказался посвящен почти во все значительные тайны политики за минувшие десятилетия, однако, как уверяют мудрецы, многие знания лишь умножают скорбь...

Полностью согласен. Обладание чужими секретами не принесло мне особого счастья, ибо все эти секреты составлены из человеческой крови, страданий и несчастий.

Нечто хорошее и доброе не нуждается в сокрытии, своей радостью люди делятся охотно и готовы оповестить весь мир о своих успехах. Грязь и скверну наоборот, прячут глубоко, так,

чтобы никто и никогда не узнал о темной стороне человеческой жизни.

Вот пожалуйста, оправдывающий эти унылые философские сентенции насущный пример восседает в кресле напротив меня, смакует тонкое вино и любезно улыбается. Имя сему примеру — граф Лорас. Его бывший господин, герцог Лаварон, однажды сказал, будто «отбросов не существует, существуют только сотрудники» и был прав, но куртуазничать с Лорасом мне противно. Такое впечатление, что я пригласил в гости очковую кобру и теперь пытаюсь добиться ее искреннего расположения.

Он не династический дворянин, а титульный — то есть графское достоинство получил не по наследству, а в качестве награды за верную службу немедийскому Пятому департаменту. Вышел в люди из самых низов, начинал карьеру с тайного осведомителя городской стражи в «веселом квартале» Бельверуса, успешно совмещая это занятие с ремеслом сутенера... Замечу, что подобные типы, просквозившие в вельможи с самого дна, отчетливо подразделяются на две категории: первые стараются навсегда забыть о своем свинопасьем прошлом и корчат из себя едва ли не прямых потомков Первых Королей, вторые ограждают грязную канаву, из которой вылезли, ажурной решеточкой с позолотой и с удовольствием показывают ее всем интересующимся. Граф Лорас относится к тем, для кого нищая молодость остается дурным сном и навязанием — теперь он утонченный дворянин с

изысканными манерами и чарующим обликом. Но я-то знаю некоторые подробности его чудесных приключений в вонючих предместьях Бельверуса, меня завитыми локонами и туранскими благовониями не проведешь.

Случись кому-нибудь из наших придворных вертопрахов, принимающих у себя милого немедийского графа, едущих с ним на охоты или прогулки за городом, прочесть десяток-другой не самых впечатляющих пергаментов из посвященных Лорасу донесений, все кончилось бы глубоким обмороком. Сиротское детство, воровская юность, сводническая молодость и шпионская зрелость... Уверен, прекрасным дамам Лорас объясняет наличие нескольких шрамов благородными поединками или подвигами на войне, а вовсе не поножовщиной в низкопробном при-tone, когда его светлость едва остался жив...

Что еще? Два смертных приговора за темные делишки и соглядатайство в Офире и Бритунии. Маленькие личные слабости — на Лораса несколько раз жаловались лишенные целомудрия юные девицы, причем не все из них оказались в его пылких объятиях добровольно. К числу слабостей можно отнести и болезненное пристрастие к трактатам по черной магии — если глава Вертрауэна, граф Мораддин относится к этому увлечению Лораса спокойно, то меня чернокнижие (даже насквозь любительское) настораживает. Граф бережет здоровье и ясный ум — в пьянстве или употреблении лотоса не замечен, ежедневно упражняется с оружием и лошадьми, от-

личный наездник. Обожает вульгарную роскошь, как и все бывшие нищebroды — даже сейчас, зная о предстоящем деловом разговоре, разделся в парчу, нацепил массу побрякушек и серьги с черным жемчугом. В Тарантии предпочитает общество высоких чинов из военного и казначейского коллегияумов и причины тому вполне объяснимы — ремесло обязывает.

При всей неприязни к этому месьору я не могу отрицать одно: Лорас хитер и умен. Морадин никогда не отправил бы в Аквилонию полного идиота и не поставил бы его на должность главы конфиденгов Пятого департамента, каковы обеспечивают пресловутое душевное согласие от лица Немедии.

Мы отлично знаем, кто он такой, а он знает, что мы знаем... Графа никто не станет хватать за ворот и тащить в пыточный подвал, равно как и в Бельверусе не тронут моего личного посланника — этикет обязывает. Латерана всего лишь препятствует излишне бурной деятельности Лораса да изредка мягко намекает, что чересчур зарываться не следует, иначе высылки не миновать. Все в рамках жесткого неписаного этикета, уж не обессудьте. А для светского общества граф Лорас остается богатым немедийским дворянином, прожигателем жизни и галантным благовоспитанным человеком.

— Неужели я ухитрился наступить Латеране на любимую мозоль? — с чуть издевательской ленцой вещал граф, встречу с которым я назначил в одном из салонов Тарантии, каковой со-

держала наша тайная служба как раз для таких целей. — Какие нынче в Аквилонии секреты, а месьор Гленнор? Воевать Трон Льва не собирается, у вас, простите, золота не хватит. Денежные тайны? Нам, бесспорно, известно, кто и сколько украл из королевской сокровищницы, но сведения эти абсолютно бесполезны. До тех пор, пока достоправная Латерана не надумает отправить кое-кого на эшафот — в этом случае Вертрауэн охотно поделится с вами любыми донесениями... Но ведь Латерана еще долго не надумает, верно?

Вот скотина! Решился попрекать меня тем, что я не в состоянии упрятать за решетку канцлера или Великого герцога Даргена! Хочется узнать, а что оставалось бы делать Лорасу на моем месте? Не верится, что граф явился бы во дворец с десятком гвардейцев и взял его светлость Редрика под стражу, предъявив обвинение в разграблении казны. Последствия такого поступка вполне предсказуемы и печальны.

— Лорас, я позвал тебя отнюдь не для упражнений в остроловии или глупых пикировок, — строго сказал я, давая графу понять, кто именно здесь командует. — Сам знаешь, достаточно мне кивнуть и...

— Господин барон изволит угрожать? — ответил мне невинным взглядом новорожденного, поинтересовался немедиец. — Чем я заслужил эдакую немилость?

— Хватит, — поморщился я. — Ты можешь найти способ как можно быстрее снести с Бельверусом и графом Морадином Эрде? Сво-

его гонца я отправлять не стану, это долго и опасно. Уверен, в твоих закромах отыщется нечто более действенное, чем пергамент... — я подумал, пожал плечами и как бы невзначай вернулся: — Нечто наподобие портала Синего Камня.

Немедийская тайная служба без оглядок использует самую разнообразную магию, вдруг им известен и такой способ общения?

— Синий Камень? — изумился граф Лорас. — Вам-то откуда... Гленнор, ты меня поразил в самое сердце. Я недаром питал уважение к Латеране. Увы, купленных у гномов инклюзов, способных создавать портал, единицы. Что бы тебе не докладывали, у меня такого камня сейчас нет. Был некоторое время назад, однако я вернул его по первому требованию Бельверуса.

— Отдал сапфир Росите из Мессантии? — наиласковейше осведомился я. — Мой помощник, Кертис, встречался с госпожой Роситой несколько дней назад в правобережной Боссонии... Ее светлость направлялась в Велитриум. Надеюсь, доехала?

Лорас мгновенно сбросил маску учтивого гостя и ощерился так, что я едва вино не расплескал. Оскалившаяся морда опасного хищника.

— Учти, если с Роситой что-нибудь случилось... — прошипел граф, пожирая меня взглядом. — Ты не представляешь, что тебя ждет!

— Как ты несдержан, Лорас, — я вздохнул, не ожидая от собеседника настолько бурного проявления эмоций. — Графиня Ринга сама решила поговорить с Кертисом, они расстались в друже-

ском расположении друг ко другу. С Роситой по воле Латераны ничего «случиться» не может. Равно как и с тобой. Откуда такие пошлые мысли, граф?

— С вас станется, — уже куда спокойнее буркнул Лорас. — Сам знаешь, методы у Латераны и Вертрауэна одинаковы, особенно когда дело касается интересов государства.

— Только не надо обвинять нас в ваших собственных грехах, — парировал я. — Интересы Аквилонии сейчас касаются лишь внутреннего положения самой Аквилонии. Мы не склонны к внешней экспансии, как благополучная и богатая Немедийская монархия.

— Намекаешь на то, что мы собираемся воспользоваться вашей слабостью? В другие времена король Нимед не стал бы раздумывать, но сейчас... Полагаю, ты осведомлен, как дорого нам обходится принуждение к покорности настолько огромных протекторатов как Замора и Коринфия? Если мы начнем войну с Троном Льва, расходы превысят все мыслимые пределы, Немедия разорится. Если разорение одной из держав Заката — Аквилонии — не вызовет бури, то когда равновесие окончательно разрушится, вместо нас на историческую сцену выйдут Зингара, Офир и Коф. А мы превратимся в провинции Полуденных стран.

— Разумно, — согласился я, выбирая примирительный тон. Лорас, будь он хоть тысячу раз плебеем, отлично соображает и решился на откровенность. — Граф, все-таки, могу я немедлен-

но связаться через тебя с Мораудином Эрде? Срочная соколиная почта?

— Я обязан знать причины такой срочности, — сказал Лорас. — Разумеется, в соответствии с общепризнанным этикетом, данные причины останутся личной тайной Вертрауэна и Латераны.

Понятно. Он совершенно прав. Иногда наши славные департаменты обмениваются сообщениями без ведома высших властей. Но только не теперь. Кто мне гарантирует молчание Лораса — в угоду большой политике он (по приказу Вертрауэна) может запросто продать нас Нумедидесу. Теоретически, Бельверусу очень выгодно оставаться единственной влиятельной и великой державой материка. Шансы — половина на половину. Это очень мало, по моему мнению.

Будем играть дальше. Почему? Мне совершенно необходимы если не прямая поддержка сильных соседей, то хотя бы их сочувствие или нейтралитет. Немедию придется покупать — им нужны деньги и спокойствие на границах. Денег у Аквилонии нет, спокойствие обеспечивается нашим временным бессилием, однако немедицы будут счастливы знать, что из Аквилонии не прекратятся поставки леса, изделий наших ремесленников и ткачей, а векселя наших купеческих домов и факторий не превратятся в пустые бумажки из-за разразившейся гражданской войны. Большую политику делают большие деньги, данная истина неоспорима.

— Лорас, я хочу знать, как владыки Немедии отнесутся к отмене налогов с немедийских

купцов в Аквилонии сроком на год и двойному снижению пошлин с кораблей, идущих по Красной и Хороту в пределах нашего королевства? Затем: мы готовы заставить наших торговцев лесом снизить цены на древесину на пятую часть...

— Хотите окончательно разорить казну? — Лорас поднял бровь. — Сборы с наших купцов дают Аквилонии большой доход. Или я чего-то не понял? Почему Латерана занимается несвойственными тайной службе делами? Торговлей занимаются канцлер и торговые коллегииумы — достаточно было вызвать нашего посланника в замок короны, рассказать обо всем ему...

— Отправишь послание в Бельверус?

— Почему бы и нет? — развел руками граф. — От твоего имени, само собой?

— Да.

И тут меня озарило. Глава немедийского Пятого департамента, граф Эрде, без лишних намеков будет способен понять, по какой причине неожиданное предложение о послаблениях купцам Трона Дракона исходит от Латераны — логика подскажет Морадину, что у соседей начало происходить нечто странное. Но давайте сделаем неожиданный ход:

— Добавь в депешу, что барон Гленнор передает сердечный привет графу Эрде от его старого друга, — решительно добавил я. — Друга, известного его светлости по истории с исчезновением принца Нимеда, в которой был замешан Аррас Кийяр.

— Аррас? — мой гость нервно пошевелился.
— Наш придворный волшебник? При чем тут Аррас Кийяр?

— Слушай, а не спрашивай! Сообщишь, что имя друга графу Эрде отлично знакомо и обозначишь на пергаменте две руны «Кано», какие используются в Нордхейме и Киммерии. В финале добавить, что все предложения исходят не столько от Латераны, сколько от этого человека. Латерана только выполняет его пожелания. Ясно?

— Ничего не ясно, — протянул Лорас, но по его загоревшимся азартом глазам я понял, что новая загадка графа увлекла. Не думаю, что Лорас раскроет подоплеку в ближайшие дни и начнет действовать самостоятельно. — Деша окажется в Бельверусе послезавтра утром, ответа стоит ждать спустя четыре дня. Самый быстрый почтовый сокол вернуться в Тарантию раньше не сможет, это проверено...

— Лорас, ты все запомнил?

— У меня хорошая память, господин барон. Тем и живем.

— Умоляю, граф, без глупостей. Ты должен понимать, что если кости бросили такие игроки, как я и месьор Мораддин, тебе лучше за стол не садиться.

Лорас хмыкнул и сказал:

— Зато я могу подсказать графу Эрде, в какой момент лучше всего встряхнуть стаканчик с костями и выбросить «двойного коня».

— Если подскажешь неверно, быть беде. Жду

тебя утром четвертого дня, считая от сегодняшнего. До встречи.

* * *

Ни к четвертому, ни к пятому дню я не получил от Лораса никаких известий и начал беспокоиться, что немедийский проныра не внял предостережениям, решив устроить самостоятельное дознание. Однако, все до единого тихари Латераны, опекавшие немедийца, сообщали, будто Лорас почти безвылазно сидел в своем поместье под Тарантией, встречался лишь с двумя известными нам конфиденстами Вертрауэна, сумевшими затем уйти от негласного надзора. Довольно необычное поведение для любителя светских развлечений. Любопытно, чем можно объяснить столь внезапное затворничество?

Приехал уставший от долгих путешествий граф Кертис, покатываясь от хохота рассказал мне о своих танасульских приключениях и «тайном казначействе» герцога Публио. Мне наоборот было вовсе не смешно — я давно подозревал, что в Танасульском герцогстве существует какая-то своя изнаночная жизнь, некое двойное дно, о котором я не знал. Досаднейшее упущение, что ни говори — Камбон и его ретивые соратники ухитрялись скрывать свою аферу слишком долго и не известили о ней меня: боялись. Правильно боялись — в другие времена вся танасульская шайка отправилась бы на рудники, но при нынешних обстоятельствах я был бы го-

тов одобрить труды моих многоумных подчиненных: они и впрямь хотели, как лучше. Ничего, с началом нового правления я мягко пожурю Камбона и забуду об этой аванюре, но если он попыбует сделать нечто подобное в будущем...

Подготовка к перевороту вошла с решающую стадию. Я попытался учесть большинство мелочей, которые облегчили бы задачу крепко взять власть в первые, самые тяжелые и непредсказуемые дни. Подготовлены королевские указы, которые будут незамедлительно оглашены на площадях Тарантии — нам необходимо сразу завоевать симпатии народа. Ничего особенного в сих ордонансах не написано: обещаются вольности, милости и непременно послабление бремени податей, объявляется о низложении «преступной своры», ограбившей свой народ, заодно указы пестрят красивыми словами о величии, тысячелетних традициях, славной истории, прежних победах и прочих свершениях, коими обязан гордиться любой патриот и верный подданный древней аквилонской монархии, возрождение каковой мы воочию наблюдаем. Народу нравятся громкие эпитеты и щедрые обещания.

Есть и другие указы, не подлежащие широкому оглашению. Над ними я трудился вместе с Троцери, его наследником и Конаном Канах, который неожиданно показал себя человеком вполне искушенным в политике — что ни вечер, я закрывал окна кабинета черными шторами, усиливал караулы возле моих покоев и с помощью мэтра Савердена открывал Синий Портал. Рабо-

тали мы до глубокой ночи, а то и до рассвета. Думаете, очень просто расставить новых людей на освободившиеся посты, причем выбрать из десятков чиновников тех, которые хотя бы первые несколько седмиц будут верны новой власти и не осмелятся воровать или плести интриги?

Мы довольно быстро придумали, кому отдать самые высшие посты и при этом не обидеть династии Великих герцогов. Канцлером, понятно будет Публио — он происходит из Тауранского семейства, родной дядя нынешнего герцога. Троцери, услышав имя старого прохвоста, вначале посмеялся, но после моих объяснений, включавших историю с танасульскими налогами, согласился. Казначейство мы отдали герцогу Ришильди — подающему надежды молодому человеку из Боссонской династии, который весьма умело управлял денежными делами армии Черной реки. Главное достоинство Ришильди — кристальная честность, а такие казусы случаются раз в столетие, не стоит упускать шанс. Военный коллегиям достался легату Паллантиду, много лет командовавшему гвардейским отрядом Черных Драконов, он же временно будет возглавлять гвардию короны — Паллантида хорошо помнит в полку, а его внезапная отставка превратила Драконов в тихих недоброжелателей Даргена Шамарского и его сына. Тем более, что я переговаривал с некоторыми сотниками этого отряда и привлек их на сторону заговора. Отказал только один, чем и подписал себе приговор — спустя два квадраса господин сотник неудачно упал с

лошади и разбился насмерть. Увы, увy... В таком серьезном деле потери вполне допустимы. Что значит одна жизнь, когда на кон поставлена судьба государства и тысяч других людей?

Дата назначена — десятый день третьей весенней луны, то есть через две с половиной седмицы. Завтра я отправлюсь в замок короны и доложу канцлеру, что герцог Троцерио убит пиктами. Сам Троцерио на некоторое время тайно покинет свое войско и переберется в Тарантию, на мою виллу. Просперио и Конан объявят армии, что Великого герцога похитили конфиденты короля и объявят Рокод по всем правилам — конные сотни начнут скрытно выдвигаться на левый берег, расчищая дорогу пешим тысячам. Я смогу убедить Нумедидеса, Даргена Шамарского и прочих, что особой опасности Рокод не представляет и посоветую направить им навстречу верные королю гвардейские отряды из Шамара. Охраной замка в отсутствие преданных Нумедидесу сотен займутся Черные Драконы и арбалетчики Боссонского полка.

Диспозицию сражения мы определим заранее — Латерана сама выберет время и место, наиболее удобные для войска Пуантена. Почти уверен, одним сильным ударом мы уничтожим гвардию короля в поле неподалеку от столицы и тем самым избежим возможных вооруженных столкновений в самой Тарантии. А переворотом в замке займутся мои «Беркуты», специально обученные действовать именно в таких условиях...

О том, что будет происходить утром назначенного дня я предпочитаю не думать. Как говорит граф Кертис — поживем, увидим.

* * *

— Ваша милость, — в кабинете неслышно появился секретарь, — из города доставили спешное послание. Судя по всему — от немедийцев.

— Хвала богам, Лорас изволил очнуться! — пробурчал я, разрывая плотный коричневый конверт с гербовой печатью графа. — Сколько же можно ждать! Та-ак, а это что еще такое?

Записка почему-то на зингарском языке. Ничего похожего на ровный, крупный почерк Лораса — малюсенькие бисерные буковки, рука женщины. Почитаем.

«Милый барон, я готова встретиться с тобой в салоне герцогини Лавланэ от шестого до восьмого полуденного колокола и передать пожелания всего наилучшего нашему общему другу КК.. Росита».

— Оседлать моего коня! — взревел я, увидев, что единственная стрелка кабинетной клепсидры приближается к отметке шестого колокола. — Быстро! Я еду в Тарантию!

— Охрана? — невозмутимо поинтересовался секретарь.

— Два ликтора, из «Беркутов». Пусть оденутся небогатыми дворянами.

Спустя квадранс я и двое моих телохранителей, пустив лошадей в галоп по дорожкам загородных парков, неслись в сторону городских во-

рот. Упустить возможность лично переговорить со вторым человеком немедийского Вертрауэна я не мог — о Ринге, графине Эрде, я слышал много хорошего и дурного, однако всегда полагал ее самым лучшим конфидендом тайных служб Заката. Бесспорно, лучшей ее сделали не-человеческое происхождение и врожденные способности к неизвестной людям магии, но будь ты хоть трижды райбирийским гулем и магичкой, никто не подарит тебе изощренного ума, коим графиня Эрде одарена в полной мере. Ринга — опаснейший противник, но как я полагаю, сейчас она не собирается враждовать с Латераной. Или?..

Поговорим, узнаем.

Через Звездные ворота, украшенные хрустальными шарами с лампами внутри, потом на улицу Медников, поворот на Волчью и далее к площади Эпимитриуса...

Вот и дом престарелой герцогини, ежевечерне собирающей у себя скучающих пожилых дворян, дабы развлечь стариков музыкой или чтением старинных трактатов.

Прислуга, увидев благородных гостей, немедленно увела наших лошадей в огромную конюшню, занимавшую треть двора, напыщенный лакей проводил до парадной лестницы и сдал с рук на руки дворецкому.

— Что угодно вашей милости? — надменно осведомился дворецкий, узрев на моей груди цепь с фамильным гербом. На воздвигавшихся за моей спиной ликторов он посмотрел совсем

неприятно. — Ваша милость приглашена ее светлостью герцогиней?

— Меня пригласила одна знакомая, — процедил я, представив, как будет выглядеть физиономия этого надутого гусака, после вопля наподобие: «Как стоишь перед начальником Латераны, морда!». Впрочем, следует быть сдержанным и вежливым — я же не у себя дома. — Госпожа Росита из...

— Прошу простить, ваша милость, — дворецкий поклонился не дослушав. — Меня, разумеется, известили. Ваши... друзья пойдут с вами?

— Безусловно! — я давным-давно зарекся ходить на подобные встречи в одиночестве, всякое может произойти. Кроме того, мне категорически запрещено оставаться без охраны. — Веди!

На второй этаж, через богатые покои, где мирно отдыхали богатые старички, по освещенному лампами цветного стекла коридору... Дверь с серебряной табличкой, на которой выгравировано: «Зингарская комната».

— Останьтесь здесь, — бросил я ликторам и те послушно замерли у входа.

Бархат цвета морской волны, фонтан с золотыми рыбками, на стенах — картины, изображающие корабли и морские сражения, любимая жителями Полуденного побережья низкая мебель. неброская роскошь. А посреди этой роскоши, в буйной феерии кружев, шелка и бриллиантов восседает прелестное юное создание. Да, донесения не лгали — графиня Эрде действительно выглядит очень молодо, хотя она старше

меня лет на сорок. Рабирийцы живут долго и почти не стареют.

— Господин барон, — Ринга, не вставая, указала мне на обитый синей тканью диванчик. — Я была уверена, что ты обязательно придешь. Вино и фрукты на столике.

— Как к тебе сейчас обращаться? — спросил я усаживаясь. — Просто «госпожа Росита»? Или в соответствии с законным титулом?

— Как угодно, — Ринга скривила точеный носик, давая понять, что церемонии сейчас не к месту. — Итак... Мой муж получил депешу от Лораса и немедленно приказал мне переговорить с главой Латераны. Задержка вызвана тем, что мне пришлось ехать в Тарантию из Боссонии, с границы.

— У тебя талант к перевоплощению, — признал я. — Кертис мне рассказал о твоей последней маске маркитантки, говорил, будто выглядит весьма убедительно. А я вижу перед собой благороднейшую дворянку...

— Пришлось разорить графа Лораса на драгоценности и позаимствовать у его очередной любовницы самое роскошное платье, — отмахнулась Ринга. — Иначе герцогиня Лавланэ не пустила бы меня даже на порог дома. Если интересно — сейчас меня зовут донной Роситой Карарес, графиней Дорито из Кордавы. Старушка Лавланэ обожает пышные титулы, бедняжке так мало нужно для счастья... Вернемся к делу, барон. В Бельверусе поняли смысл твоего послания, но остаются вопросы. Почему ты передал привет

от... от месьора Конана Канах, с которым хорошо знакома я и мой муж? Правда, последний раз мы виделись много лет назад, но друг друга не забыли.

— Поговаривают, что он станет королем после Нумедидеса, — прямо сказал я.

— Так я и предполагала, — на лице Ринги появилось и тени удивления. — Конан согласился?

— Он в некотором недоумении, однако такой человек не склонен к долгим самокопаниям — нужно, значит нужно. Если он не справится, править за него будут разумные советники. Наша цель — спасти государство и удержать равновесие на Закате.

— А если вдруг справится? — подалась вперед Ринга. — Я побывала с этим человеком в нескольких опаснейших переделках, если тебя это не смутит, скажу, что мы даже были любовниками — до моего замужества, конечно. Я уверена — Конан не станет игрушкой в чужих руках. Он неопытен в делах государственного управления, но к ремеслу... Да будет мне позволено так вульгарно изъясниться, к ремеслу короля он отнесется серьезно, как и прежним своим занятиям. Умные советники — это замечательно, но если однажды вы решите подергать за ниточки, пытаюсь влиять на Конана... Нумедидес покажется вам доброй волшебной сказкой. Я просто хочу предупредить, благо я знакома со способностями Конана. Он не станет, как Нумедидес, грабить страну, ибо сочтет, что воровать у самого себя

бессмысленно. А вы, месьоры советники, получите короля который быстренько возьмет вас за глотку и не позволит своевольничать. Я доходчиво выразилась?

— Спасибо за предупреждение, — вежливо кивнул я. — Возможно, железная перчатка на горле аквилонских чиновников — это то, что нам сейчас необходимо. Страну надо вытаскивать из бездны, которая перед нами разверзлась во всем величии и ужасе. Скажи, почему ты насквозь бесстрастно отнеслась к моему сообщению о возможной коронации безвестного варвара?

— Не такой уж Конан безвестный, — задумчиво сказала Ринга. — В Аквилонии его знают, как-никак — победитель Зогар Сага. Народу он ближе, ибо вышел из того же народа. А в Велитриуме недавно объявили, что Конану даровано дворянство. Гленнор, я знакома с давним предсказанием — Конан Канах однажды станет королем на Закате... Мы, Пятый департамент в лице Ринги и Мораддина, три года назад устроили переворот в Бритунии, надеясь посадить на трон Пайрогии именно Конана, как старого и верного друга. Киммериец отказался, отдав корону Альбиориксу. Ему хотелось большего. Пускай получит свою давнюю мечту — Трон Льва. Убедена, если Конан с вашей помощью удержится, Закату уже не будет грозить смута, которой опасаются все и каждый. Теперь главное: Немедия поддержит переворот, я говорю это от имени Мораддина, который советовался с королем Нимедом.

— Как именно поддержит?

— Мы готовы признать нового монарха и сразу выслать церемониальное посольство. Если удержите власть и доведете дело до коронации по митрианскому обряду, на торжества приедет сам Нимед или наследник короны. Заодно, попробуем убедить наших союзников сделать то же самое. Если в герцогстве Шамарском поднимется мятеж — поможем войском. Одно условие: новый король исполнит данные тобой обязательства в отношении наших купцов.

— Миром правит золото, а? — рассмеялся я, наполняя кубки. — Тогда, может, выпьем за душевную дружбу меж двумя великими монархиями?

— За душевную дружбу! — согласилась Ринга, поднимая хрустальный сосуд. — Но сначала ты должен переговорить лично с Морадином.

— Он в Тарантии? — я едва не подавился вином. — Откуда?

— Оттуда, — Ринга с улыбкой выложила на стол подозрительно знакомый сапфир, только не в обрамлении орденой цепи Пуантена, а в оправе дамской броши, какие обычно носят на парадном платье. — У нас одинаковые хитрости, барон.

Графиня прошептала над камнем заклинание и я вновь увидел веер синих лучей, открывающий проход через огромное расстояние между столицами великих держав Заката.

В открытом магией окне появился невысокий человек с короткой черной бородой, возле кото-

рого сидела огромная серая собака — темрийский горный волкодав.

— Гленнор? — граф Мораддин поднял на меня взгляд. — Ах, Ринга, это вы! Весьма рад. Будем разговаривать?

— Конечно, — сказал я. — Рад видеть вашу светлость...

Часть 2. Под знаменем Черных Драконов

Глава первая

Глаф Эган Кертис

«Война без правил»

Волки, загоняющие оленя, наверняка чувствуют то же, что чувствую сейчас я. Мы готовы нанести последний, решающий удар, когда клыки Латераны сомкнутся на горле умирающей династии Эпимитриев — до условленной даты остаются считанные дни.

Нам приходится осторожничать и всеми возможными способами уверять канцлера в преданности государю — Гленнор даже распорядился «раскрыть заговор», сиречь Латерана задержала нескольких дворян и обвинила в попытке убить Нумедидеса по наущению кофийцев, наших старых недоброжелателей. Все злодеи, конечно же, признались, барон Гленнор отправил в замок по-

бедоносную реляцию, канцлер и король остались довольны. «Заговорщиков» мы отпустим сразу после смены власти — таковыми, как легко догадаться, стали наши же конфиденты, разыгравшие спектакль с покушением...

Однако, вовсю разворачиваются события куда более важные и значительные, чем липовый заговор. Как и предполагалось, пуантенцы объявили Рокод против Нумедидеса, первые конные тысячи переправились из Боссонии в Тауран и теперь находятся на восходном берегу. Что характерно, никакого сопротивления армия мятежников не встречает, они обходят крупные города и скорым маршем двигаются к Тарантии. Уже сегодня навстречу войску Пуантена выйдет королевская гвардия.

С чего же все началось?

Толчком к началу Рокода послужило таинственное исчезновение Великого герцога Троцero из форта Велитриум, происшедшее шесть дней тому. Не стоит говорить о том, что Латерана серьезно помогла его светлости незаметно покинуть границу с пиктами — мне пришлось сопровождать герцога от Черной реки до Тарантии и поместья барона Гленнора, где Троцero пока и отсиживается, помогая господину барону составлять необходимые бумаги.

Утром в Велитриуме начался тщательно спланированный переполох — молодой Просперо поднял тревогу «обнаружив» потерявшегося дядюшку, после короткого дознания выяснилось, что герцог «похищен» и увезен в тарантийскую

тюрьму, а затем... Просперо, посоветовавшись со своими легатами, отправил в столицу гонца, привезшего Нумедидесу крайне неприятную новость: Пуантен поднимает знамя Рокода. В тот же день Просперо был объявлен злодеем короны и канцлер Редрик назначил за его голову вознаграждение в целых пять тысяч золотых кесариев. Если оную голову доставит простец — получит дворянский титул.

Барон Гленнор со свойственным ему мастерством лицедея едва ли не половину седмицы убеждал короля, Редрика и герцога Шамарского в том, что «пуантенскую язву необходимо выжечь каленым железом», что бунт надо подавить в самом зародыше, и что Просперо следует как можно быстрее снести голову на площади Эпимитриуса, равно как и его приспешникам — Копану, Паллантиду, графу Люксэ, и прочим военачальникам. Впрочем, долго убеждать двор в опасности Рокода не пришлось: в самом начале третьей весенней луны пришли донесения о том, что тысячи Пуантена переправились через Ширку, заняв броды и захватив речные суда.

Латерана исправно предоставляла дворцу необходимые сведения о численности войска, направлении его передвижения и прочем, да только наши донесения не отражали всей правды. Гонцов военной управы или «Скрытой Башни» перехватывали на пути к городу суровые вояки из «Беркутов», а Латерана потчевала герцога Шамарского и высших чинов гвардии умело поданной ложью. Число всадников и пеших мы зани-

зили почти вдвое, уверяя, что остальные безвылазно сидят на границе с пиктами, опасаясь нападения варваров, местонахождение тяжелой конницы гвардии Гайарда указывали с большими погрешностями, а заодно лили бальзам на королевское сердце доносами о распрях в стане мятежников.

Нумедидес едва не сорвал все наши планы, мерзавец эдакий! Ихнее величество попросту испугались мятежа и первые дни настаивали на переговорах с Просперо. Кроме того, беспокойствие обозначилось и в Тарантии — жители столицы глухо ворчали, услышав о возмущении на Черной реке и опасались начала войны. Отлично, такие умонастроения плебса нам только на руку!

Совместными усилиями канцлера, герцога Даргена и, разумеется, барона Гленнора, короля уговорили действовать жестко. Поскольку армия Просперо невелика, ее следует незамедлительно уничтожить на подступах к Тарантии внезапным ударом, который нанесут лучшие гвардейские отряды. Пускай Редрик вор, почище Публио, но в сообразительности ему не откажешь. Канцлер моментально понял, что благополучие двора зависит от спокойствия в стране, следовательно порядок придется наводить с помощью гвардии. Дарген Шамарский и его наследник получили ясный приказ: мятеж подавить, зачинщиков (если получится) доставить в Железную башню.

Как мы и предполагали, оберегать столицу и замок короны остались полки Черных Драконов,

Боссонцев и Алых пикинеров из Таурана. Битву с пуантенцами доверили самым верным королю выходцам из Шамара. Против наших четырех тысяч конников и семи тысяч наемников вышло семь с половиной тысяч гвардейцев. Благодаря отлично проведенной Гленнором мистификации, мы обладаем куда большими силами.

Одна беда — если нас внезапно раскроют, висеть всей теплой компании в петлях на «позорной виселице», что за Полуденными воротами города. Именно там казнят самых отъявленных злодеев короны, коими все мы несомненно являемся...

* * *

Цель установлена, средства определены. Гвардия короны идет в поход.

Я наблюдал за шествием конных отрядов со стороны. Из Закатных ворот Тарантии вытекала живая разноцветная река, сверкая начищенным доспехом, и грозно позванивая оружием. Алое знамя короля с золотым львом, желтые штандарты герцогства Шамарского с геральдическим сфинксом, значки, вымпелы. Будто не на войну, а на торжественный церемониальный смотр собрались.

Герцог Дарген едет не на коне, а в роскошной повозке — его светлость тучен, сидеть в седле ему тяжело. Наш великий полководец решил поучаствовать в деле искоренения смуты лично, благо уверен в быстрой и безоговорочной победе:

уж его-то гвардия запросто сметет немых наемников, покусившихся на святость престола! Потом будут парады, королевские милости, новые земли и титулы особо отличившимся... Это потом. Сейчас надо показать строптивым пуантенцам, кто обладает в Аквилонии действительной и неоспоримой властью!

Я нехорошо усмехнулся, поддал шпор своему жеребцу и направил его по тракту на Полуденный закат, в обход brave гвардейского воинства. Опять придется скакать полный день и полную ночь, чтобы успеть к Просперо завтрашним утром. Барон Гленнор отрядил меня в стан мятежников в качестве наблюдателя и советника, а затем я буду обязан препроводить в Тарантию нескольких важных персон.

Служащие Латераны, как и всегда, оказались на высоте — конные подставы ждали меня через каждые пятнадцать лиг, можно было перекусить, хлебнуть легкого вина и нестись во весь опор дальше, к небольшому городку Ортео, избранному пуантенцами в качестве временной «столицы». Именно рядом с Ортео и расположились отряды Просперо, в ожидании противника. Лиг за тридцать до города появились первые вооруженные разъезды — двое пуантенцев в синем с серебром, двое наемников. Меня останавливали, но по предъявлению подписанного Великим герцогом пергамента сразу же отпускали. Как и предполагалось, к Ортео я подъехал ранним утром пятого дня третьей луны весны, наткнулся на караулы, оберегавшие развернутый

возле предместий городка палаточный лагерь и тотчас был доставлен к Просперо. Ничего не соображая от усталости, я отдал герцогу бумаги, переданные Гленнором и Троцери, после чего завалился спать в неизвестно чьем шатре, поставленном рядом с обширной палаткой герцога. Разбудили меня ближе к вечеру.

— Граф, поднимайся, трубы зовут, барабаны бьют!

Меня довольно бесцеремонно трепали за плечо. Голос вроде знакомый.

— Отцепись, — слабо пискнул я. Никакого желания вставать не было. — Ты кто?

— Открой глаза и посмотри.

Мои веки надо было бы разлеплять с помощью долота, но я пересилил себя и попытался сесть на складном походном ложе из деревянных реек и парусины.

— Каков нахал, а? — добродушно гудел человек, лица которого в полутьме шатра я разобрать не мог. — Пришел, занял чужую постель, выдул мое вино... Кертис, первым же указом тебя придется сослать в рудники Эйглофиата за оскорбление величества.

— Конан? — я, наконец, понял с кем говорю. — Значит, это твоя палатка?

— Чья же еще? Вставай, умойся и иди к Просперо. Будем для завтрашней заварухи диспозицию определять. Наши разъезды доносят, что королевская гвардия в одном переходе от Ортео.

— Не понимаю, — сказал я почти окончательно просыпаясь, — как вы ухитряетесь быть та-

кими спокойными? Слово ничего и не происходит! Государство на грани гражданской войны, целое Великое герцогство объявило о неповиновении королю, самого короля хотят зарезать...

— Никто его резать не будет, — пожал плечами Конан, усевшись на ложе рядом со мной. — Заставим подписать отречение, а потом вы, большие мудрецы в деле несчастных случаев, сделаете так, чтобы их бывшее величество вернулись с лестницы... Честно признаться, я вообще не хочу убивать Нумедидеса.

— Придется, — проворчал я, натягивая сапоги. — Дорога к власти всегда вымощена трупами. Это не мы придумали, не нам этот закон и нарушать. Знаешь сколько смертных приговоров уже составил Гленнор? Подумать страшно! А тебе придется их подписывать. Король должен проявить твердость, короля должны бояться.

— Интересно, почему это Гленнор сам решает, кого карать, кого миловать? — неожиданно резко ответил Конан. — С нами он в этом не советовался.

— Ничего подобного! Во-первых, барон все обсуждает с Троцери, и Великий герцог, как политик искушенный, целиком с Гленнором согласен — все те, кто может стать нашим явным врагом должны либо умереть, либо навсегда отправиться в отдаленную ссылку со строжайшим надзором. Во-вторых, люди о которых мы говорим так или иначе виновны. На каждого в Латеране есть бумаги, от которых у человека непосвященного волосы дыбом встанут.

— На меня тоже?

— А ты как думал? Сам отлично знаешь, что главная задача любой тайной службы состоит в том, чтобы собирать и хранить знания о людях. Знания, которые в случае надобности можно будет пустить в ход. Возможно, такие слова прозвучат излишне грубо, но невиновных людей в этом мире не существует. Любой, каждый хоть единожды да нарушал писанные законы.

— Точно, — хмыкнул Конан. — Вот я например... И тебе контрабанда, и пиратство на Полуденном побережье, и торговля незаконными товарами, а если вспоминать времена веселой молодости в Шадизаре, то самому стыдно становится. Признаюсь, каюсь всемогущей Латеране — однажды я стянул у туранского купца из пояса кошелек с тридцатью империялами Илдиша. Потом, вступив в сговор с жуликом по имени Ши Шелам, украл у офирской графини жемчужное ожерелье. Потом...

— Отрубание руки или пять лет на каменоломнях, — зевнув, определил я. — Бел-обманщик, и этот человек будет королем Аквилонии!

— Я, между прочим, не напрашивался, — Конан невесело усмехнулся. — Одейся? Пошли к герцогу, нас ждут.

...Может быть тот, кто в будущем прочтет эти воспоминания, воспримет их как хронику непрерывной и болезненной подлости, ибо я впервые решил откровенно рассказать о некоторых особенностях трудов тайной службы Аквилонии, однако слово «подлость» я бы употреблять поосте-

регся. Не подлость, а разумная необходимость в интересах государства, это первое. Второе: что бы не болтали злые языки, но Латерана по мере сил и возможностей борется со злом, воплощенным в человеческие мысли и дела — людей никто не заставляет продавать чужестранцам наши тайны, воровать из казны или грабить на больших дорогах. Большинство преступлений являются осознанным выбором человека. В таком случае вполне осознанно получите и наказание за этот выбор. И третье: каждому следует помнить, что мы не дремлем. Не осуждайте ремесло, в котором ничего не смыслите, такое может выйти побоку.

* * *

Городок, возле которого обосновались пуантенцы, совершенно ничем не примечателен, кроме своего расположения. По большому счету, Ортео более смахивает на громадную деревню. Город не обнесен стеной, единственное укрепление — замок здешнего барона, к которому жмутся деревянные строения. Каменных зданий (за исключением замка) только два, скромная ратуша и дом купеческой гильдии. Сам барон Ортео, заметив как возле города разбиваются шатры, мигом понял, что запахло жареным и всеподданнейшей преданности по отношению к Нумедидесу не проявил, хотя и к Просперо не подался. Барон собрал дружину в своей крепостишке, поднял мост, запер ворота и сделал вид, будто

его здесь вовсе нет. Ни нашим, ни вашим, так сказать... Для провинциала простительно.

Перед закатом мы объехали место предстоящего сражения и остались довольны: Просперо, Конан и Паллантид в один голос твердили, что диспозиция в точности напоминает Битву на реке Тайбор, когда Сигиберт Великий вдвое меньшими силами разгромил немедийское войско, хитро использовав природный рельеф. Ортео построен в полуденной части пологого, но очень длинного холма, протянувшегося с Полудни на Полдень примерно на четыре лиги. Если стоять на гребне холма лицом на Восход, то будет заметно, что возвышенности образуют некое подобие узкой долины — еще два холма находятся напротив Ортео, примерно в двух лигах. Между ними — ложбинка, по которой проложен широкий тарантийский тракт. Вскормья покрыты лесом, только в долине можно увидеть обработанные поля, расположенные по берегам скромной мелководной речушки.

По мнению герцога Даргена мы сейчас находимся несколько дальше к Закату, на границе баронства Ортео, но ему придется горько разочароваться.

Да, лагерь мы устроили за городском холмом, но с рассветом пешие тяжелые щитники выстроятся на склонах возвышенности и пришедшей по тракту гвардейской коннице вначале придется миновать ложбину, образовать боевой порядок (Просперо уверен, что они пойдут клином), а затем врубиться в ряды нашей пехоты, причем

атаковать гвардейцы будут вверх по склону, что для конников весьма нежелательно.

Если битва развернется по планам Просперо и его легатов, конные увязнут в сражении с нашими наемниками (этой частью войска будет командовать Конан), а Просперо в это время выведет скрывающуюся за лесом гвардию Гайарда, которая обойдет королевские отряды и ударит в спину, заодно перекрывая путь к отступлению. Мы обязаны сделать так, чтобы никто из наших врагов не ушел с битвенного поля, посему за восходными холмами расставлено несколько десятков секретов, обязанных вылавливать возможных беглецов. Чем позднее в Тарантии узнают о происшедшем, тем удачнее пройдет переворот в самой столице.

— Граф, завтра ты предпочтешь мое общество или будешь оберегать Конана? — с шутливой интонацией спросил меня Просперо, когда мы вернулись в шатер его светлости, наскоро перекусить. Паллантид и граф Люксэ вежливо раскланялись и отбыли в стан своей обожаемой кавалерии, так что мы остались вдвоем, если не считать оруженосцев Просперо, охранявших вход в палатку. — Их будущее величество окажутся в центре всех событий, пешие щитники подвергаются куда большей опасности чем тяжелая конница.

— Ерунда, — отмахнулся Конан. — Против пехоты, которая держит плотный строй, кавалерийский удар бессилен. Я уже отдал несколько приказов, которые серьезно облегчат нам жизнь.

Поставим в первых рядах повозки, как походную крепость, за повозками — арбалетчики и лучники. К утру мои орлы прокопают канаву, в которую выльем несколько бочек смолы, подожжем... Лошади испугаются огня, клин может смешаться. Просперо, ты лучше послушай нашего дорогого гостя из Латераны — он мне сегодня таких ужасов наговорил, что я готов отказаться от королевствования. Будто бы твой дядюшка и барон Гленнор занимаются в Тарантии только тем, что составляют приговоры, по которым мне придется отправить на эшафот едва не половину Аквилонии.

— Отчего же так односторонне? — оскалился я в любезно-ядовитой ухмылке. — Латеране придется организовать ликующие толпы на улицах, которые будут славословить нового государя, раздавать бесплатное вино, приглядывать за тем, чтобы восторженные подданные по пьяному образу не перерезали друг друга, как это случилось во время коронации Вилера. Клянусь своей честью дворянина, на улицах жертв может быть в три раза больше, чем тех, кому придется прогуляться на плаху... Месьоры, неужели мне надо объяснять вам обоим, что шутки давно закончились?

— Это понятно, — кивнул Просперо. — Мы же не малые дети, дорогой граф. Государственные соображения всегда стоят выше любой морали и принципов, мы оба отлично знаем, что нам предстоит. Кажется, в Латеране это называется «стряхнуть пыль с золота»?

— Именно. Беда в том, что пыли накопилось слишком много. Просперо, случись тебе занять трон, ты бы дрогнул? Начал бы разбрасываться помилованиями и являть высокое благородство?..

— Вряд ли, но королем я не стану по одной важной причине: не хочу брать на себя подобную ответственность.

— Думаешь, я хочу? — вдруг возмутился Конан. — Если у нас ничего не получится, в крушении Аквилонии обвинят прежде всего короля! Пришел какой-то варвар, уничтожил старые традиции, окончательно разорил страну, оскорбил своим появлением дворянство... Думаете, мы собираемся придти на все готовенькое? Нумедидес за четыре года превратил королевство в груду развалин, мы получаем в наследство больную и озлобленную на высшую власть страну! Готов проспорить собственную голову — недовольство в народе только усилится, если мы быстро не дадим людям то, что они хотят: спокойствие и достаток, возможность честно и безопасно зарабатывать свое золото! И чтобы никто не боялся, что любой другой, король или уличный воришка, отнимет у человека принадлежащее ему по праву. Легко с этим справиться? По-моему, очень нелегко!

— Однако, цель достижима, — с прирожденной невозмутимостью сказал Просперо. — Помнишь, что ты сам говорил недавно? Какое-то время «королем» будем все мы, каждое решение придется принимать всем вместе и отвечать пе-

ред богами и королевством тоже будем вместе. Поздно отступать.

— Никто отступать и не собирается, — привычно сказал Конан. — Как говорили мои дружки-пираты с Барахас, концы обрублены. Теперь либо путь в океан, либо на дно.

Отужинав холодным мясом и начинающим черстветь хлебом, мы уже собирались расходиться — время близилось к полуночи, а вставать придется задолго до восхода солнца. Внезапно снаружи обозначилась непонятная возня, охрана с кем-то громко препиралась, послышалась сдавленная ругань... Уяснив, что случилось нечто странное мы выскочили наружу, держа ладони на рукоятках клинков.

Прекрасная весенняя ночь, небо чистейшее, черно-синее. Созвездия выложены по Верхней Сфере, будто бриллианты на блюде черного мармара. Луна пока не вышла из-за горизонта, но на восходной стороне неба уже появилось бледное бело-оранжевое зарево. — Ваша светлость, караул соглядатая изловил, к шатрам пробирался, — бодро отчеканил оруженосец Просперо. — Говорит, будто с поручением к вашей светлости, но мы этого человека прежде не видели.

К нам подтолкнули связанного бородатого детину с повязкой на глазу. Один из караульных предъявил отобранное у незнакомца оружие — абордажный палаш.

Я моментально понял, кого привели — перед глазами встал закопченный придорожный кабак «Кролик и перепел» в Боссонии, фургон Роситы

из Мессантии, сама Росита в безобразном вызывающем платье... И телохранитель моей прелестной подружки — графини, маркитантки и шпионки. Точно, он!

— Постойте-ка, — я выскочил вперед, и взглянул на Просперо: — Скажи, чтобы его отпустили! Я этого человека знаю.

— Ваш? — осведомился Конан, подразумевая Латерану.

— Ну... Почти. Неважно. Эй, любезный, тебя послала Росита?

Бородач угрюмо поглядел на меня сверху вниз и рыкнул замысловатое зингарское ругательство из богатого морского лексикона, чем немедленно заинтересовал Конана, как знатока и ценителя.

— Росита говори бийстро исакайт Посперро, — сообщил грома с таким немыслимым акцентом, что я незамедлительно перешел на зингарский язык:

— Почему госпожа не пришла сама? Говори, его светлость перед тобой!

— Хозяйка там, — чернобородый отмахнул рукой в сторону тракта на Тарантию. — Уйти не может, отравила меня. Велено передать: аквилонская гвардия идет ночным маршем, без остановок.

— То есть как? — тоже по-зингарски спросил Конан. — Ночной марш? Кром Молнемечущий, если герцог Дарген решил не вставать на отдых, они появятся в долине возле города через пару колоколов! Получается, наши мудрейшие

планы отправляются к Сету под хвост! Вся диспозиция рухнула!

М-да, новости крайне огорчительные. Самоуверенная ретивость Шамарского герцога, посчитавшего, что мятежников стоит настичь как можно быстрее, поставила нас в труднейшее положение. Очень скоро конная гвардия подойдет к Ортео, они наверняка двигаются при факельном свете... Пуантенское воинство отдыхает, ночью сражаться невозможно. Хоть плачь, честное слово!

— Командуй! — Конан невежливо подтолкнул замершего в растерянности Просперо. — Бросаем все, отходим на Закат по тракту и через лес? Или отыщутся другие мысли?

— Никакого отступления, — процедил герцог. — Конан, поднимай своих, общая тревога. В боевые буцины не трубить, использовать только вестовых — нас не должны услышать раньше, чем нужно. Немедленно гонца к Паллантиду, пусть седлают коней!

— Ваша светлость, это безумие, — вякнул я, услышав самоубийственные приказы Просперо. — Никто не воюет в поле ночью, это закон! Ночной штурм крепости — сколько угодно, но только не сражение на открытом пространстве! Мы ведь друг друга перережем!

— Конан, что ты говорил о бочках со смолой? — не обращая на меня внимания спросил герцог киммерийца. — Нам поможет восход луны, конным прикажем надеть на шлемы белые шарфы или прицепить любую светлую ткань, чтобы от-

личить от противника. Спасение только во внезапности и неожиданности! План полностью меняется!

— Пойдите... — я снова попытался образумить Просперо, и тотчас получил жесткую отповедь:

— Кертис, или займись делом, или не мешайся под ногами! Ночью война невозможна? Придется доказать всему миру обратное!

* * *

Признаться, никогда ничего подобного я не видел, да впредь и не увижу.

Существуют незыблемые, проверенные опытом столетий и бесчисленных сражений законы ведения войны, охватывающие как правила тактики боя, так и сотни неприметных, но важных мелочей — расположение военного лагеря, охрана обоза, одежда, вооружение, подача сигналов знаменами и дымом... Всего не перечислишь!

Просперо и Конан сотоварищи путем лихой импровизации эти законы дополнили, привнеся в мудрую науку тактику положения о ночной атаке. Бесспорно, при более неблагоприятных обстоятельствах решение герцога имело бы самые трагические последствия, а любой здравомыслящий полководец, узнав о приближении противника попросту отдал бы приказ о незамедлительном отступлении. Просперо, однако, понял, что свернуть лагерь за несколько квадрансов и отойти (выставив на всякий случай боеспособ-

ный аррьергард, призванный обеспечить безопасность отступления), сейчас невозможно — это означает потерю большей части обоза и неразбериху. Вывод один: пускай все законы и традиции летят в пасть Нергала! Отход будет означать поражение еще до начала битвы, а значит нам придется вступить в сражение. Ночью.

Конан умчался к своим наемникам, я же предпочел остаться с Просперо и гвардейцами Гайарда — в пешем строю от меня толку мало, ибо как всякий дворянин я обучен прежде всего конному бою. В запасах герцога отыскалась приличная кольчуга, нагрудник и шлем — мы с Просперо почти одинакового роста и комплекции. Пока никакие мои умения наследнику венца Пуантена пригодиться не могли, и я лишь наблюдал за воцарившейся в лагере деловитой суетой, дожидаясь начала действия, позднее поименованного «Битвой при Ортео».

План казался простым и изящным одновременно: разбитые на два крупных отряда наемники выстраиваются в два каре в полуночной и полуденной частях низины, в полной тишине дожидаясь явления королевских гвардейцев. Когда растянутое по тракту войско войдет в долину, наша пехота ударит одновременно с двух сторон, рассекая гвардию надвое и перестраивается, образуя прямоугольную «черепашку». Тут же поджигается смола, вылитая в длинный ров выкопанный поперек тракта со стороны города. Выстроиться боевым порядком гвардия короны не успевает, не должна успеть! И тогда же наша тяже-

лая кавалерия делает обходной маневр с флангов, захлопывая ловушку с закатной стороны, прижимает врага к строю щитников, а дальше — как боги рассудят!

Теперь это изящество и простоту следует проверить на своем опыте. У нас преимущество —двигающееся спешным маршем войско герцога Даргена не облачено в доспех. Они полагают, что мы будем воевать по правилам, что сражение начнется не ранее завтрашнего полудня, что сначала последует обязательный обмен посланниками с предложением о сдаче и вся прочая военная куртуазия... Не дождетесь! Ремесло войны лишь самую малость почище ремесла политики, и мы не боимся испачкать руки.

— Удивляюсь их невероятному самомнению, — бормотал Просперо, имея в виду командиров королевского войска. — Ночной переход, лошади и люди к утру устанут... Дарген рассчитывает, что я позволю им отдохнуть? Они даже не выслали вперед разъезды разведки, иначе мы их давно бы перехватили!

— Недооценка противника всегда губительна, — я пожал плечами, обтянутыми вороненой кольчатой броней. На гребне моего шлема красовался оторванный рукав шелковой кружевной рубашки — белого шарфа у Просперо не обнаружилось.

Начался восход луны и теперь я мог осмотреться. Мы находились у подножия большого холма, отстоя от темнеющих квадратов пешего легиона не более, чем на половину лиги, под

прикрытием лесной тени. Тихо, ни единого звука. Лишь иногда пофыркивают лошади да случайно брякает железо. Щитники издали вообще кажутся черными зарослями кустарника — ни одного движения, доспехи по приказу Конана покрыты плащами, чтобы металл не давал блики от лучей звезд и убывающей луны.

— Вот они, добро пожаловать, — сквозь зубы процедил Просперо, заметив первые желтые огоньки, появившиеся в устье лощины меж двух противоположных возвышенностей. — Удивительная беспечность! Знают, что враги могут быть неподалеку, а идут не таясь!

Вскоре цепочка золотистых светлячков превратилась в настоящую реку, изливающуюся на равнину — факелов гвардия не жалела. Дороги в Аквилонии широкие, в один ряд могут идти пять всадников или два фургона одновременно, значит семь тысяч конных с обозом растянутся более, чем на лигу. Двигаются неспешной рысью, чтобы не утомляться самим и не дать сильно устать лошадям.

— В чем дело? — Просперо обернулся в сторону города, услышав отдаленный звук рога. Над черной коробочкой замка барона Ортео внезапно появились огоньки, а рог совершенно недвусмысленно трубил сигнал «враг на подступе».

— Вот тварь, а! — громче, чем следовало бы, рявкнул Паллантид стоявший рядом с нами. — Тутушний барончик решил доказать верность Его величеству Нумедидесу Эпимитрею! Преду-преждает, с-сволочь!

— Может, Ортео хочет предупредить нас а не гвардейцев короны? — предположил герцог. — Все равно это ничего не изменит. Смотрите, колонна полностью вошла в долину. Подавайте сигнал щитникам Конана!

Судя по объяснениям Просперо, армия Черной реки переняла у пиктов множество полезных знаний, включая подачу боевых знаков голосами различных животных. Вот и сейчас низко проревел большерогий олень, голос коего прекрасно имитирует морская раковина с побережья Пуши. Любой завзятый охотник сразу схватился бы за лук или арбалет — настолько похоже!

Земля чуть вздрогнула — стальные тиски тяжелой пехоты начали сжиматься, разрывая колонну тарантийской гвардии на две почти равные части. В прохладном ночном воздухе послышались недоуменные, а потом и яростные крики, впервые ударила сталь о сталь.

Вскоре наемники образовали слитное каре, уперли в землю квадратные щиты высотой в три локтя и выставили копья, превратив строй в несокрушимый монолит, о который разбивались волны светлячков. Одной этой атаки было достаточно, чтобы вызвать у противника легкую панику.

Блюсти тайну теперь не имело смысла — Просперо отмахнул перчаткой, истошно завывли медные буцины, давая понять командиру левого крыла нашей конницы, что пора начинать. Но прежде чем граф Люксэ вывел первые сотни ка-

валерии в долину, за нашими спинами послышался топот нескольких десятков копыт.

— Эт-то что за явление? Демоны из Черной Бездны полезли? — вскинулся Паллантид, но беспокойство тотчас улеглось — один из наших оруженосцев резко осадил коня рядом с герцогом и прокричал:

— Ваша светлость, господин барон пожаловали!

— Какой такой барон? Откуда? — не понял Просперо, не отводя взгляд от разворачивавшегося в низине сражения.

— Барон Ортео, с вашего позволения! — появился новый всадник, совсем молодой дворянин с восторженным лицом, в красной тунике, при свете луны казавшейся черной. — Едва успели к разгару веселья! Дозволите принять живейшее участие? В дружине тридцать пять мечей!

— Сударь, мы в Рокоде против короля, — недоуменно сказал Просперо, оглядев новоприбывшего. — О чем вы думали прошедшие два дня, милейший? Я был уверен, что барон Ортео собирается блюсти строжайший нейтралитет...

— К демонам нейтралитет! — воскликнул барон. — Как дворянин я не могу оставаться в стороне от хорошей драки! И не важно, на чьей стороне! Рокод? Отлично, я тоже объявляю Рокод Нумедидесу! И будь, что будет!

— Молодежь... — с непонятной интонацией протянул Паллантид. — Ладно, барон. Поставьте своих молодцев за нами, справа. И пускай что-нибудь светлое к шлемам прицепят!

— Понял! — счастливо рывкнул юный барон и исчез. Паллантид снова покачал головой, повторив:

— Молодежь... Просперо, гляди, граф Люксэ отрезал гвардии дорогу на Закат! Кажется, нам пора.

— Рановато. Хотя... Отлично, парни Конана подожгли смолу! Трубите атаку!

По битвенному полю поползла яркая огненная змея, пламя взметнулось на высоту двух-трех человеческих ростов, превращаясь в подобие ярко-оранжевой стены, отгородившей подъем на городской холм. Судя по движению конных, внизу началась форменная свалка — лошади пугались открытого огня, тех, кто сумел преодолеть залитый смолой неглубокий ров встречали залпы стрел — за составленными в цепь повозками засели арбалетчики.

— Вперед, господа, — негромко сказал Просперо, опуская забрало, прикрывавшее только подбородок. Глухой шлем-кадку герцог предпочел не одевать — темно.

Последние полторы тысячи всадников вкупе с крохотной дружиной барона Ортео устремились в долину — вначале рысью, потом иноходью. Клин перешел на галоп только за три сотни шагов до пытавшихся организовать некое подобие строя гвардейцев короны. Копья мы не использовали, только мечи.

Придется с неудовольствием признать, что мне было довольно страшно. Я никогда не участвовал в настоящей войне и не видел ни единого

крупного сражения, все мои знания о войнах почерпнуты из книг. Разумеется, как отпрыск старинного графского рода, я с детства научен владеть благородным оружием, долгие годы службы в Латеране позволили освоить и более экзотические инструменты, предназначенные для убийства ближнего и дальнего своего, но атака в плотном строю кавалерии, где всадники обязаны прикрывать друг друга, была для меня насквозь новым и малознакомым делом. Лошадь, например, справилась гораздо лучше человека — обученная гвардейская скотина, любезно предоставленная мне герцогом Просперо, слушалась не моих (частенько бестолковых) команд, а словно бы чувствовала общий порыв, шла ровно на четверть корпуса впереди идущего за мной всадника и на четверть позади составивших острие клина Просперо, Паллантида и троих сотников Гайарда.

Я зря жаловался на темноту — глаза привыкли к синевато-белому свету луны, вдобавок совсем рядом горел смоляной огонь, бросая колеблющиеся отсветы на своих и врагов... Закованный в сталь пуантенский клин вломился в неровные ряды бездоспешной гвардии, как кабан в камыши и мгновенно рассек противника на несколько небольших отрядов. Значительную часть ошарашенных невероятно наглым и внезапным ночным нападением гвардейцев мы прижали к ошетилившейся трем рядами копий огромной «черепахе» Конана...

Мне почти сразу не повезло — по неопытно-

сти я потерял из виду Просперо и получив внезапный удар по наплечнику потерял равновесие. Результат: граф Кертис решивший (сдуру...) принять участие в исторической битве с невнятным воплем летит из седла на землю, выпуская поводья. Хорошо, клинок не выронил. Нога, как это всегда бывает, запуталась в стремях, рванувшаяся в сторону лошадь потянула меня за собой. Затопчут! Прекрасный финал карьеры — бездарная смерть под копытами. Ни о чем лучшем и мечтать нельзя...

Неслыханная удача! Смешно и грустно: стремя меня освободило — сполз сапог. Я представил, как выгляжу со стороны и едва подавил глупый смех: моя светлость, начальник стола Латераны, в одном сапоге стоит посреди отчаянной рубки и думает, как поступать дальше. Думать пришлось недолго — не меня одного вышибли из седла.

Он поднялся на ноги сразу — высоченный здоровый парень с озлобленной, искаженной яростью физиономией. Доспехов никаких, кроме плотного кожаного подкольчужника, надетого с вечера для защиты от ночной прохлады... Этот будет убивать не раздумывая, ибо ничего другого не остается.

Всадники сместились чуть левее, оставляя свободное пространство между собой и подымавшейся по правую руку стеной щитов. А у меня щита нет, что весьма прискорбно. Потерявший коня гвардеец мигом огляделся, увидел перед собой мою персону и не долго думая ринулся в

бой. Отличная гвардейская школа фехтования на полторном мече, это я понял тотчас — быстрая серия боковых ударов, рубящий сверху, отход, колющий, снова полдесятка боковых...

Будь сейчас потешный поединок, я бы пофехтовал с этим человеком в свое удовольствие, но... Во-первых, он сильнее. Во-вторых, мои движения сковывают кольчуга и кираса, которые сейчас больше мешают, чем помогают. В-третьих, единственная и неповторимая жизнь графа Кертиса стоит дороже и так запросто терять ее я не намерен. В конце-концов, это не благородная дворянская дуэль, а битва, где допустимы любые средства.

Меч перебросить в левую руку, обманное движение, правая ладонь вытягивает из ножен кинжал-дагу, прыжок назад, взмах кистью. Острие входит в горло. Метать кинжалы я умею неплохо. Противник валится лицом на землю.

Шварк! Такой немислимой гнусности я ожидать не мог. Проскочивший мимо вражеский всадник попросту отмахнул мне по шлему эфесом клинка — я запомнил только металлический звон и россыпь малиновых искр перед глазами.

Потом наступила кромешная тьма.

* * *

— ...Два пальца, гады, отрубили. Ничего, оружие удержу. Сударь, рука, конечно, малость побаливает, но зачем мне здесь валяться?

— Лекарь сказал — лежать, значит лежи. Ус-

пеешь напрыгаться. А как поживает достойный граф?

— Доселе без сознания, помрет наверное.

Это они обо мне говорят? Нет пока в обитаемом мире человека, который сумеет убить графа Кертиса!

Только для начала надо узнать, где я нахожусь и чьи голоса слышу. Но сперва...

— Пить дайте, — шевельнул я пересохшим языком и открыл глаза.

— Во, а я думал, тут лежит всамделишный мертвый труп покойного человека, — удивленно сказал молодой голос, жаловавшийся на пораненную руку. — Глянь, ожил!

Надо мной нависло нечто большое и темное, руки коснулся прохладный кубок. Вода, смешанная пополам с красным вином. Прекрасно утоляет жажду.

Голова болит несносно, но можно потерпеть. Осмотримся.

Конана и его шатер я опознал сразу, да и парнишка с замотанной тряпками правой кистью показался смутно знакомым. Ах, верно, его милость барон Ортео, владелец одноименного лена, замка и городка. Значит, этот герой тоже не уберется. Пусть скажет спасибо богине удачи, что остался жив!

— Почему именно мою палатку избрали приютом для немощных? — озадаченно спросил Конан у самого себя, усаживаясь на складной стульчик, жалобно скрипнувший под его тяжестью. — А все потому, что Конан Канах добрый

и отзывчивый, мухи по своей воле не обидит, за убогими приглядит... Месьоры, едва герцогский коновал позволит — обоих безжалостно выставлю!

— Хватит балагурить, лучше расскажи, чем все кончилось, — поморщился я. — Какой теперь день — сегодня или завтра?

— Смотря с какой точки зрения, — усмехнулся Конан. — Ближе к полудню. Минувшей ночью шамарская гвардия получила хороший урок, да только никаких выводов извлечь из него не сможет. Полный разгром. Из семи тысяч уцелело человек двести, герцог Дарген пленен, его наследник погиб. Наши потери — четыреста всадников, семьдесят пеших. Просперо распорядился пригнать здешних кметов и раздать всем по кесарию из захваченной казны гвардии — пускай большую могилу роют... Тебя, Кертис, подобрали щитники и приволокли в лагерь.

— А в моей дружине все уцелели, — радостно дополнил барон Ортео.

— Кроме доблестного командира, — Конан недовольно поглядел на покалеченную руку барона. — Тебе никогда не говорили о том, что надо латные перчатки надевать?

— Не успел...

— Хотя бы у оруженосца спросил, балда! Посмотрел я на твоих дружинных — взрослые, суровые дядьки, многие с пиктами воевали, с такими не пропадешь. От папеньки в наследство дружину получил?

— Отец на Черной реке сгинул, два года то-

му. Господин легат, а можно мне с вами на Тарантию пойти? Рука совсем не болит, клинком могу и левой хорошо работать.

— Отчего же нельзя, можно... Если герцог согласится.

— Тебе сколько лет, отрок? — насторожился я. — Шестнадцать? Конан, ты с ума сошел, зачем позволяешь?

Отрок насутился и взглянул на меня неприязненно. Конан пожал плечами, сказав:

— Кертис, пойми, в провинции люди взрослеют гораздо раньше, чем в столице. Месьор Ортео показал себя более чем достойно. А что двух пальцев лишился, так впредь умнее будет. Верно говорю?

— Делайте, что хотите, — отмахнулся я. — Ты лучше другое скажи. Великого герцога Шамарского уже допросили? Что сказал?

— Узнаю костолома из Латераны, — Конан преувеличенно горько вздохнул. — Никто Даргена не допрашивал, сидит под охраной и трясется от страха. У нас пока других дел предостаточно. Завтра выступаем в сторону столицы. Просперо выдумал очередную хитрость — захвачен гвардейский обоз, нашу конницу переоденем в цвета Шамара, чтобы подобраться к Тарантии незаметно. У нас в руках знамена, печати герцога Даргена... Выигрыш налицо. Кертис, отсыпайся до вечера, потом приходи к Просперо. Пока ты герцогу не потребуешься, мы решаем чисто военные вопросы. Время романтиков маски и кинжала наступит попозже.

С тем Конан откланялся и покинул шатер.

— Ты правда из Латераны? — молодой любитель приключений заинтересованно посмотрел на меня. — Вот кстати, совсем забыл представиться, как предписано этикетом: Одон, урожденный барон Ортео, владетель фьефов Мелвиль и Риго. К вашим услугам, сударь.

— Эган, граф Кертис-младший, — буркнул я в ответ, понимая, что теперь от любопытного отрока не отвязаться. Парень он хороший, но для такого прожженного циника и реалиста как я, романтический настрой захолустного дворянина, воспитанного на древних легендах и сагах о великих героях, кажется слегка отвлеченным от мрачной и кровавой реальности. Ничего, годы научат господина барона воспринимать мир таким, какой он есть.

Пускай мне хотелось отдохнуть, мы неожиданно разговорились.

Пришлось попотчевать Одона старыми байками из жизни конфиденентов Латераны, он слушал с горящими глазами, словно я пересказывал захватывающие сочинения Стефана, Короля Историй или новомодного литератора Гая Петрониуса. Потом барон Ортео чуть мечтательно сказал:

— У вас интересно... Граф, скажи, а можно как-нибудь поступить на службу в Латерану?

Только его и не хватает в стройных рядах охранителей душевного согласия!

— Очень сложно, — проворчал я, засыпая. — Надо заслужить.

— Сударь, я готов...

Отвечать не пришлось. Я уже спал.

* * *

Вечером я все-таки дорвался до любимого дела и, злорадно потирая руки, навестил Великого герцога Даргена из Шамара, коего содержали под строжайшей охраной в отдельном шатре.

Нет-нет, не подумайте, я вовсе не звал на помощь Жайме из Карташены, не пугал, не угрожал и не сыпал оскорблениями в адрес проигравшего. Мы ведь не звери какие...

Кроме того, герцог Дарген и без моего участия был здорово обескуражен всем происшедшим, никак не мог поверить, что маленькая победоносная кампания против злонамеренных мятежников окончится фатальным поражением, которое вызовет далеко идущие последствия для всей страны.

Просперо, между прочим, настрого запретил дурно обращаться с пленником — Дарген происходит из знатнейшей династии, Латерана или Высокий Суд Короны его ни в чем не обвиняют (пока...), а если подойти крючкотворски, то герцог доселе остается главой королевского военного коллегияума и командует всем аквилонским войском. Лишить этих званий его может только правящий монарх, а просить об этом Нумедидеса будет довольно нелепо. Напомню, что Дарген даже на плахе останется Великим герцогом: наследный титул не имеет права отнять никто,

включая короля — древняя, неоспоримая дворянская привилегия.

Лысый толстяк выглядел красным, потным и несчастным, беспрерывно пил вино и не пьянел, а когда я вошел в усталанный роскошными коврами шатер, взглянул сквозь меня невидящими глазами и снова отвернулся.

— Явился, шакал... — ничего не выражающим голосом сказал Дарген, видимо, узнав меня. Мне приходилось бывать на приемах во дворце герцога, иногда Гленнор отсылал меня к Даргену с донесениями Латераны. — Я давно начал подозревать, что в вашем змеином садке что-то нечисто, слишком лебезил Гленнор в последнее время, сладенький весь, приторный, будто патокой вымазан. Признаю: преданного и вернейшего слугу короля барон корчил из себя убедительно, даже канцлера провел, а Редрика обмануть нелегко.

— Тем и живем, ваша светлость, — вежливо сказал я. — Могу я осведомиться....

— Не можешь, — отрезал герцог. — Не желаю с тобой разговаривать, Кертис. Смысла не вижу. Все, что вы хотите знать, вы наверняка знаете. Мне остается только ждать. Завтра повесите? Или после взятия Тарантии?

— Рад, что ваша светлость не питает иллюзий относительно своей дальнейшей судьбы, — я не удержался от ядовитого сарказма. — Однако, успокойтесь, все будет обставлено пристойно, никакой пеньковой веревки и пошлой деревянной перекладкины. Церемония будет проведена с уважением к титулу.

— Благодарю, — Дарген даже не шевельнулся. — Ответь на один вопрос: давно вы это задумали?

— Почти две луны.

— Я предупреждал Редрика, что «Скрытая Башня» Латеране в подметки не годится. Он решил было перевести ваших конфиденентов под управление «Башни», но опоздал. Сам виноват.

— Собственно, ваша светлость, с этого все и началось. Канцлер покусился на священную корову Гленнора, на Латерану, что и стало последней каплей.

— А твой Гленнор не догадывается, что одна-единственная тайная служба не показывает королю всей картины происходящего в государстве? Что может быть предвзятой? Учтите это на будущее... Троцери, выходит, жив? Вы нас снова провели известием о смерти пуантенца? Где вы его прячете?

— Герцог уже в Тарантии.

— Примеривается к короне?

— Отнюдь, ваша светлость. Пуантенская династия не претендует на корону. Герцоги Гайарда сменят вашу славную семью на попрание королевских фаворитов.

— Все шутишь... Гляди, однажды дошутишься. Боги не прощают измен, кому бы ты не изменял, хорошему правителю или дурному. Неужто барон Гленнор сам решил взойти на трон? Это было бы забавно — младший сын захолустного барона вскарабкался на древний престол.

— Гленнор останется в Латеране, — фыркнул

я. — Коронуют Конана Канах, легата пуантенского войска.

Вот теперь герцога Даргена проняло всерьез. Аж рот раскрыл, да так широко, что туда запросто влетела бы довольно упитанная ворона.

— К-кого? — заикнулся Дарген. — Этого волосатого дикаря, бывшего десятника? Не может быть! Он даже не дворянин! А канцлером — первого дворцового золотаря?

— Публио Форсеца, — смиренно шепнул я. Дарген только вздохнул, сказав:

— Либо вы безумцы, либо гении, третьего не дано. Уходи, Кертис. Я хочу остаться один.

О герцоге Даргене можно сказать много плохого, но в одном достоинстве ему не откажешь — умеет проигрывать. Никаких слезных просьб о пощаде, пускай в отдалении уже маячит плаха, избежать которой будет невозможно. Дарген понимает, что жизнь рухнула, знает, что даже если мятежники проиграют, в живых его не оставят, и при этом выказывает эдакий безмятежный фатализм.

— Его светлость не скончается после задушевной беседы с палачом из Латераны? — жизнерадостно осканился Конан, встретив меня возле шатра Просперо. — Кертис, не обижайся, это я люблю... Когда выезжаем в Тарантию?

— Чем скорее, тем лучше, — буркнул я, действительно обидевшись на «палача». Почему я не могу просто поговорить с бывшим могучим противником? — Где Просперо?

— Сейчас подойдет. Отдает последние прика-

зы войску, командовать оставляем графа Люкс Паллантид нам пригодится в столице, Черны Драконы его уважают. Придется ставить Паллантида легатом гвардии, поскольку отпрыс старика Даргена героически сложился в битве мятежниками, а трупы государственных должностей занимать никак не могут...

Я посмотрел в сторону Восхода, где за туманными равнинами скрывалась наша главная цель — Тарантия. Едем домой. Да, скорее, скорее домой! Под теплое крылышко папочки Гленнора!

Надо заканчивать игру. С сегодняшнего дня мы близки к короне Аквилонии как никогда. Остается протянуть руку и снять ее с головы Нумедидеса.

Глава вторая

Барон Данкварт Гленнор
«На ступенях Трона Льва»

8 день Третьей весенней луны 1288 г.

Тарантия сейчас похожа на некоего исполинского монстра, огромного темного зверя, недовольно ворочающегося в своей берлоге, ограниченном пространством городских укреплений. Столица чувствует — что-то грядет, что-то обязательно случится. Меня всегда поражала способность больших городов неким странным способом «предвидеть» события — неуловимо меняются воздух, звуки, запахи, люди начинают вести себя необычно, нервозность ощущается даже у животных.

В подспудном ожидании этого самого «чего-то» города изменяются так же, как природа перед сильной бурей — наступает напряженное

затишье, обитатели леса прячутся по своим норкам, тревожно перекликаются птицы...

Никакой особенной «бури» я, однако, не предвижу — чем тише и незаметнее мы будем действовать, тем лучше. Никаких сражений на улицах Тарантии, никаких пожаров или погромов мы допустить не можем. Благовоспитанные обыватели, привыкшие к безмятежному течению жизни, должны мирно проснуться утром и только от коронных глашатаев узнать, что государь Нумедидес скончался, а Высокое Дворянское Собрание сочло необходимым отдать трон и венец человеку, способному достойно вести Аквилонию к величию и процветанию. Никакого «Дворянского Собрания», разумеется, не будет — вернее, его не будет в том виде, какой предписан старинными уложениями и традициями. Вот еще баловство — созывать владетельных сеньоров со всей страны, ради устройства никому не нужной гонимой! Пока доедут, пока соберутся... Посему оное собрание ограничится обычным Большим Советом Короны, а уж мы сумеем убедить придворных и высших чиновников единодушно поддержать нового короля — недовольных придется мягко пугнуть обнаженными мечами гвардии, которая и будет охранять Совет.

Не только Тарантия застыла в ожидании событий. Его светлость Редрик, канцлер Аквилонии, начал подозревать неладное — число телохранителей канцлера увеличено вдвое, ночует он в своем загородном поместье, а не в замке короны. На днях Редрик предложил Нумедидесу не-

надолго покинуть столицу и перебраться в один из укрепленных замков в Шамарском герцогстве, обосновывая это тем, что объявленный Пуантемом Рокод пока не подавлен.

Кстати, о Рокоде. Как мы и задумывали, ловушка в которую мы заманили шамарскую гвардию захлопнулась, да настолько удачно, что никакие известия о разгроме конницы герцога Даргена в столицу не просочились — любых подозрительных всадников, подъезжавших к Тарантии с Заката Латерана перехватывала на подступах к городу, а я тем временем кормил двор сообщениями о том, что королевское войско стоит напротив лагеря мятежников и готовится к решающей битве.

Канцлер хмурился, кивал, но особой тревоги до поры не выказывал. Только позавчера Редрик неожиданно обеспокоился и тайно отправил к уже несуществующей армии своих личных гонцов, незамедлительно оказавшихся в сетях Латераны.

Почитав краткое послание Редрика герцогу Даргену я понял: канцлер нервничает и готов отозвать гвардию обратно — с мятежниками, даже если они подойдут к Тарантии, можно будет управиться силами готовых подойти с немедийской границы пеших легионов, а вот верные королю гвардейцы нужны в самой столице где, по выражению самого Редрика, «происходит нечто непонятное». В тот же день моим конфиденстам удалось захватить еще двух гонцов, выехавших в сторону рубежей Трона Дракона. Они везли яс-

ный приказ тяжелой пехоте: немедленно, скорым маршем направиться к столице.

Пришлось звать на помощь незаменимого мэтра Савердена, который быстро и добросовестно соорудил поддельное письмо «от герцога Шамарского» (на гербовом пергаменте и с почти настоящими печатями), каковое мы переправили во дворец. Канцлер немного успокоился, но в тот же день вечером случайно обмолвился в присутствии моего конфидента, что «не сможет спокойно заснуть, пока шамарская гвардия находится за пределами Тарантии». Караулы во дворце тоже усилили, но, к счастью, за счет Черных Драконов и боссонцев. Такие «предосторожности» Редрика нам только в радость.

До нашей победы (или провала) осталось меньше двух дней. Ночь на послезавтра решит все.

* * *

...Они приехали утром восьмого дня третьей луны весны. Как и было условлено, Кертис проводил месьоров заговорщиков в одно из принадлежащих Латеране поместий к Полудню от города — уединенная вилла затерялась в почти бесконечных фруктовых садах, покрытых бело-розовыми облаками цветов яблони и вишни. Ехать до ворот столицы отсюда недолго, около трех квадрансов, а до Латераны и того ближе. Получив сообщение о том, что гости прибыли, я приказал седлать своего коня и в сопровождении

неизменных ликторов отправился навестить героев битвы при Ортео.

Всего их было тридцать четыре человека. Чтобы не привлекать нежелательного внимания, пуантенцы тремя небольшими группами добирались до Тарантии; ехали обходными путями, через Дайан, Валонский лес и Голмайру, под вымышленными именами и с фальшивыми дорожными. Встретились только сегодня, на пересечении дорог, ведущих в полуденные и закатные провинции королевства.

Как и было приказано, вилла оберегалась двумя десятками моих «Беркутов», никто из посторонних не должен был узнать, кто посетил скромное поместье. Именно отсюда завтра вечером и начнется маленький поход на Тарантию.

— Все на месте? — спросил я десятника «Беркутов», спустившись с седла у входа в длинный одноэтажный дом, укрытый пышными зарослями плюща.

— Точно так, ваша милость. Господа изволят отдыхать с дороги.

— Нашли время на отдых, — я взбежал по ступенькам к двери и прямо на пороге столкнулся с графом Кертисом. Выглядел мой помощник устало и бледно, но искорки азарта в глазах графа сверкали более чем различимо. За его спиной переминался с ноги на ногу человек, присутствие которого сразу показалось мне совершенно неуместным — долговязый русоволосый мальчишка с перевязанной правой рукой,

одетый красное походное блио с вышитым потускневшим серебром геральдическим соколом, державшим в лапах арбалет. Наверняка какой-нибудь из оруженосцев или пажей Просперо. Я же предупреждал герцога — не брать с собой лишних людей!

— Счастливи видеть, господин барон, — Кертис отмахнул короткий поклон. — Надеюсь, в Тарангии все спокойно? Как бесценное здоровье Его величества?

— Его величество с нетерпением ожидает встречи с вами, — огрызнулся я. — Торжественный прием назначен, что прикажете подать к столу?

— «Либнум» и «Изумрудную лозу», — как ни в чем не бывало ответил Кертис. — Гленнор, представляю его милость барона Ортео, оказавшего незаменимую помощь в сражении неподалеку от его фамильного замка. Жаждет послужить королевству на поприще душевного согласия... Барон тоже в Рокоде к Нумедидесу, смею заметить.

— Позже, — проворчал я, отвечая мимолетным кивком на вежливый поклон месьора Ортео. — Где остальные?

— Его королевское высочество, наследник трона Конан Канах и герцог Просперо Пуантенский с друзьями опустошают винные подвалы поместья, — Кертис будто нарочно изводил меня глуповатыми подначками. — Идемте, ваша милость.

— Ваша милость... — передразнил я слишком

развеселившегося графа. — Когда это ты в последний раз был таким куртуазным, а?

— Пора привыкать, мы же вскоре станем королевскими фаворитами, — глумливо усмехнулся Кертис, вводя меня в большую овальную гостиную. — Прошу!

Так. Я едва не поперхнулся воздухом, узрев, во что была превращена приличная комната для приемов. Два с лишним десятка небритых, пропахших дорогой и потом месьоров топтали грязными сапогами туранские ковры, оружие свалили грудой на лаковых столиках, мебель для пущего удобства передвинули поближе к ровному гвардейскому строю кувшинов и бутылей, часть из которых уже была опустошена, здоровенное блюдо с горячим мясом стояло на полу, липкий соус брызгал опять же на ковер. Свиарник.

— Гленнор! — высокий смуглый красавчик, в котором я с трудом опознал Просперо из-за трехдневной щетины и взъерошенных волос, вскочил и торжественно поднял кубок и непридуманно воскликнул: — Да здравствует король!

Кто-то незнакомый сунул мне в руку оловянный стаканчик с вином. Оставаться в долгу я не собирався, а поэтому возгласил:

— Справедливо! Да здравствует король Нумедидес Эпимитрей! А если вы, господа, не отнесетесь к предстоящему делу со всей возможной серьезностью, наш славный государь будет царствовать еще очень долго. Что вы здесь устроили? Просперо, твой дядюшка остался бы очень недоволен!

— Кстати, а где дядя? — пропустив мои слова мимо ушей спросил Просперо. — Он должен бы отметить победу вместе с нами!

— Интересно, где ты видишь победу? — я отыскал свободное кресло и уселся, с неудовольствием оглядывая веселящихся пуантенцев. — О победе можно будет осторожно говорить послезавтра утром, а с полной уверенностью — примерно в середине лета, когда станет ясно, что мы крепко ухватились за скипетр Аквилонии. Или не ухватились...

— Барон, к чему такое уныние? — меня больно хлопнула по плечу чья-то тяжелая ладонь. Ага, вот и Конан Канах, собственной персоной. — Все нормально, правда ведь? С шамарцами покончено, наши гвардейцы подойдут к Тарантии через сутки и если будут открыты ворота, войдут в город. А с Нумедидесом как-нибудь управимся.

— Открыты ворота?.. — кивнув, переспросил я. — А досточтимому Конану Канах известно, что в охране Закатных ворот должны оказаться люди, которые выполнят наши приказы, что захват левобережной части города еще ничего не значит, ибо дворец находится на правом берегу, следовательно надо занять мосты через Хорот и тщательно их охранять от возможных поджигателей? Между прочим, могу я видеть уважаемого месьора Паллантида, которому и придется выполнить некоторые весьма важные задачи, возглавив готовые поддержать нас гвардейские отряды?

Успевшего изрядно набраться Паллантида подтолкнули ко мне.

— Вот указ о твоём назначении первым легатом гвардии короны, — я вытащил из сумочки на поясе свернутый в трубку пергамент. — Конан, подпиши прямо сейчас, внизу, под всеми титулами! А ты, Паллантид, спустя два колокола отправишься в Тарантию вместе с тремя капитанами Черных Драконов, которые вот-вот должны сюда подъехать. Завтра вечером начнешь командовать.

Невысокий Паллантид смущенно забрал свиток, но пергамент тотчас отобрал вездесущий Конан. Варвар без пиетета развернул, оценил золотой срез и ярко-красную печать короля (хранимую в Латеране абсолютно точную копию настоящей), прочитал и восхитился пышнейшим титулованием, занимавшем большую часть листа.

— И все это — я? — Конан озадаченно почесал подбородок. — Гленнор, между прочим, как подписывать? Киммерийскими рунами или аквилонскими буквами?

— Ты собираешься становиться королем Киммерии или Аквилонии? — Просперо легонько подтолкнул будущего монарха локтем в бок, а я в который раз подумал, не сделали ли мы трагической ошибки, выбрав именно Конана? Хотя, если вспомнить историю, то можно привести не одну дюжину примеров того, как на иных престолах сживали самые экзотические личности. Думаю, история вытерпит и киммерийца: этот

хоть писать умеет, в отличие от пра-прадеда Нумедидеса, Йогена Второго, который за всю жизнь не удосужился разучить ни единой буквы. И ничего, царствовал вполне успешно, две войны выиграл.

Конан незамедлительно потребовал перо и тщательно вывел свое имя под строкой, каллиграфически изображенной умелым писцом Латераны: «Конан I Аквилонский, из Канахов».

— С ума сойти, — тихо сказал он, возвращая пергамент молчаливому Паллантиду. — Подумать страшно. Вот теперь-то я и стал настоящим королем — подписал первый указ.

— Но далеко не последний, — сказал я. — Сегодня тебе привезут целую кипу бумаг, придется известить уйму чернил. С рассветом десятого дня этой луны они вступят в силу. Новые назначения, приказ по войску, аресты наших противников...

— Сколько смертных приговоров? — вдруг подался вперед Конан и нахмурился.

— Пока — двадцать девять. Ты возражаешь?

— Так мало? — киммериец, казалось, удивился. — Всего три десятка?

— Потом будет значительно больше, — бесстрастно сказал я. — Но, так или иначе, по сравнению с некоторыми предшественниками ты будешь казаться образцом милосердия. Мы уничтожаем только самых преданных слуг Нумедидеса и его фаворитов. Чтобы в будущем не возникало... неприятных сюрпризов. Троцери одобрил каждое решение.

— Если так, тогда понятно, — неопределенно протянул Конан.

Меня внезапно отвлек телохранитель, появившийся в дверях. Лицо обеспокоенное.

— Что такое? — напрягся я в предчувствии плохих новостей.

— Сообщение из Латераны, ваша милость. Привезли герцога Публио Форсеца.

— Отлично! — я встал, и обратился ко всем: — Месьоры, я откланиваюсь. Дела зовут. Сегодня, так и быть, отдыхайте. Во все детали вас посвятит граф Кертис. Но чтобы к завтрашнему дню все имели чистую голову и могли держать в руках оружие. Просперо, твой дядюшка подъедет к вечеру.

Шагая к выходу из дома, я подумал о том, что на сегодняшний день назначено еще целых семь важных встреч, в том числе и с Великим Жрецом храма Диска Возрожденного Солнца. Нам необходима поддержка жреческого сословия, имеющего огромное влияние на умы простецов.

— Куда? — коротко спросил меня ликтор, державший стремя, пока я садился в седло.

— В Латерану. Публио нам сейчас необходим даже больше, чем король.

* * *

— Это возмутительно! Меня отрывают от важных дел, засовывают в душную карету, не позволяя выйти из нее даже ночью и везут к де-

монам на рога, не объясняя причин столь отвратительного произвола! Чем меня кормили по дороге, даже упоминать не стану, это просто неприлично! Гленнор, ты меня слышишь?! Возмутитель-но! Доколе?..

Публио скандалил умело, величественно, вкладывая душу. Его светлость потрясал тростью, воздевал очи горе, призывал в свидетели богов и оплакивал свою несчастную судьбу. Я, давая Публио выговориться, слушал и вылавливал из его малоосмысленных речений рациональные зерна. Оказывается, Камбон в своем рвении и выпрямь перестарался — как только в Танасул прибыл мой гонец, со строжайшим приказом переправить Публио в Тарантию, старика мигом посадили в повозку, не позволив даже переодеться и собрать необходимые вещи, а потом безостановочно гнали лошадей вплоть до самой столицы.

— ...Я не желаю участвовать в ваших сомнительных авантюрах! — воодушевленно голосил пожилой герцог, не давая вставить мне и словечка. — Я всегда был и остаюсь добрым аквилонским подданным, которого злобно оклеветали враги и недоброжелатели! Однажды я уже имел несчастье близко познакомиться с вашим так называемым департаментом по охранению один Сет знает чего! С меня довольно! Я буду жаловаться королю!

Причина воплей Публио была мне понятна и ясна: в кои-то веки можно безнаказанно и в свое удовольствие поорать на главу Латераны, друго-

го случая может и не подвернуться! Вот он и пользуется редкой возможностью, отлично понимая, что нужен не я ему, а он мне.

Ладно, потерпим, пускай кричит. От пустых сотрясений воздуха еще никто никогда не умирал.

Раскрасневшийся Публио сделал передышку и принялся вытирать лоб засаленной тряпкой, которая некогда была шелковым кружевным платочком. Надо скорее перехватывать инициативу в свои руки!

— Вот указ о твоем полном помиловании и оправдании перед Высоким Судом Короны, — я выложил перед Публио первый пергамент. — Это — указ о назначении канцлером королевства. А в соответствии с этим рескриптом тебе возвращаются все ранее проскрибированные угодья и замки. Теперь последний указ. Распоряжение о твоей казни, как главаря шайки аферистов много лет подряд обчищавших сундуки налоговой управы Танасульского герцогства. Выберешь первые три, или тебе больше нравится четвертый?

— Наверное, это первый случай во всей истории Хайбории, когда человека под угрозой эшафота заставляют принять второй после короля титул страны, — сварливо проворчал Публио. — И это при живом канцлере! Я хорошо знаю Редрика, такие как он никогда не выпустят власть из рук добровольно. Значит, вы его убьете... Что характерно, его кровь будет и на мне. То есть, когда ваш мятеж будет подавлен, я пойду на

плаху вслед за тобой, Гленнор. Знаешь, почему я готов согласиться? Хочется посмотреть, как ты будешь дергаться в петле.

— Для начала скажу, что твоя судьба в твоих же руках, — рассмеялся я. — Когда мы дадим Высоким сословиям твердое знание того, королевская казна не станет отбирать все до последнего медяка, нас поддержат. После Нумедидеса и его дружков, которые вволю попаслись на аквилонских золотых хлебах, сделать это будет трудно, но ведь мы справимся?

— Можно попытаться, — пожал плечами старый прохвост. — Надо полагать, герцога Шамарского, Редрика и остальных сразу же объявят злодеями короны? В таком случае их состояния не должны отойти к родственникам. Отобрать все, что получится! Земли и поместья распродать, причем не обязательно подданным Аквилонии — офирцы, например, дадут гораздо больше... Прошерстить сокровищницы замков, там обязательно отыщутся древние вещицы, которые охотно купят интересующиеся. Библиотеки, опять же — старинные рукописи, особенно посвященные магии, ценятся очень высоко, а я слышал, будто в коллекции Редрика есть даже кхарийские гримуары. Да любой уважающий себя маг их с руками оторвет, и еще приплатит за одну только возможность поглядеть на остальные манускрипты! Потом: на часть вырученных денег купим в Офире несколько участков в горах, где находятся золотые копи. Знаю, знаю, офирцы не продают золотоносные рудники чу-

жеземцам, но мы запишем купчие на подставных лиц, в Ианте никто и ухом не поведет!.. Зато какая прибыль без лишних затрат! Работать будут каторжники, чтобы не платить жалование наемным рудокопам. Придется потратиться на охрану, с налогами я сам разберусь, ничего сложного...

Публио настолько увлекся, разговаривая более сам с собой, чем со мной, что я понял: старик оказался в своей любимой стихии. Его призвание — создавать деньги из пустоты, из ничего, превращать навоз в золото путем самых головокружительных махинаций. Публио запросто может продать стигийцам их же собственные пирамиды Птейона, доказав с помощью убедительных бумаг, что последний император Кхарии подарил их святому Эпимитриусу и вот уже тысячу триста лет эти усыпальницы суть законная собственность аквилонских королей! А продав, он еще потребует уплаты неустойки, ибо Стигия бесстыдно пользовалась нашими пирамидами целых тринадцать столетий без дозволения тарантийского казначейства и не уплачивая пошлин...

— Сейчас тебя проводят в покои на первом этаже, и принесут необходимые бумаги — донесения от налоговой и казначейской управ за последний год, — сказал я Публио, который продолжал что-то вполголоса бормотать, подсчитывая, складывая и вычитая. — Словом, разберешься. Толковые помощники у тебя будут. Желаю успехов... мой канцлер.

— Ах, да! — Публио, уже стоя на пороге, оглянулся. — Мне так и не сказали! Король-то кто?

— Ты его не знаешь. Достойный человек.

— Ну и ладно, — отмахнулся Публио и слуга закрыл за ним дверь.

Когда я, собираясь уезжать в город, прошелся мимо комнат отведенных будущему канцлеру, там уже раскатисто громыхал его басок — Публио вовсю гонял своих новых подмастерьев, выясняя, куда подевали отчет по налогам с чужеземных купцов за 1287 год.

* * *

Из всех лиц прошедших передо мною в тот день больше всего запомнилась морщинистая, похожая на темно-коричневое печеное яблоко в обрамлении серебряной бороды, физиономия святейшего настоятеля Хродомера, Великого Жреца и властителя дум, бывшего митрианского первосвященника Аквилонии. Почему бывшего? Верховное жречество отобрал для себя Нумедидес, чем несколько лет назад немало обидел священнослужителей. На этой обиде я и собирался поиграть.

В храм Возрожденного Диска пришлось приехать инкогнито, в одежде скромного горожанина и с измененной внешностью — кое-кто мог заинтересоваться, отчего вдруг барон Гленнор решил посетить уважаемого в народе жреца, зачем он понадобился Латеране? Пустили меня к настоя-

телю только когда Хродомеру был передан незаменимый гербовый перстень.

Ума не приложу, почему все жрецы, даже сухонькие тощие старикашки, выглядят настолько значимо, так царственно, как не получится у любого короля? Хродомер меньше меня ростом на полторы ладони, а кажется выше на целую голову, глядит сверху вниз с эдакой снисходительностью взрослого, которому надоедает маленький ребенок. Белая с золотом хламида, на груди изображение Диска Митры, художавая длань утверждена на огромной книге в черном переплете. Величие, как оно есть!

— С чем ты пришел в дом света, не ведающий теней, дитя мое? — скрипнул старец, когда я отбил церемониальный поклон до земли. — Барон, ты ведь знаешь, что истинных служителей Митры мало интересуют мирские дела, наша цель состоит в совершенствовании человеческих душ, но отнюдь не в интригах за власть и золото...

Он бы и дальше нес эту немыслимую лицемерную чепуху, но я пришел сюда не для того, чтобы выслушивать проповеди о благочинии и богопочитании. Боги — это одно, а жрецы — совсем другое, в том я давным-давно убедился. Аквилонские (да и любые другие) митрианские храмы и обители сосредоточили в своих кладовых огромные богатства, вполне сопоставимые с сокровищницами иных королей Заката, а мне тут рассказывают о каком-то совершенствовании души... Вот кстати, надо будет подать Публио

мысль о том, что можно было бы слегка потрясти жреческие кошельки — уверен, Публио ухватится за эту идею всеми четырьмя конечностями и (если позволить ему увлечься), через год пустит наших святых братьев по миру!

До власти жречество тоже проявляет неприличествующую смиренным отшельникам жадность, и не прищепи им хвост Сигиберт Великий, запретивший храмам и монастырям скупать земли королевства в свою пользу, Аквилония наверняка оказалась бы в полном подчинении у святош. Я верю в богов и твердо знаю, что они существуют, но к слугам незримых сил я всегда относился с опаской. Однако, невежественный плебс верит жрецам и жертвует храмам последние медяки, которые за столетия превращаются в груды золота... Да, я обязательно посоветую Публио пристальнее приглядеться к сокровищницам митрианской братии, это решено!

Сейчас нам необходимо одобрение простецов, а никто не имеет на народ столь серьезного влияния, как Хродомер и его многочисленные приспешники в белоснежных одеждах. Будем Хродомера покупать. Задорого покупать.

Старый жрец продолжал разглагольствовать о мирском и духовном, но я, выбрав, каким тоном буду с ним разговаривать, жестко перебил:

— Хродомер, теперь выскажусь я, — надо сразу дать понять, кто здесь настоящая власть и чья очередь кидать кости на стол! — Аквилон-

ское королевство в моем лице, как главы одного из важнейших коллегиумов, хочет предложить тебе сделку.

Старец, услышав столь оскорбительное для его слуха слово — «сделка» — лишь благочестиво поднял глаза к потолку.

Я спокойно, в чем-то даже безразлично, продолжал:

— Через несколько дней правящий государь откажется от титула Верховного Жреца Аквилонии и возвратит это звание со всеми его привилегиями тебе. Король отменит обязательную десятину с храмовых сборов, поступающую в казну (я с мимолетным злорадством представил себе пухлые щеки герцога Публио...) и дарует обителям прежние вольности — вы сможете покупать выморочные коронные земли и получать их по наследству от бездетных дворян, желающих пожертвовать лены храмам.

Сказать, что Хродомер на несколько мгновений онемел, значит ничего не сказать! Старичка едва удар не хватил! Какая выгода, ничего подобного не видано триста лет как, со времен Сигиберта! Но Хродомер сдержал эмоции и с невозможной невозмутимостью (получалось плохо) проговорил:

— Щедр государь Нумедидес. Солнцезарный Митра примет сей подарок, а мы недостойные слуги божественного, будем вечно молить Возрождающееся Солнце о долгих и благополучных летах нашего короля!.. Гленнор, если зашел столь важный разговор... Я знаю, что подобные мило-

сти просто так не оказываются. Нумедидес ведь потребует что-то в обмен?

Благочестивые словеса позабыты, теперь Хродомер заговорил с купеческими интонациями в голосе. При чем он мне верит. Знает, что начальник Латераны никогда не бросает слов на ветер и не станет без поручения высших разбрасываться такими серьезными обещаниями. Приятно знать, что твое ведомство пользуется настолько большим авторитетом, но еще приятнее этот авторитет употреблять как оружие, против которого нет защиты!

— О Нумедидесе речь не идет, — прохладно ответил я. — Король очень болен. Его величество может не сегодня, так завтра уйти за Грань нашего мира.

— Вот как? — прищурился Хродомер. — Я видел государя на прошлой седмице, он не выглядел хворающим. Но тебе лучше знать. Хорошо... Я сегодня сам принесу жертву Солнцеликому, попытаюсь вымолить у него поспешествование скорейшему выздоровлению короля. Однако, если Божественный нас не услышит, я вознесу моления о здравии наследника...

— Рад, что мы пришли к согласию, — я снова поклонился. — Уверяю тебя, наследник сдержит слово. Прошу тебя не покидать храм еще сутки, за тобой пришлют из замка короны. Пускай никто из твоих слуг тоже не уходит. Если что-нибудь потребуется — спроси людей, стоящих у входа. Вам тотчас принесут необходимое, продукты, вино...

Хродомер остался неподвижен. Он все понял.

Не прощаясь я развернулся и вышел из богато украшенного заалтарного покоя. На улице мне сразу бросились в глаза знакомые физиономии лучших тарантийских конфидентов Латераны, которым было приказано строго «оберегать» главный храм столицы и драгоценную жизнь его настоятеля. Буде Хродомер решится донести, его посланец тихо исчезнет по дороге — мои головорезы церемониться с монахами не станут, гнева богов не побоятся. Они вообще не боятся никаких богов, кроме скромной и незаметной богини по имени Латерана.

* * *

9 день Третьей весенней луны 1288 г.

Приятно чувствовать себя повелителем такой огромной страны, как Аквилония.

Снаружи темнеет, лавки торговцев и увеселительные заведения закрываются даже раньше положенного срока, захлопываются ставни. Отлично понимаю горожан — будь ты простецом хоть в семьдесят седьмом колене, но не понимать того, что именно этой ночью случится нечто важное и очень нехорошее, ты не можешь. Тем более, *Нечто* уже начало происходить — только что мне сообщили о том, что конница Гайарда без всякого сопротивления со стороны стражи или гвардии короны заняла левобережную часть Тарантии и два главных моста через

Хорот — Замковый и мост Тысячи Львов, известный своим архитектурным безобразием.

Все донесения стекаются теперь уже не на мою загородную виллу, а в скромный домик некоего месьора Альтинэ, торговца сладостями и сдобным хлебом — это еще одно тайное убежище Латераны, предназначенное как раз для случаев, когда секретная служба короны проводит крупную акцию в самой Тарантии.

Домик необычный: несколько секретных выходов в тарантийские катакомбы, подземные ходы могут вывести в практически любую часть столицы, внутри устроена хитрая система оповещения — полые медные трубы, через которые можно переговариваться с любыми помещениями. Заодно присутствуют несколько ловушек для неожиданных гостей, а гласная и негласная охрана наблюдает за каждым уголком.

Кроме того, дом месьора Альтинэ стоит как раз на полпути от Замкового моста до королевской резиденции. Очень удобно следить за всем происходящим в округе.

Управлением событиями наступающей ночи взяли на себя я сам, Великий герцог Троцери, мэтр Саверден, отвечавший за все бумажные дела и десяток самых высокопоставленных и преданных конфидентов Латераны — каждый занимался своим делом, приняв командование над захватом важнейших коллегиумов и государственных управ.

По моему распоряжению отряд «Черный беркут», полностью подчинявшийся тайной службе,

был разделен на четыре части. Полусотню отлично обученных головорезов переодели в форму гвардейских Черных драконов. Они, под руководством молодого Просперо, Конана и Паллантида будут действовать в замке короны.

Главная задача — устранить личных телохранителей Нумедидеса и господ из «Скрытой Башни», каковые будут защищать короля до последнего. Еще три полусотни «Беркутов», в одеждах городской стражи приглядят за порядком в центральной части города до появления главных сил пуантенской гвардии, пока остающихся за рекой — мы не хотели преждевременно поднимать большой шум.

А паника все же постепенно нарастала. Днем, со стороны Заката, к столице подошли конные тысячи, возглавляемые двоюродным братом Просперо, графом Люксэ. Разумеется, мы соблюдали маскировку, конница шла под знаменами герцогства Шамарского и в соответствующих желто-черных одеяниях. Мне сообщили, что при дворе большинство приспешников Нумедидеса и сам король несколько оторопели, узнав, что преданные монарху гвардейцы появились у стен Тарантии настолько внезапно, без предупреждения. А уж когда стало ясно, что шамарская гвардия не собирается входить в город триумфальным маршем при трубах и барабанах, но лишь стремительно занимает заречную часть города и перекрывает мосты, ведущие на правый берег и захватывает речную гавань, недоумению короля и канцлера не было предела. Это даже при том,

что я и мэтр Саверден отправили в замок утешительное письмо якобы от Великого герцога Даргена — триумф, мол, отложим, сейчас гвардии следует защитить Тарантию от возможного проникновения разрозненных отрядов мятежников. Ясно, что послание никого не убедило и канцлер Редрик приказал утроить караулы в замке. Он просто не понимал, что происходит! Почему вдруг вернейшие шамарские гвардейцы и сам герцог Дарген проявляют столь невообразимое своеволие? Какие еще «отряды мятежников» и откуда они взялись на наши головы?

Тем временем на правом берегу уже полностью установилась наша власть. Лодки и любые другие речные суда не выпускались из гавани, в тех, кто пытался переправиться и сообщить, что восходная часть города объята восстанием, стреляли из арбалетов заворачивая ладьи обратно. Гвардейцы и наемники графа Люксэ заняли все оружейные склады, кордегардии и контролировали все семь городских ворот правобережной части столицы, через которые в Тарантию (это уже случилось ближе к вечеру) начали входить отряды пеших наемников Конана.

Половина рассеченной надвое Хоротом Тарантии оказалась в наших руках практически без жертв.

С наступлением полуночи мы откроем мосты через реку и при поддержке квартирующих в левобережной части Тарантии полков Черных Драконов (где уже находится Паллантид вместе со своими верными соратниками) да Боссонских

арбалетчиков, полностью захватим город. Останется самое важное — королевский замок, который при желании можно быстро превратить в почти неприступную крепость. Замок — это наш символ, не взяв дворец, мы будем держать в руках все, кроме трона и короны. И в то же время нельзя допустить боини в городе, на глазах у подданных...

Ничего, и с замком разберемся. Все подготовлено. Прежде всего, под ударом Латераны должны оказаться люди, чьи имена прописаны в пергаменте, который подписал Конан — двадцать девять самых запятнавших себя деятелей, крови которых незамедлительно потребуют благодарные подданные.

Кертису, который будет вместе с Конаном, Проспiero и «беркутами» охотиться на Нумедидеса я передал несколько склянок с самыми быстродействующими ядами и чин по чину составленный пергамент с текстом отречения. Нумедидес слабоволен, боится боли, уверен, что он выберет мгновенную гибель от яда, чем нелегкую смерть через отсечение головы. А мы объявим, что король, подписав отречение «скончался от огорчения» или выдумаем нечто подобное. Я не желаю, чтобы кровь предыдущего монарха оказалась на руках людей, которые будут теперь править страной. Пускай этот грех примет на себя Латерана, нам не привыкать.

Приходится разрешать сотни вопросов, начиная от самых важных (охрана и строгий надзор за управой дознания городской стражи — оттуда

не должно исчезнуть ни единого пергамента!), до украшения города на завтрашнее утро — превратим трагедию угасания тысячелетней династии в праздник для народа, коему важны не имя и происхождение нового короля, а пресловутые «вольности» и «милости»! Тарантия завтра должна выглядеть торжественно, величественно, словно у нас Большое Коронное торжество. Думаю, так и будет — знамена и штандарты, войска шпалерами, король впервые появится на главной площади поприветствовать возлюбленных подданных, примет благословения от жрецов... Надеюсь, Хродомер не подведет. А вздумает противодействовать — будет у нас новый Верховный Жрец, помоложе и покладистее.

Но прежде всего мы обязаны не допустить даже намек на беспорядки в городе. Пуантенцам и наемникам Конана строжайше указано пресекать любые грабежи, проявления недовольства или просто кабацкие драки. Порядок, порядок, тысячу раз порядок! Народ любит строгость и быстро поймет — если порядок на улицах, значит и в стране порядок будет.

— ...Барон, с левого берега доносят: в Обители Мудрости бунт, — в кабинет ворвался явившийся от графа Люксэ вестовой. — Граф ждет указаний!

— Только этого нам не хватало, — Троцери, сидевший за обложенным бумагами столом напротив меня, едва не сплюнул. — Обитель Мудрости! Эти шалопаи поднимут на ноги весь город! В чем дело?

— Возмущены занятием «свободной части города» войском!

Я понял, о чем говорил гонец. Обитель Мудрости, лучшее учебное заведение Заката, несколько тысяч сорвиголов, вечная трудность тайной службы — по юности, ретивости и недомыслию они готовы возмутиться всем, чем угодно, от повышения налогов, до ареста одного из слушателей за пьянство. А сама Обитель, город в городе, состоящая из десятков корпусов обнесенных чисто символической стеной, спокон веку была неприкосновенна — никто, даже городская стража, не может войти на земли Обители. А граф Люксэ, который мало знаком с традициями Тарантии, отправил туда часть войска! Непростительная ошибка!

Это может пахнуть бунтом не только против Нумедидеса, но и против нас. Скверно. Впрочем, и на такой случай мы предусмотрели противодействие.

— Немедленно возвращайся к графу, — рявкнул я на вестового. — От моего имени передать следующее: у всех студенческих гильдий есть предводители. Пускай его светлость встретится с ними и объявит, что мы подняли Рокод против Нумедидеса и его присных. Кто желает — пусть присоединяются. Там учится множество дворянских отпрысков, оружие держать умеют. Пусть разобьются на десятки, каждый десяток идет в распоряжение сотника гвардии Гайарда. И последнее. Стемнело, скрытность уже не требуется. Всем переодеться в синюю форму Гайарда, под-

нять знамена с Пуантенскими леопардами. Переходить через Хорот, как и условлено, в полночь, по сигналу!

Вестовой галопом побежал к лестнице, а в дверях замаячил мой секретарь — месьор Алфер, с пачкой пергаментов в руке.

— Возле казарм табронийского полка начался бой, предложение о сдаче отвергнуто, — скороговоркой сообщил Алфер. — Казармы полностью окружены нашими наемниками, в здании начался пожар... Но, как доносят, пикинеры полка пытаются прорваться к мостам и замку короны.

— Это где? — я уставился на большой план Тарантии, занимавший половину стола. — Полуденные кварталы города? Рано, рано... Табронийцы подчиняются королю, сопротивление может быть ожесточенным. И пожар еще... Троцери, сколько до полуночи?

— Три квадранса, — ответил герцог, взглянув на клепсидру. — Может...

— Именно. Начнем немного пораньше. Алферс, беги на крышу, пускай подадут сигналы!

— Теперь без шума не обойдемся, — вздохнул Троцери.

— Лучше малый шум, чем большой. Будет стократ хуже, если табронийская тысяча пикинеров прорвется к центру Тарантии! Подождите, я скоро!

Я помчался вслед за Алфером, ринувшемся к двери на чердак. Дом трехэтажный, с высокой башенкой. На крыше нас с нетерпением ждали люди с бамбуковыми трубками наготове. Внутри

купленных в Кхитае трубок находится разноцветная огненная смесь, выбрасывающая высоко в воздух яркие синие, красные и зеленые звезды. Наблюдатели на противоположном берегу обязаны увидеть наш сигнал к атаке.

С высоты город, озаренный лунным светом, просматривается неплохо — скопище острых и плоских крыш, редкие огоньки в окнах незапертых ставнями. За спиной и чуточку левее — черный куб замка короля, неживой и безгласный, словно огромная гробница. Впереди — серебряно-синяя лента Хорота, за которой стоят наши гвардейцы. Возле зданий Обителя Мудрости заметно мельтешение факелов, значит молодежь вовсю буйствует и веселится... Надеюсь, граф Люксэ направит их энергию в нужное русло. Полуденнее, за дворцом короля разгорается багровое зарево — пожар возле казарм Таброния. Главное, чтобы огонь не перекинулся на другие кварталы.

— Прикажете сигнал давать, ваша милость? — обратился ко мне один из сервентов Латераны, оберегавших драгоценные трубки с горючей смесью.

— Именно. Три синих звезды, две красных, одна белая.

— Сей момент! Посторонитесь, ваша милость!

Человек с нашивками гвардейского сервента на колоте установил толстую трубку на треногу, сказал отойти подальше и поджег масляной лампой фитили.

Фф-фух! Режущие глаза комья искрящегося

огня взлетели на высоту двадцати саженей, на некоторое время зависли над городом, и начали падать, угасая. Три синих звездочки — прямой приказ пуантенской коннице перейти мосты через реку и занять прилегающие к замку кварталы, уничтожая всех, кто будет сопротивляться. Две красных означают возникшие трудности в полуденной части столицы, туда тоже придется направить военных. Белая говорит о том, что у нас все в полном порядке и Латерана по-прежнему держит поводья в руках.

Нас увидели. Далеко, в полулиге, над берегом возделись пять синих огненных точек — приказ ясен, донесен до сведения командира и начинает немедленно выполняться.

Замечу, что идею использовать кхитайские фейерверки (которыми обычно развлекаются богатые дворяне на праздниках) как систему сигналов, подал Конан Канах, видевший нечто подобное в армии Турана много лет назад. Весьма разумно — куда быстрее любого гонца!

Я постоял на крыше еще не менее квадранса. Видел, как через два ближайших моста в сторону главных кварталов города пошла рысью конная лава. На знаменах мелькали три почти неразличимых полосы — шитые серебром леопарды Пуантена.

Замок короля безмолвствовал, но я примерно предполагал, что именно там происходит. Ворота уже втихомолку заняты Черными Драконами Паллантида, тем более, что подчиненные легата следили за нашими сигналами. Ко-

гда подойдут основные силы графа Люксэ, их впустят в хозяйственные дворы и пуантенцы вместе с Драконами займут главные здания замкового комплекса — огромнейшего и очень запутанного здания.

Остальное сделают Конан, Просперо и граф Кертис вкупе с «Беркутами», великолепно обученными захватывать здания, в которых засел обороняющийся противник. И никому нельзя не дать уйти! Особенно канцлеру, который еще сегодня вечером предпочел уехать в свое поместье — будто знал, что ему грозит нешуточная опасность! Впрочем, и за Редриком послан один из наших отрядов со строжайшим приказом — непременно доставить канцлера в Тарантию живым...

— Барон Гленнор, вас срочно требуют внизу! — едва не сбиваясь на крик, ко мне подбежал сервент из числа охранников.

В моем возрасте прыгать через две-три ступеньки уже трудновато, но ради такого дела можно и позабыть о прожитых годах — все-таки творим историю!

У входа в дом меня дождалась большая группа всадников — кто в черном с серебром («Беркуты», переодетые в гвардейскую форму), кто в темно-синем — личное войско герцогов Пуантена.

— Начинаем, как я понял? — выкрикнул облаченный в колет «Черных Драконов» граф Кертис. Они дожидались своего часа в доме по соседству. — Конница пошла, по сообщениям на-

емники уже захватывают городские ворота на нашем берегу!

— Начинайте, — кивнул я. — Ну, пускай нам Митра поможет! Кажется, пока все идет по плану.

Отряд с места взял галоп и исчез в темной улице справа — скоро они выйдут на Королевскую, потом на улицу Сигиберта, пройдут мимо памятника Великому королю и очутятся возле боковых ворот замка, которые откроет Паллан-тид со своими Драконами. В составе отряда я углядел не только Конана, взбудораженного Пропсpero и прочих знакомцев, но и молодого барона Ортео — постреленыш отказался покидать Кер-тиса и Конана и напросился на самое горяченькое дело — захотел сам увидеть Нумедидеса. Демон его забори, но как раз из таких романтически настроенных мальчишек обычно толк и выходит! Лишь бы не погиб в самом первом бою!

Город резко изменялся — это было и видно, и слышно. Грохотала по мощеным улицам кавалерия, совсем неподалеку от нас начался бой, со всей сопровождающей сражение какофонией — крики, звон железа, ругань. Наши брали кордегардию стражи квартала и встретили отпор. В домах загорались огни, но открывшиеся на мгновение ставни тотчас захлопывались — обыватель труслив, за вилы и топоры не возьмется до времени, пока не начнут грабить его самого. Оно и к лучшему, до рассвета простецам на улицах лучше не появляться, погибнут ни за что.

Итак, мы сделали самый последний ход в

Большой Игре. Утро покажет, кто теперь в Аквилонии король, а кто лишился престола.

В одном я уверен — Тарантия наша. Последнее сопротивление мы подавим к рассвету.

Да, Тарантия. Но пока не замок короны.

Нумедидес еще жив, а значит может преподнести несколько неприятных сюрпризов. Митра милостивый, мы же готовили переворот почти шестьдесят дней, предусмотрели все, что только можно было предусмотреть, идеально захватили столицу, уничтожили самые боеспособные боевые части врага загодя...

Убежден, Конан Канах станет королем Аквилонии символично — с восходом солнца. Мы сейчас находимся на тончайшей грани, на лезвии кинжала. И мы сознаем свою силу.

На донжоне замка звонари начали отбивать полночь. Гул огромного колокола разносился в радиусе нескольких лиг, до самых отдаленных предместий Тарантии.

Что же происходит во дворце?..

Глава третья

Граф Эган Кертис

«Да здравствует король!»

Не заняли мы пока лишь закатную часть замка, — отчитывался перед нами взмокший Паллантид, на плечи коего и была возложена наиболее ответственная часть общего замысла — взять под свое управление дворец. — Сопротивлялись только ликторы его светлости Редрика, оберегавшие канцелярию, пытались поджечь здание. Но мы их оттуда выбили...

Паллантид красноречиво покосился на неопрятную кучу неподвижных тел, кое-как сложенных у дальней стены хозяйственного двора.

— А ведь хотели обойтись малой кровью... — хмуро протянул Просперо, поигрывая обнаженным кинжалом. — Какие потери на этот момент?

— С нашей стороны — двенадцать убитыми, три дюжины ранены. У противника почти в два

раза больше. Сопротивляются только ликторы канцлера, телохранители короля и гвардейские офицеры из Шамара. Сейчас они все отошли к жилым покоям замка, мои сотники меняют караулы. — Паллантид неприязненно покосился на меня и проворчал: — Граф, может быть Латерана не станет так навязчиво вертеться под ногами военных, пока мы делаем свое дело? Неужто даже в такую ночь вы не можете обойтись без своих выкрутасов?

— Увы, друг мой, не можем, — я развел руками, отлично понимая причину недовольства Паллантида. — Ты ведь не желаешь внезапно получить кинжал в спину?

...Едва большая часть дворца перешла в руки мятежников, к Полуденным воротам королевской резиденции подкатили несколько повозок со служащими нашего непримечательного ведомства, облаченными по всей форме в голубоватые колеты, вышитые листочками чертополоха. Они и должны были провести первые аресты тех, кого барон Гленнор счел неблагонадежными (а то и просто опасными) и затем доставить оных личностей в казематы поместья господина барона, а затем и в Железную башню (когда главная тюрьма Тарантии окажется в наших руках).

Сейчас вооруженные шайки служащих Латераны по пять-шесть человек рыскали по освобожденной части дворца, отыскивая тех, кому не повезло оказаться в списках Гленнора. Больше всего нас интересовали люди из пресловутой

«Скрытой башни» и самые приближенные к королю десятники и сотники охраны.

— Идем в кордегардию Черных драконов, объясню диспозицию, — Паллантид указал на одну из лестниц, по которой то и дело пробегали гвардейцы перешедших на нашу сторону полков. — К четвертому полуночному колоколу все должно быть закончено, а мы копаемся, как курицы в навозе...

Никогда не видел дворец таким. Все этажи, переходы, коридоры и комнаты полуденного крыла буквально кишели людьми в военной одежде. Грохочут сапоги, звякают сверкающе гвардейские кольчуги и стучат ножны мечей, усиленная стража Боссонских арбалетчиков и Черных драконов возле каждой двери, заметны багровые колеты Алых кирасир, тоже поддерживавших возмущившиеся полки...

В кордегардии душно и жарко — сюда набилось почти два десятка офицеров, подчинявшихся лично Паллантиду, тут же находились трое обезоруженных тысячников из самых высших гвардейских чинов — эти месьоры пытались воспрепятствовать открытию ворот замка, а потом даже кинулись с мечами на пуантенцев. Ничего, ребята из Латераны быстро охладят их верно-подданнический пыл.

— Вот подробнейший план дворца, — Паллантид расстелил на столешнице обширный пергамент, склеенный из десятка листов поменьше. Углы придавил оловянными кружками в которых плескалась некая жидкая субстанция по за-

паху и вкусу чрезвычайно похожая на белое вино. Драконы или заранее празднуют победу, или подбадривают себя перед решающим ударом. — Просперо, Конан, подойдите... Мы упирали на неожиданность, и частично этот план сработал. Но Закатную часть замка оберегает личная гвардия короля, они забаррикадировались, завалили все двери, у отдушин поставили арбалетчиков и лучников. Так просто этот орешек не расколешь. Возни будет много.

— А Нумедидес не сможет тайно покинуть дворец? — насторожился Конан. — Не сомневаюсь, у него обязательно должен быть какой-то план именно на случай внезапного мятежа. Подземный ход, лодка на Хороте, видите — стена поднимается прямоком над берегом...

Если смотреть на королевский замок сверху, то станет понятно, что он выглядит как большой, вытянутый с Полуночи на Полдень прямоугольник. Фасад дворца смотрит на Восход, главные ворота находятся на площади Сигиберта Великого, которая полностью занята гвардией Гайарда, равно как и городские кварталы полуночнее. Со стороны Полудня начинается обширнейший дворцовый парк, однако за ним тоже внимательно наблюдают. Опасность можно поджидать только со стороны Заката — стена дворца вырастает над волнами Хорота, к воде есть несколько спусков, куда может причалить лодка.

— Барон Альего! — Паллантид подозвал одного из своих сотников. — Бери полусотню Драконов, захватите в речной гавани любую военную

галеру с катапультой и охраняйте замок со стороны реки. Никто не должен ускользнуть! Палить по любой лодке, которая приблизится ко дворцу, а тем более по ладьям, которые будут от него отходить!

Барон моментально исчез, а мы снова склонились над запутанным планом.

— Ничего не понимаю в архитектуре, — ворчал Конан, рассматривая немыслимое переплетение линий, штрихов и значков, усеивавших пергамент. — Одно ясно: ударить в лоб мы не сумеем, только людей зря положим. И все равно, черепашу придется выковыривать из скорлупы. У кого есть достойные соображения?

— В Закатное крыло замка можно попасть не только через главную галерею и парадную лестницу, которые отлично простреливаются из арбалетов, — сказал я. — Личные апартаменты Нумедидеса находятся на втором этаже, левее большого тронного зала... Может, попробовать пройти через крышу на третий этаж? Там у нас библиотека, никакой охраны. Пока Черные драконы предпримут попытку штурма со стороны внутреннего двора отвлекая королевских ликторов, мы пройдем внутрь через библиотеку, а дальше — как получится.

— Перережут, как дыплат, — отверг мое предложение Паллантид. — В королевских покоях не меньше двух сотен отлично вооруженных телохранителей. И за Нумедидеса они порвут вас на множество разноцветных тряпчочек, терять им нечего!

— С нами пойдут «Беркуты», — парировал я. — Волки Латераны сами кого хочешь порвут на лоскутки. Две сотни ликторов против пятидесяти наших отпетых разбойников — перевес на нашей стороне.

Паллантид скривился с таким видом, будто бы прокисшего вина выпил, но возражать не стал — боевой отряд Латераны действительно славился прекрасной выучкой и поражений доселе не знал. Если уж «Беркуты» много лет назад ухитрились сбросить с трона аргосского короля, то про Нумедидеса и говорить смешно! Так что спорить нет смысла.

— Ты из Латераны — ты своими оболтусами и командуй, — ответил наконец Паллантид. — Просперо, останешься с нами? Еще дел невпроворот!

— Ничего подобного, — замахал руками пуантенский принц. — Я обязан быть там, хочу все своими глазами видеть.

— Про меня не забудьте, — баском сказал Конан. — Пойду искать знаменитую пятизубую корону, заодно проверю, удобно ли сидеть на вашем троне.

— Не на нашем, а на твоём, — фыркнул я и выскочил в галерею, где нас дожидались одетые в черно-серебряные гвардейские мундиры «Беркуты». Барон Ортео тихом выскользнул вслед за мной — боялся, что ему запретят идти на столь опасное дело. Я бы и запретил, но тогда барон счел бы меня своим личным врагом и сразу вызвал на поединок. Ничего, будет находить-

ся за спинами отборных хищников Латераны и прикрывать тыл.

— Разбиться на десятки, — приказал я отряду и начал рассказывать диспозицию. По приказу Паллантида двое гвардейцев приволокли какого-то замкового служку, насмерть перепуганного дрожащего старичка, оказавшегося «младшим мастером трапезных церемоний», сиречь лакеем, прислуживающим за столом.

— Я маленький человек, достойные месьоры, — всхлипывал старичок. — Я ничего не знаю, я и короля-то видываю всего два раза в год... Я ни в чем не виноват, я просто служу в замке, при трапезной...

— Я знаю, любезнейший, ты не виноват, — с ласковостью очковой кобры сказал я, глядя на уstraшенного столь неожиданными событиями дедулю. — Ты хорошо знаешь замок?

— Тридцать четыре года служил, ваша милость...

— Мне и моим друзьям надо попасть на крышу, ближе к закатному крылу дворца. С чердаков есть выходы на крышу?

— Конечно. Рабочие чистят скульптуры на фасаде, меняют черепицу...

— Проводишь?

— Как прикажете, ваша милость!

— Паллантид, начинайте штурм, когда на донжоне начнут бить второй полуночный колокол, мы попытаемся прорваться к парадной лестнице и очистить вам дорогу...

Когда наш отряд поднялся на двускатную

крышу замка я ненадолго остановился и осмотрел Тарантию с высоты самого крупного городского здания. На первый взгляд, в городе относительно тихо. Над барбикенами всех городских ворот мерцают синие фонари, значит городская крепость перешла в наши руки. Такой же сигнал над ратушей и шпилем военного коллегіума. Отлично! Чернеет угрюмая Железная башня, ею мы займемся попозже, а скорее всего гарнизону этого укрепления-тюрьмы хватит ума сдаться на милость победителя. Пожар слева, в предместье, по-прежнему вовсю бушует, видать табронийский полк продолжает сопротивляться. На улицах — цепочки факелов, множество конных разъездов, какие-то невнятные крики на главных проездах Тарантии: видимо, наемники под командованием десятников пуантенской гвардии захватывают важнейшие государственные управы. Шныряют неприметные черные повозки — вся немаленькая сила Латераны сейчас направлена на устранение возможных врагов, начались повальные аресты королевских слуг. К утру наши тюрьмы будут переполнены и у месьоров дознавателей начнется долгая нудная работа — кто сколько украл, кто изменял, кто способствовал...

Мы осторожно перебрались на пологий скат крыши закатного крыла и, пытаясь не шуметь, принялись искать чердачные отдушины, ведущие вниз.

Помог вездесущий барон Ортео — малец наткнулся на большое окно, забранное деревянными

ми рейками, без труда открыл его, сунулся внутрь, посветив факелом, а затем позвал остальных.

— Там пусто, — срывающимся шепотом сказал Ортео. — Странно, неужели они посчитали, что никто не догадается захватить эту часть замка с крыши?

На чердак спустились сразу пятеро моих сервентов с заряженными самострелами в руках, обыскали помещение и, не обнаружив врага, окликнули нас.

Чердак как чердак. Множество всякого ненужного хлама. Сломанные рамы картин, вышедшая из моды и испорченная мебель, какие-то пропыленные сундуки. Слабо пахнет мышами, ползают волосатые пауки, имея вид крайне недовольный — двуногие вторглись в их паучью вотчину!

Когда мы выбрались в темный и гулкий коридор третьего этажа, стало ясно — защищать помещения непосредственно примыкавшие к обширной королевской библиотеке ликторы Нумидеса не стали или не догадались. Полнейшая тишина, впрочем, еще не означает безопасности. Теперь нам следовало пройти налево, до большой лестницы вниз, и оказаться возле самих покоев нашего (уже бывшего...) государя.

В отдалении загудел колокол — два удара. Паллантид должен начать действовать. И точно, коридоры разнесли невнятный шум, сухо щелкали арбалеты, послышалось несколько тяжелых ударов — ломали двери.

— Вперед? — осведомился Конан, обнажая меч.

— Да, пора, — я кивнул и тоже взялся за оружие. — Пока что идем тихо-тихо, не станем обнаруживать себя преждевременно.

Сюрприз номер один ждал нас у поворота на лестничную площадку — какой-то невооруженный молодой человек в ночном халате и с тусклой масляной лампой в ладони перегнулся через перила и вслушивался в звуки, доносившиеся снизу.

— Эт-то что еще за явление? — шепнул Просперо.

Человек обернулся. В его больших серых глазах плеснулся страх. Еще бы — перед ним находились четыре дюжины хмурых громил у которых, по всей видимости, было очень плохое настроение и много острых железок в руках.

— Господа.... — выдавил человек, но я вытянул руку, приказывая молчать. Я его узнал — тишайшее и ничемнейшее существо, хранитель библиотеки Хальк Юсдаль. Кто же еще может находиться в столь неурочный час возле книгохранилища? Этот молодой книжник занял освободившееся место библиотекаря совсем недавно и не успел излишне примелькаться при дворе. Поднимать крик и взывать о помощи он вроде не собирается, так зачем же его убивать?

— Барон Юсдаль если не ошибаюсь? — тихо спросил я, оттаскивая библиотекаря от лестницы за рукав.

Судорожный кивок в ответ.

— Сударь, возвращайтесь к себе и до утра носа не высовывайте, — настоятельно посоветовал я. — Еще попадете кому под горячую руку. За чем же новому королю лишаться библиотекаря. Понятно?

Новый кивок, и вот уже господин Юсдаль резво семенит по коридору к библиотеке. Вскоре раздался звук запираемого засова. Кролик спрятался в норке.

(Позднейшая приписка от Халька Юсдаля: на мой взгляд эта встреча выглядела несколько по-другому, но я оставляю вышеприведенные слова на совести уважаемого графа Кертиса.)

Вот вам и главная лестница. На нижней площадке — полдюжины ликторов в золотисто-черных нарядах гвардии Шамара. Выглядят крайне обеспокоенными, клинки из рук не выпускают.

— Начинаем потеху, — одними губами шепнул старший из десятников «Беркутов», доставая шурикены — метательные звездочки. — Первый десяток берет на себя двери, второй и третий — лестницу, остальные прикрывают стрелами. Своих пораните — на ремни порежу!

Бой оказался исключительно коротким, мне даже не удалось поучаствовать, а барона Ортео, рвавшегося в самую гущу я удержал рядом — пускай работают специально обученные бойцы.

Мы свалились на ликторов будто град с грозового неба — площадку перед комнатами короля «Беркуты» очистили за пять ударов сердца и почти бесшумно, никто из шамарцев не выжил. Потом «Беркуты» кубарем скатились вниз, на

первый этаж, к большим дверям, заваленным мебелью. Там и началась серьезная драка — гвардейцев было в полтора раза больше, некоторые подбегали из боковых коридоров. Я сунул в руки барона Ортео самострел, приказал присматривать за галереями и вместе с Конаном и Просперо ринулся вниз, решив помочь чем смогу.

Проткнул одного, увернулся от удара наотмашь и отрубил супостату кисть, заметил, что на Конана нацеливаются сразу трое гвардейцев и помог киммерийцу расправиться с первым, а остальных завалил наш будущий король. Дерется он, между прочим, красиво, с эдаким хищным изяществом...

— Мебель оттаскивайте! — заорал Просперо, когда «беркуты» оттеснили ликторов в сторону галереи, под обстрел арбалетчиков. — Двери, двери! Позвольте нашим войти!

Не без натуги я, барон Ортео и двое моих десятников расшвыряли диваны и столы, коими был завален проем, сбили два засова и, распахнув створки, едва не оказались под ливнем стрел Черных драконов.

— Не стрелять! — орал Конан, заметив новую опасность. — Не стрелять, свои! Быстро за нами, наверх!

В широкий дверной проем ворвался разноцветный поток верной нам гвардии, сразу бросившейся по коридорам направо и налево, «Беркуты» вместе со мной, Просперо и Конаном ринулись в сторону монарших апартамен-

тов. Двери, как ни странно, открыты, внутри — пусто!

Мы быстро обыскали почти десяток комнат, оглядели спальню — постель была разобрана, но в нее не ложились. Ортео зачем-то заглянул под кровать и за шторы, но никого не обнаружил. Пасть Нергала, неужто Нумедидес ухитрился сбежать? Гленнор мне голову оторвет и в выгребной яме утопит!

Здесь вообще никого нет — ни кабинет-лакеев, ни постельничих, даже любимые охотничьи собаки короля куда-то пропали!

— Возле тронного зала большая заваруха! — к нам прибежал взмокший, раскрасневшийся центурион боссонских арбалетчиков. — Легат Паллантид сказал всем идти туда! В остальных частях дворца сопротивление полностью подавлено!

Ах, вот оно что! Большой тронный зал, крепость в крепости. Два входа — главный и потайной, сразу за тронном, выводит на боковую лестницу! Надо немедленно отправить туда людей, пусть охраняют. А вот большие двери придется вышибать тараном, иначе в тронный зал не попадешь — створки литые, из позолоченной бронзы, каждая весит по три тысячи фунтов, в высоту — два человеческих роста. Вдобавок, там нет окон или отдушин, освещается зал только факелами и гигантскими огненными чашами.

Признаться, выглядит дворец так, будто Тарантию захватило чужеземное войско. Трупы, кровь на мраморе и паркете. Покалеченный шамарец, от боли и потрясения не соображая что

делает, несет свою отрубленную руку и тихо просит привести лекаря — кто-то из наших пытается перевязать ему культю разодранной рубахой. Еще один гвардеец с тяжелыми стопами умирает под постаментом статуи одному из древних королей, грудь и ребра разрублены, кровавая пена у рта... Ничего не попишешь, «малой кровью», как предполагал Гленнор, мы не обошлись. Хотя никто и не говорил, что ликторы Нумедидеса вынесут нам голову короля на блюде!

Точно, возле тронного зала грохочет настоящее сражение! Пускай нас теперь больше, но телохранители и остатки шамарских гвардейцев дерутся со звериной яростью, прекрасно понимая, что этот бой — последний в их жизни, ибо пощады ждать не придется!

Вскоре Черные драконы вкупе с моими бойцами из «Беркута» смяли и этот последний форпост сопротивления. В плен никто не сдался, предпочли умереть... Надо будет напомнить Конану, чтобы шамарцев похоронили со всеми почестями, истинная верность всегда уважаема, даже у врагов.

— Заперто изнутри, — ко мне подскочил Паллантид. Легата успели задеть клинком по голове, лоб наскоро перевязан. — Насколько я понял, там остался лишь король, несколько самых приближенных слуг, двое-трое гвардейских тысячников и с десятков телохранителей. Они в ловушке, покинуть тронный зал через потайную дверь не смогут — там я поставил два десятка Драко-

нов. Что будем делать? Дворец-то наш целиком, прислуга и не думала сопротивляться. Караулы в восходном крыле и возле канцелярии Редрика я передал пуантенским гвардейцам, барон Гленнор сообщил с гонцом, что Публио привезут к утру, чтобы он занялся канцелярией.

— Что в городе, неизвестно? — быстро спросил Просперо.

— Пока не знаю, скоро доложат. Граф Люксэ вроде бы справляется. Надо как можно быстрее решить дело с Нумедидесом...

Только лишь Паллантид сказал эти слова, как двери тронного зала начали медленно и без единого скрипа расходиться в стороны. Мы все переглянулись, ожидая нехорошего подвоха, однако на пороге образовался первый церемониймейстер двора, его светлость граф Роук — в парадном платье, с орденами и церемониальным оружием и жезлом. С величественным презрением оглядел нашу взмокшую компанию и нацеленные на него арбалеты военных. С гордо поднятой головой провозгласил:

— Его королевское величество государь Аквилонии Нумедидес Эпимитрей желает знать, по какой причине подданные Трона Льва ворвались в жилище короля, почему убивали его слуг и являли непочтение к короне Аквилонского государства?

Мы все замолчали. Неужели Нумедидес решил уйти достойно? Без всяких пошлостей, наподобие валяния в ногах и просьб о пощаде? Это было бы лучшим выходом!

Первым опомнился Просперо, как человек в дворцовым этикетом знакомый не понаслышке. Герцог вышел вперед, отвесил куртуазный поклон графу Роуку и раздельно, внятно сказал:

— Я, наследник венца Гайарда Просперо и сопровождающие меня дворяне хотим сообщить королю известие чрезвычайной важности. Можем ли мы видеть короля незамедлительно?

Церемониймейстер посторонился, развернулся к нам спиной, ударил по мраморному полу золотым жезлом и возгласил в глубину зала:

— Наследник венца Великих герцогов Пуантенских Просперо к королю!

Еще два удара жезлом.

Мы — Паллантид, Просперо, Конан и я шли впереди. За нашими спинами медленно двигалась вооруженная гвардия, по неизбежной привычке выстроившаяся по отрядам. По бокам нас прикрывали «Беркуты», настороженно зыркавшие по сторонам и готовые ответить на любой выстрел сотней своих стрел и шурикенов.

— Насколько я знаю, в тронном зале всякие гнусности, наподобие проваливающихся в бездну плит пола не предусмотрены, — шепнул я герцогу и Конану. — Опасаться надо только этих...

За скромным каменным сиденьем без спинки и с ножками в виде львиных лап стояло с полдюжины ликторов, рядом еще столько же самых верных королевских прихлебателей. В отличие от спокойного, в чем-то даже отрешенного Нумедидеса эти месьоры заметно нервничают. Знают, что против нескольких сот гвардейцев, запо-

лонивших тронный зал грудью не попрешь. Это конец, окончательный и бесповоротный!

Сам Нумедидес, облаченный в парадное белое с золотом одеяние и алую шелковую мантию выглядит очень бледным, кожа стала сероватой, губы синюшные, тусклые глаза устремлены в одну точку, куда-то вверх и в сторону. Он словно бы уже не присутствует в этом мире.

— Король позволяет тебе говорить, — сказал граф Роук, увидев легкое движение пальцев Нумедидеса. Просперо сначала взглянул на Конана, предлагая ему сказать самые важные слова, но варвар смущенно помотал головой.

— Сегодня, десятым днем третьей весенней луны 1288 года по основанию королевства Аквилонского, — тяжело начал Просперо, — высшие дворяне королевства и войско Аквилонии объявляют о том, что король Нумедидес из династии Эпимитреев низложен, как не вынесший бремени власти и способствовавший разорению страны. Граф Кертис, где текст отречения?

Я вынул из рукава пергамент, подошел к трону, поднялся по мраморным ступенькам и передал свиток королю. Нумедидес безучастно пробежался глазами по строчкам, молча отложил бумагу на подлокотник. Я заметил, что в левой ладони он сжимает украшенный мелкими рубинами золотой пузырек.

— От этого яда погиб мой дядюшка, — тихо-тихо, так чтобы слышал только я один, проговорил Нумедидес. — С чего начали, к тому и пришли, не так ли? Уберите вашу бумажку су-

дарь... Я умру королем. Все ведь потеряно, верно?

— Боюсь вы правы, ваше величество, — столь же тихо сказал я.

— Восхищаюсь вашей хитростью и силой... Впрочем, теперь это не важно. Прощайте.

Нумедидес резко сорвал крышечку и был готов проглотить содержимое склянки, но неожиданно вмешался Конан — он видел, что отречение, предававшее перевороту вид законности, не подписано. Варвар прыгнул к трону, выхватил склянку из трясущейся ладони короля, отбросил в сторону, одной рукой взял пергамент, другой прихватил Нумедидеса за плечо.

— Сначала подпиши, — угрожающе сказал Конан. — А потом отправляйся на Серые Равнины. Ну?!

И тут случилось неожиданное. Нумедидес вдруг захрипел, глаза выкатились, у губ появилась беловатая пена. Он задыхался.

— Конан, отпусти его, королю трудно дышать, — я отстранил киммерийца, а Нумедидес тяжело, мешком, повалился обратно на трон. — Эй там, лекарь!

Лекарь не понадобился. Король прожил еще очень недолго — не выдержало сердце. Спустя одну пятую квадранса все было кончено. Из гортани короля врывался последний вздох, глаза остекленели и Нумедидес сполз с трона на холодные ступени возвышения. Знаменитый пятизубый венец Первых королей откатился в сторону, оказавшись у сапог молодого барона Ортео. Пар-

нишка не долго думая нагнулся, поднял корону, озадаченно осмотрел ее и вдруг рывкнул во весь голос:

— Король умер! Король умер своей смертью! Да здравствует король!

Ортео шагнул к хмурому Конану, привстав на цыпочки надел древний венец на голову киммерийца и снова взревел ликующим тенором:

— Да здравствует король!

Барон, конечно же, не подозревал о подобных тонкостях, но в соответствии с традициями замка короны первый дворянин, объявивший о восшествии на престол нового государя, сразу же получает высокую должность первого королевского герольда — весьма немаленький чин в дворцовой иерархии! Ортео, сам того не зная, в единый миг сделал отличную придворную карьеру. Пускай его, это нам не в убыток, прежнего герольда Нумедидеса все одно следовало заменить... И малышу из захолустья будет приятно, все-таки вошел в историю!

— Да здравствует король Конан Первый, Аквилонский, из Канахов!

Зал многоголосо подхватил, а через несколько мгновений от криков, казалось бы, могла обрушиться куполообразная крыша. Конан стоял над телом Нумедидеса безмолвно. Его лицо ничего не выражало.

— Жутковатый момент, честно признаться, — наконец-то сказал он мне и подошедшему Просперо. — А что дальше-то делать?

— Дальше? — Просперо на миг задумался. —

Ждем остальных действующих лиц и начинаем церемонию присяги. Конан, тебе бы переодеться попримичнее...

— Ну уж нет! Если я стал королем в форме Черных драконов, в ней присягу гвардии и приму. Пусть гвардия видит, что Нумедидеса сбросили ее руками! И вот, кстати... Надо бы тело убрать. Зачем ему здесь валяться? Кертис, распорядись, чтобы его перенесли в усыпальницу или что тут у них есть? Паллантид — выстави всех лишних из тронного зала! Холуев Нумедидеса — в Латерану!

— Слушаюсь, ваше величество, — привычно ответил легат, а я ухмыльнулся:

— Не успел побыть королем и одного квадранса, а уже командует. Ладно месьюры, идемте. Длинный вечер закончился, впереди не менее длинные ночь и день! Конан, сдвинь корону с уха на темечко, а то уж больно вид ухарский...

* * *

Это была удивительная ночь. Сутолока, суматоха, неразбериха, и одновременно суровые гвардейские вояки вкупе с конфидентами Латераны наводили свой, невиданный прежде порядок. Уверен, что восемь из десяти людей, находившихся тогда в замке представляли либо военных, либо тайную службу.

Предстояло решить десятки, если не сотни важнейших вопросов — сохранить драгоценности короны (то есть сам венец, скипетр, церемони-

альный Орден Большого Льва и прочие регалии короля), расставить на караул только верных нам гвардейцев, которые с непривычки путались в лабиринтах замка, уберечь важнейшие документы, хранящиеся в канцеляриях и королевских покоях, не впускать и не выпускать посторонних и в то же время подготовить присягу на верность новому государю, назначенную на полдень — а это значило, что во дворец придется доставить почти две сотни высших дворян Тарантии... Представляете какой сумбур?

Труп Нумедидеса немедленно переправили в родовую усыпальницу аквилонских королев, что находится на острове посреди полноводного Хорота чуть полуночное рубежей города и оставили под охраной, туда же отправили поднятых с постелей мастеров-бальзамировщиков — Конан настоятельно потребовал, чтобы последний Эпимитрей был упокоен в родовой гробнице, историю надо уважать. Пусть Нумедидес был дурным государем, но он умер на своем троне, королем не подписавшим отречения. А то, что его преемник узурпировал власть древней династии без всякого права, сейчас никого не волновало.

Ближе к рассвету начали поступать проверенные и точные донесения о положении дел в столице — мы принимали гонцов в Малахитовой церемониальной зале, которую сочли наиболее удобной. Круглый, отделанный красивым зеленым камнем, зал превратился на время в личную резиденцию короля, куда перетащили множество столов и кресел. Ждали прибытия Троце-

ро, Публио и неперменного барона Гленнора, который все еще занимался делами в городе.

Конан, так и не снявший черно-серебряное облачение капитана Черных Драконов (аквилонский венец временно переправили в сокровищницу, для надежности) пока ничем не напоминал короля. Взъерошенный, уставший, с кругами под глазами от долгого недосыпа, он распоряжался гвардейскими отрядами, отдавал приказы, а когда окончательно был готов свалиться с ног от усталости, подозвал меня:

— Кертис, если я не посплю хотя бы половину колокола, вам придется искать нового короля. Кто лучше всего знает дворец и столицу? Назначу двоих человек временно поуправлять Аквилонией. Разбудите после восхода солнца.

— Со столичными делами лучше будет разобратся мне, — ответил я. — Я отвечал за спокойствие в Тарантии в Латеране, город знаю, не запутаюсь. А по дворцу? Глянь на Просперо, свежий, как весенний листок!

И впрямь, молодой герцог будто и не спал три ночи подряд, сидел над бумагами, командовал и выглядел великолепно — ему еще была интересна эта игра, наследник пуантенских владетелей прямо-таки упивался свалившимися на него властью и влиянием. Все происходящее Просперо откровенно забавляло.

— Пергамент! — приказал Конан. — Где королевские печати? Я же просил не относить их в сокровищницу! Ага, спасибо, Кертис!

Конан обмакнул перо в чернильницу, что-то

быстро черкнул на пергаментных листах, тщательно подписал, не глядя дыкнул на кругляш Большой печати и прижал ее к листам тонкой телячьей кожи с вырисованным аквилонским гербом.

— Держи, — король перебрал мне пергаменты. — Назначаю тебя прецептором Тарантии на ближайшую седмицу, а Просперо — вице-королем, будет царствовать пока я сплю, управится... Все! До утра!

Новоиспеченный король, пошатываясь от перенапряжения и утомленности, забрал чей-то суконный кавалерийский плащ, снял с диванчика две шелковых подушки и улегся в углу, прямо на ковер, под окном выводившим на Хорот. Перед тем как заснуть, он еще успел проворчать в мой адрес:

— Кертис, только не вздумайте зарезать меня во сне! Два переворота за одну ночь — это уже слишком!

* * *

К рассвету наступило относительное затишье и я, целиком положившись на Паллантида и Просперо, вступивших в безраздельное владение замком короны, кликнул полдесятка телохранителей из числа «Беркутов» и отправился за бароном Гленнором и остальными. Заодно мне очень хотелось посмотреть, что творится на улицах Тарантии и насколько серьезных успехов мы достигли в самом городе.

В синеватых утренних сумерках Тарантия выглядела удивительно. Обычно в это время уже открываются лавки хлебопекров, спешат золотари со своими отвратительными бочками, первые повозки торговцев спешат на рынки, дабы занять самые удобные места. Ничего подобного сейчас не наблюдалось.

Город словно бы превратился в огромный военный плац — конные патрули пуантенцев и Черных Драконов, наши наемники отрядами по десять человек охраняют перекрестки, Королевская улица и все проезды, ведущие к замку перекрыты рогатками.

Хвала богам, что вояки догадались не разжигать костров прямо на улице. А за любую попытку мародерства по личному приказу Троцерио полагается казнь на месте.

Итак, строгий военный порядок поддерживается, и это прекрасно. Я направил коня в сторону улицы Трех Созвездий — там располагались наиболее интересные меня здания.

Неприятный, выстроенный из коричневого известняка угрюмый дом — тут располагалась проклятая «Скрытая башня». Дом окружен безмолвными уставшими кирасирами Серебряного полка, кое-где заметны выбитые ставни, над угловыми окнами первого этажа заметны следы копоты: был пожар, но его успели вовремя потушить.

У входа суетятся подозрительно знакомые личности. Ну, точно, это же мои балбесы из Стола безопасности королевства! Барон Гленнор рас-

порядился уничтожить наших соперников в первую очередь, не считаясь с потерями и засыпать это змеиное гнездо жгучей известью!

Однако, чисто сработано — здание практически не пострадало, архив, наверное, тоже. Значит придется мне долгими ночами корпеть над бумажками «Башни», выискивая в пергаментях интересующие Латерану сведения...

— Кертис, тебя ли я вижу? Приехал позлорадствовать?

Я чуть вздрогнул, услышав этот возглас. На пороге дома стоял, разумеется, обожаемый начальник. Надо же, Гленнор сам явился поглядеть на разгром во вражеском стане.

— Я, ваша милость, прибыл сюда узнать, насколько точно и тщательно исполнены приказы, — я усмехнулся, поприветствовав подошедшего барона. — Что здесь случилось?

— Сопротивлялись упорно, хотели уничтожить бумаги, но были слишком обескуражены внезапностью и нашим нахальством, — сообщил Гленнор. — Несколько взяли живыми и уже увезли. Таким образом «Скрытая Башня» превратилась в скрытую башню. Их больше не существует. Что в замке? Если ты решил поехать на прогулку, значит у Конана все благополучно? Впрочем, мне уже привозили донесения. Граф, скажи пожалуйста, неужто варвар сам убил Нумедидеса? Или гонец что-то перепутал и от переизбытка впечатлений напел всякой чепухи?

— Никто никого не убивал, — поморщившись ответил я. — Нумедидес умер от сердечного уда-

ра, не выдержал потрясения. Но бой во дворце шел жестокий, много погибших.

— А что Конан?

— В данный момент спит. Желает набраться сил на грядущий день. Едем во дворец?

— Поехали. Заодно расскажу по дороге, каково сейчас в Тарантии. Голова кругом идет, экую изумительную кашу мы заварили!

Барону Гленнору подвели его коня, и мы, пустив лошадей шагом направились обратно к центру столицы. На главных улицах военные во всю развешивали штандарты короны с аквилонским львом и флаги Великих герцогств, не исключая Шамарское — пришлось ограбить хранилище коллегиума государственных церемоний, где означенных знамен и вымпелов хватило бы на украшение трех таких крупных городов, как Тарантия. Преобладали, однако, синие полотнища с тремя серебристыми леопардами Пуантена — пусть все знают, кто теперь в городе хозяин! Я с мимолетным удивлением заметил открытую лавку, где торговали горячим, только испеченным хлебом, который увлеченно расхватывался голодными гвардейцами и наемниками армии Черной реки. Хозяин пекарни и его подмастерья только охали и ахали, выслушивая последние новости, но серебро и медь собирать с покупателей все же не забывали. На соседней улице во всю гремели кувшины молочницы, открылись двери какой-то скромной таверны. Прекрасно, Тарантия начала оживать!

— Самой огромной трудностью было подавле-

ние бунта Табронийского полка, — размеренно повествовал барон Гленнор. — Они сохраняли верность прежнему королю до последнего, ведь Таброний находится в Шамарском герцогстве... Граф Люксэ предлагал им почетную сдачу, но они отказались. Пришлось штурмовать, сгорело несколько казарм, огонь перекинулся на дома обывателей, панику едва удалось подавить. Напомни, чтобы я сказал Конану о погорельцах — пускай проявит королевскую милость и раздаст пострадавшим деньги из казны.

— Из какой казны? — я скептически поднял бровь. — Казна пуста, будто дырявый карман нищего.

— Кертис, не забудь, что минувшие несколько дней герцог Публио трудился с бумагами казначейства, следовательно на первые дни царствования нашего киммерийца денег хватит. «Беркутами» захвачен загородный дворец канцлера... Бывшего канцлера Редрика, его уже отправили в Латерану, а вот золото из сокровищницы я распорядился переправить в замок короны. Там много, несколько десятков тысяч кесариев только в монетах. Если верить сообщениям, поступавшим ко мне всю ночь, Латерана *взяла* почти семьсот неблагонадежных, сегодня будем *чистить* государственную канцелярию, ведомство городского прецептора...

— Мое ведомство? — хохотнул я, перебросив Гленнору указ короля. — Я теперь временный прецептор столицы!

— Поздравляю, — индифферентно сказал ба-

рон. — Вот сам и займешься благородным делом очищения. Подвожу итоги: это была самая замечательная ночь в моей жизни! Не случись возмущения табронийцев, мы бы не захватили власть, а подобрали бы ее, как монетку на дороге. Бой в замке короны не в счет.

— Все произошло изумительно просто, если взглянуть со стороны, — кивнул я. — И никто кроме нас не знает, какую работу пришлось проделать до... До наступления сегодняшнего дня.

— Именно, дорогой граф, ты совершенно прав, — с тихой гордостью сказал Гленнор. — За несколько колоколов овладеть таким огромным городом, устранить всех самых опасных врагов, убить короля...

— *Он умер сам*, — отчетливо повторил я. — От испуга. И сознания полнейшего, окончательного поражения. Для Нумедидеса это был лучший выход, не правда ли?

— Оставим Нумедидеса, это дело прошлое. Я очень хотел бы видеть голову его единственного наследника, графа Диона, за ним тоже были отправлены наши волкодавы, но... Это один из редких наших просчетов. Я упустил из виду, что с началом весны племянник бывшего короля уехал отдыхать в Аргос, на море. Он — последний, хотя и сомнительный Эпимитрей. И вокруг Диона однажды могут собраться недовольные новой властью. Существует два выхода — отправить к Диону добрых людей, которые воткнут ему в спину какой-нибудь острый предмет, или потребовать у аргосского короля Мило его выдачи, ес-

ли Дион откажется возвращаться в Аквилонию. Ну, а затем...

Гленнор черкнул себя пальцем по горлу.

— Если ваша милость позволит, — сказал я, недолго поразмыслив, — выскажу свою мысль по этому поводу. Никаких убийц, никакой выдачи! Зачем? Мы торжественно позволим графу Диону вернуться в Аквилонию, сохраним титул и земли, а сами понаблюдаем, кого привлечет персона последнего Эпимитрея. Как только они начнут мутить воду, накроем всю шайку скопом и снова докажем царствующему монарху полезность Латераны.

— Умно, — согласился Гленнор. — Так и сделаем. Поймаем ядовитую рыбку на живца...

При виде королевского замка, воздвигшегося в дальней стороне улицы Сигиберта Великого меня вдруг обуял приступ глупого смеха. Едва с седла не сполз.

— В чем дело? — поднял брови барон Гленнор. — Что смешного ты увидел?

— Не увидел, а вспомнил, — задышался я. — Ваша милость, помните, как в самом начале этой истории я спросил: будут обойдены милостями мелкие исполнители или нет? Как думаете, могу я выклянчить у Конана орден Большого Льва?

— Я ведь говорил, обойдешься «Золотым пером» — расхохотался в ответ барон. — Большого Льва я оставляю для себя!

С тем мы и въехали в ворота королевского замка, охраняемые верными «Беркутами».

* * *

Отбили последний квадранс перса полуднем.

Королевский дворец снова шумел и гудел на тысячи голосов, на главном дворе скапливались роскошные повозки и портшезы, почти безликая раззолоченная публика именуемая по привычке «высшим светом» бессмысленно толкалась в парадных залах, шушукая и сплетничая, строя самые невероятные предположения о случившемся и ожидая скорого выхода нового короля. Протестовать или возмущаться не осмеливались — весомые аргументы в виде насупленной гвардии Гайарда в синем и величественных Драконов с мечами наголо не давали особо горячим головам распускать языки. Поговаривали, что королем теперь будет Троццо Пуантенский, шепотом передавали друг другу известие о том, что Нумедидеса якобы зарезали прямо в спальне, втихомолку ужасались невоспитанным вояками, наводнившими дворец...

Завсегдатаи дворцовых покоев и коридоров многое не узнавали — исчезли прежние камерлакеи, сменили помощников церемониймейстера, да и сам мастер королевских церемоний куда-то пропал; остатки шамарской гвардии окончательно удалили от двора, заменив пуантенцами и боссонцами.

На площади Сигиберта постепенно собирался народ, так доселе ничего не понявший и ожидающий самого невероятного — слухи по толпе ходили удивительные и нелепые, тихари Латера-

ны, затесавшиеся в ряды досточтимых обывателей, с круглыми глазами выслушивали байки о новом пришествии Энимитриуса, восшествии на престол принца аж из самой Вендии, о том, что Тарантия ночью была с налету взята штурмом немедийским войском, переодетым в облачения гвардии Пуантена... Так называемые «камни глашатаев» — огромные валуны, установленные на площадях, с которых оглашались важнейшие указы пока что пустовали и простецам оставалось лишь теряться в догадках, что же произошло? Ясно было одно — в стране новая власть и новый король. И имечко у него какое-то... странное. Козн? Коннахар? Конхобар? Похоже на темрийское или гандерландское, звучит по-варварски. А вот прежнего государя, Нумедидеса, молнией поразило!.. Да ничего подобного, почтенный, умер от изнурения, порожденного слабостью!.. Неправда, его гвардия зарубила!..

Впрочем, нас сплетни простецов пока не интересовали. Вся развеселая компания, включая короля Конана, пуантенских герцогов, барона Гленнора и новоназначенных нами управителей страны собралась в тех самых Малахитовых покоех, ожидая начала церемонии присяги. Торжеством должен был руководить извлеченный вездесущими конфиденстами Латераны из небытия прежний церемониймейстер короля Вилера, старенький месьор Ламбо, который ныне суется вокруг насупленного Конана и отдавал команды скрипучим голосом:

— ...Ваше величество, я настаиваю! За тысячу

лет ни один король во время присяги не показывался перед подданными в костюме обычного офицера гвардии! Надо одеть хотя бы форму легата! Благоволите!

— Сет тебя зажди, — втихомолку ругнулся киммериец, вылезая из удобного капитанского облачения и путаясь в рукавах поднесенного гвардейцами черного легатского колета с шитьем в виде дубовых листочков, лавровых веточек и перекрещенных клинков. — Месьоры, мне кажется, королю можно делать все, что заблагорассудится?!

— Ничего подобного, — заулыбался Троцero, наблюдая как Конан щелкает пряжками перевязи с церемониальным мечом и застегивает бесчисленные крючки на груди. — Не государство принадлежит тебе, а ты государству. Так что изволь подчиниться традиции!

— Кстати, Троцero, ты не в обиде, что должность вице-короля так неожиданно перепала племянничку? — хитро улыбнулся Конан, указывая взглядом на разодетого в парадный мундир гвардии Гайарда Просперо. Возле молодого герцога отирался и барон Ортео — юнец, не постеснявшись, обобрал дворцовую гардеробную, вытащив оттуда роскошный герольдмейстерский наряд. Ему уже объяснили, что с минувшей ночи бывший провинциальный барончик стал большим вельможей и теперь наш желторотый приятель вовсю старался соответствовать свалившейся на него ответственности.

— Оставь, Конан, — отмахнулся Троцero. — Я

уже навластовался, сорок лет ношу корону Великого герцога, а управлять Пуантеном куда сложнее чем каким-нибудь Пограничем или Хаураном... Останусь владельцем Гайарда, а уж Просперо пускай наслаждается званием первого королевского фаворита.

— Дядя! — оскорбился Просперо. — Как так можно говорить!

Между любящими родственниками уже была готова разразиться тихая свара, но месьор Ламбо по-прежнему не давал нам опомниться:

— Ваше величество, непременно следует надеть королевскую мантию! Этикет обязывает!

— Надеюсь, ее не с покойника сняли? — насторожился Конан, рассматривая алый плащ с вышитыми геральдическими львами. — Ночью на Нумедидесе была такая же!

— Ни в коем случае, — хрюкнул барон Гленнор. — Конан, успокойся, это запасная. Одевайся быстрее, полдень звонят!

— Скипетр в правую руку, — суетился месьор Ламбо. — Корону! Где корона?! Какая ужасная одежда — сочетание черного мундира гвардии и красной мантии! Готовы?

Мы все судорожно кивнули.

— Первым иду я, как мастер церемонии, — втолковывал Ламбо. — Затем король в сопровождении двух ликторов с клинками в руках. Потом канцлер. Понятно?

Величественно-грозный Публио поглядел на церемониймейстера с высокомерием. Герцог Форсеза был опытным царедворцем.

— Рядом с канцлером шествуют вице-король и генеральный казначей, затем главы коллегий! — надрывался Ламбо, пытаясь выстроить сонмище наших соратников так, как предписывают традиции и куртуазия. — Граф Кертис, куда вы лезете? Прецептор столицы не столь уж важная персона, отойдите в дальний ряд! Будете стоять по левую руку от трона! Ваше величество, перед тем, как сесть на трон, поклонитесь собравшимся в зале подданным трижды — вперед, направо и налево! Боги милостивые, мы же опаздываем! Идемте!

Король обычно входил в тронный зал не через парадный вход, а через дверь справа за тронном, искусно прикрытую драпировкой. Пока мы шли по лестнице вниз, барон Гленнор задержался, подождал меня и подтолкнул локтем.

— Кажется *удержались*, а? — шепнул мне глава Латераны. — Уверен, Конану присягнут все, кого мы собрали во дворце, побоятся выступить открыто... Поздравляю графа, свершилось.

— А прецептор столицы не столь уж и важная персона, — ядовитенько повторил я слова церемониймейстера. — И буду стоять по левую руку. Каково?!

— Не обижайся, Кертис. Не важно где ты стоишь, важно — кого из себя представляешь. А мы с тобой — правая рука государства. Согласен? Или ты разуверился во всемогуществе Латераны?

Ответить я не успел. Процессия вышла в наполненный людьми большой тронный зал и

месьор Ламбо сменил голос с дребезжащего, на низкий и раскатистый:

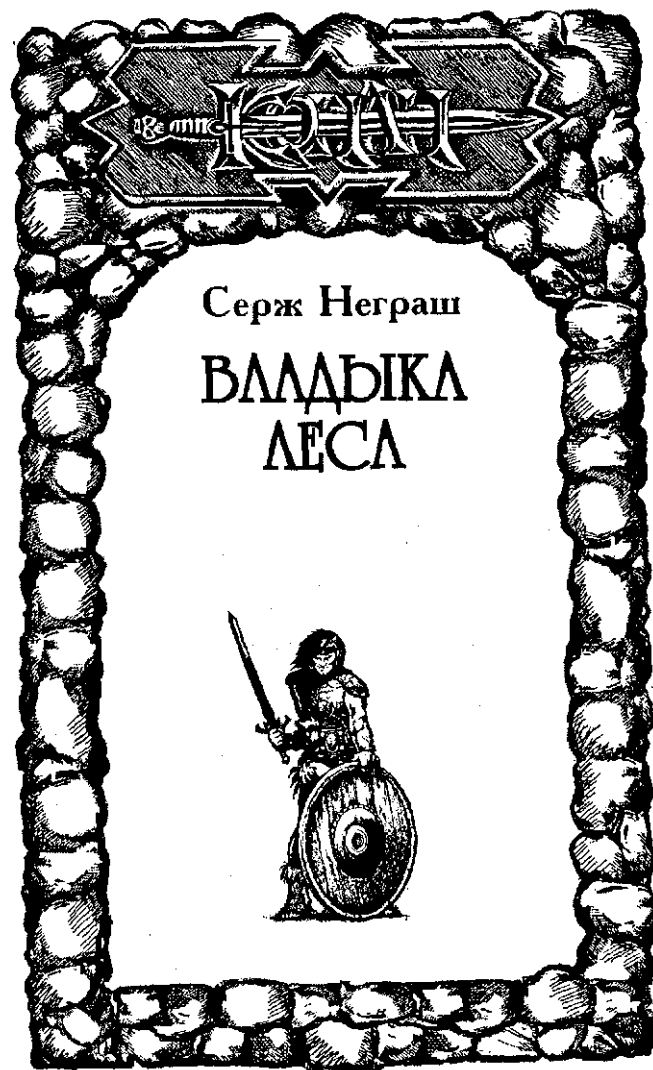
— Его королевское величество государь Аквилонии Конан Первый Канах!.. — разнеслось по колоннаде.

Все другие звуки моментально утихли.

Киммериец поднимался по ступеням Трона Льва, а я заметил, что у подножия престола валяется позабытый золотой флакончик украшенный рубинами. Именно его вырвал Конан из слабеющих рук Нумедидеса несколько колоколов назад...

Зал восторженно взревел, оглушая:

— Да здравствует король!..

Владыка леса

У так, Конан, выполнишь ли ты мое задание? — спросил Мориус, юный ученик чародея. Парнишка оказался наделен настолько сильным магическим даром, что Фолгус Чудовищный решил обучить его всему, что знает сам. По мнению старика, Мориус в ближайшее столетие должен был стать самым могущественным волшебником Хайбории.

Киммериец оценивающее посмотрел на него. Имеет ли смысл ввязываться в опасную авантюру, когда можно найти более простой способ заработать денег? Зачем рисковать по пустякам?.. Впрочем, Конан довольно быстро заставил свой инстинкт самосохранения замолчать. «Что поделять, если я люблю приключения?!» — весело подумал он.

— Ну так как? Согласен? — поинтересовался Мориус.

— Да, — кивнул киммериец. — Кстати, я не очень хорошо понял, чем ты собираешься мне заплатить.

— Тебе? — маг усмехнулся. — А чего бы ты хотел? О чем грезишь?

Киммериец надолго задумался. В данный момент ему нужно было немного денег, но разве стоит упоминать о них, когда можно загадать любое желание? Но он привык сам добиваться цели. Так что же ему попросить у ученика чародея? Может быть, предсказание? Или, чтобы Мориус проклял кого-нибудь из его врагов?

— Решай быстрее, время идет, — поторопил ученик Фолгуса.

— Давай сделаем так, — Конан вздохнул, — отложим этот разговор до тех пор, пока я не выполню задание.

— А ты уверен, что справишься?

— Конечно! — отозвался киммериец. — Подумаешь, освободить девушку из плена злого колдуна Борута!..

— Но учти, сделать это будет очень сложно. Борут по силе равен моему учителю, — сказал юноша и исчез.

— Ох уж эти колдуны, — пробормотал Конан. Все его естество дрожало от гнева, когда он имел дело с кем-то из их племени. Однако и отказать ученику чародея киммериец не мог. Девушка погибнет, если он не спасет ее.

Он остался один в своей комнатке, которую ему отвел старый друг и подельник Клагус, который не так давно решил вдруг остепениться,

завести семью, детей и жить в свое удовольствие. Долго тянуть с воплощением своих идей он не стал. Ограбив какого-то купца, Клагус открыл собственное дело. Небольшой трактир на берегу крохотного озера Косода, не обозначенного ни на одной карте. Новоявленного трактирщика такое положение вещей вполне устраивало, тем более что посетителей у него было достаточно. Где еще во всей округе могли собраться разбойники и мирно потолковать за кружкой доброго эля?

— Я уезжаю, — вздохнув, сказал Конан Клагусу, спустившись в зал.

— Когда появишься вновь? — поинтересовался тот.

— Кто знает? — улыбнулся киммериец. — Если удача будет на моей стороне, то скоро. Иначе...

— Понятно, — подмигнул ему трактирщик. — Ну что ж, поставлю тебе на дорожку кружку вина. Будешь?

— Давай! — махнул тот рукой.

Отведав угощения, Конан довольно хмыкнул:

— Хорошее у тебя вино. Странно, почему я никогда не видел, чтобы им угощались посетители, а?

— Для себя берегу, — отозвался Клагус. — Но тебя вот решил побаловать. Сам не знаю, что на меня нашло!

— Спасибо, — бросил киммериец, выходя во двор, где его уже поджидал конюх.

— Уезжаете? — спросил тот. Дождавшись, ко-

гда Конан кивнет, он продолжил: — Лошадь вашу сейчас выведу.

Долго ждать не пришлось, и вот уже киммериец отправился в путь.

— У, Зверюга, откормился тут, разленился... — со смехом пробормотал он, нахлестывая скакуна.

Надо было спешить: кто знает, что способен злой колдун сотворить с девушкой? С него вполне станет принести ее в жертву какому-нибудь кровавому богу...

— Эге-гей! — закричал киммериец, опьяненный скоростью. А лошадь меж тем скакала все быстрее и быстрее, словно стремясь обогнать ветер... В порыве захватившего его чувства, Конан вытащил из ножен меч и завертел им над головой. Трепещи Борот, ибо близка твоя смерть! Никто не сможет одолеть любимца Крома!

С каждым мигом он приближался к своей цели. Мимо мелькали причудливо изогнутые деревья самых странных форм и очертаний, сливаясь в единое и будто бы живое существо. Оно ликовало вместе с киммерийцем, насыщая его мощным потоком жизненных сил. И Конан вдруг ощутил, что он — часть чего-то большего, чем он думал всегда.

— Я есть! — обрадовался он.

Но ликование покинуло его, как только на дорогу вышел маленький сгорбленный старичок. Достаточно тому было появиться, как лошадь тут же остановилась, задрожав от испуга.

— Кто ты такой?! — воскликнул Конан.

— Владыка Леса, границу которого ты пересек.

— Что тебе надо? — осторожно спросил киммериец. — Почему ты остановил меня?

— Я хочу предостеречь тебя, — произнес старичок. — Ты едешь в умело расставленную ловушку. Тебя хотят уничтожить.

— Кто? — зарычал Конан.

— Неужели не догадываешься? — хитро улыбнулся Владыка Леса. — Подумай, стоит ли рисковать?

— Мориус, — пробормотал киммериец. — Ты хочешь сказать, что он желает моей смерти?

— Мориус! — фыркнул старичок.

— Так кто же это тогда?! Фолгус?! Борот?! — спрашивал Конан, непроизвольно проверяя, легко ли выходит из ножен меч.

Пожав плечами, Владыка Леса прошептал:

— Ответ ждет тебя в пределах моих земель.

Киммериец уже собирался ехать дальше, когда старичок предостерег:

— Давным-давно, когда я еще был молод, люди проложили через мой Лес дорогу. Я тогда обиделся на них и создал нескольких существ, которые должны были уничтожить всякого решившего вторгнуться в мои владения...

— Ты хочешь сказать, что кто-то из них бродит здесь до сих пор? — уточнил Конан.

— Это так, — подтвердил старец.

— Гм, — пробормотал киммериец. — Но ведь до заката я покину пределы твоего Леса. Мне ничего не грозит.

— Ты ошибаешься. Одна из них уже почуяла смертного. И идет на запах крови. Она уже близко.

— Что ж, пускай приходит: у меня есть, что ей предложить! — В руках Конана блеснул обоюдоострый клинок.

— Еще никто не выжил после встречи с моими созданиями, — заметил Владыка Леса.

— Тихо, — перебил Конан, внимательно прислушиваясь и вглядываясь в сплошную стену зелени. Если ему не показалось, то где-то рядом хрустнула ветка. Немного подождав и не заметив ничего подозрительного, он произнес: — Рано или поздно все всегда случается впервые!

— Как знаешь, — отозвался старичок.

Рядом послышался шорох.

— Ну где же вы? Я жду вас! — воскликнул Конан.

Но никто ему не ответил, даже Владыка Леса куда-то делся, лишив киммерийца своего общества. В округе было так тихо, что можно было услышать, как ползет муравей. Лес втягивал в себя киммерийца, убеждал его стать своей частью. Он завораживал его, пытался подавить волю, заставить подчиниться. *Достаточно только захотеть, и ты станешь частичкой меня,* — предлагал он.

— Нет, — с трудом удалось произнести Конану.

— Да, — твердил Лес. — И ты обрешь то, о чем мечтают все люди. Становись моей частичкой, и ты будешь бессмертным!

— Нет! — уже более уверенно повторил киммериец. — Нет!

— Ты заплатишься за это, — предупредил Лес.

— Пускай! Но мне дороже вольная жизнь! — закричал варвар, разгоня наваждение. Еще мгновение назад Конану казалось, что деревья разговаривают с ним, теперь же он думал об этом, как о кошмарном сне.

Ночь неожиданно быстро вступила в свои права, так что киммериец даже не успел забраться обратно в седло. Все это было более чем подозрительно. Судя по карте, Лес был настолько мал, что местные жители даже не сочли возможным дать ему какое-либо название. Пересечь его можно было меньше чем за четверть суток, а тут... Киммериец добрался до Леса в полдень, а сейчас уже на мир опустилась темнота!

— Что за волшебство такое? — пробормотал Конан.

Его неудержимо клонило в сон, но киммериец, помня предостережение Владыки Леса, решил бодрствовать. «Уж лучше отосплюсь, когда окажусь за пределами этого подозрительного места», — подумал он.

Время тянулось нескончаемо медленно, как-то однообразно, усыпляющее... И Конан, не удержавшись, забылся тревожным сном. В любой миг он был готов схватиться за меч и ринуться в бой. Он даже ждал этого, но хваленые твари, сотворенные Владыкой, так и не появились. То ли испугались Конана, то ли просто не нашли его...

Впрочем, истинную причину сообщить мог только сам старец.

— Спишь? — разбудил киммерийца Мориус. — Вот, пришел посмотреть, как ты тут справляешься...

Конан, подскочив, замахнулся на него клинком. Он уже собирался срубить врагу голову, когда понял, что перед ним ученик чародея. Что-то недовольно пробурчав, киммериец поинтересовался:

— Говори честно, зачем пришел?

— Предупредить, — отозвался он. — Твари этого Леса...

— Постой, — перебил Конан. — Что-то я тебя не пойму. Разве не ты послал меня спасать девушку? Так зачем теперь отговариваешь?

— Я многое понял, — вздохнул маг. — Послушайся меня, просто уходи от опасности, что таится здесь за каждым углом. Беги, пока это в твоих силах!

— Ну уж нет! — возмутился варвар.

— Как знаешь, — бросил Мориус, взлетая в небо. — Прощай, к утру я должен быть в башне учителя!

Появление мага помогло сбросить оковы дремы, постепенно захватывающей киммерийца.

— Вот и хорошо, — произнес он. — Если твари Леса нападут на меня, я заставляю их пожалеть об этом. Сам же искать встречи с ними не стану. Зачем?

На небосклон медленно взбиралось солнышко, знаменуя рассвет. Где-то рядом запели пти-

цы, приветствуя новый день. Живность просыпалась в Лесу, не оставляя и намека на ночную тишь.

— Похоже, здесь не все так страшно, как расписывал мне Владыка, — пробормотал киммериец.

— Уверен?!

Конан закрутил головой, пытаясь определить, кто с ним заговорил.

— Смотри-смотри, недолго тебе еще осталось, человек...

— Кто ты? — зарычал киммериец. — Выходи и сразись!

— Один мой вид повергнет тебя в ужас. Я та, кто часто незримо следила за тобой. Я всегда рядом и готова действовать. Стоит тебе допустить ошибку, и ты мертв, тебя больше не станет! И никто не пожалеет о тебе, даже не вспомнит, ибо ты перестанешь существовать!

— Иди сюда! — крикнул Конан.

— Ты ждешь меня? — расхохотался она. — Первый раз вижу того, кто не боится смерти.

Она появилась внезапно, будто материализовавшись из воздуха. Она была прекрасна своей нескончаемой жадой крови. Ее глаза горели двумя яркими огоньками, выжигающими саму память о прошлом. Она была хозяйкой душ, и никто не мог противостоять ей.

— Кто ты, по сравнению со мной? — воскликнула она.

— Я? — Киммериец улыбнулся. Ее волшебство не смогло подчинить его.

— Отдай мне свою жизнь! — приказала та.

— Нет, — твердо произнес Конан. — Ты не властна надо мной!

— Вот как? — ухмыльнулась она, разрушив колдовское очарование. Теперь киммериец видел, насколько мерзкая тварь стоит перед ним. В ней не было даже крупицы чистоты, она представляла собой тугой сгусток угольно-черных нитей зла.

Киммериец, не долго думая, схватил с земли палку и кинул ее в тварь. Импровизированное оружие вонзилось ей в грудь, заставив пошатнуться. Но бестия все-таки устояла на ногах.

— Ты, — захрипела она, — ты...

— Ну и что, помогла тебе твоя магия?

Конан не удивился, когда она стала рассыпаться в прах. Так и должно было быть, только вот, похоже, что это еще не самое страшное создание, водящееся в этом Лесу.

— Нет, пора отсюда выбираться, — пробормотал киммериец, потрепав лошадь за ухом. — Даже удивительно, что ты не бросилась бежать, когда появилась эта тварь.

Сегодня киммериец, не обращая внимания на предупреждение Владыки Леса, собирался спасти девушку из рук Борута.

Однако, казалось, сам Лес не хочет отпускать его. Прямая дорога, ведущая туда, куда надо было Конану, вдруг начала кружить и петлять, окончательно запутываясь.

— Я ведь уже был тут! — в сердцах воскликнул киммериец, проезжая шестой раз мимо не-

большой березовой рощицы, где он специально сломал в разных местах несколько веточек.

«Похоже, я оказался в таком Лесу, который принято называть зачарованным. И почему только Мориус настаивал, чтобы я поехал именно этой дорогой? Зачем я дал себя уговорить?» — размышлял Конан. Впрочем, не ему было уходить от трудностей. Если эта дорога, по словам ученика чародея, самая короткая, значит, киммериец проедет здесь!

— Ты всегда можешь вернуться, — заметил Владыка Леса, слезая с огромного векового дерева, которое не смогли бы обхватить и десять пиктов. — Назад я тебя пропущу. Но вот вперед...

— Почему? — спросил Конан.

— У нас с Борутой договор. Он оберегает меня, а я его, — признался старичок. — Так что тебе не пройти.

— А для чего ты тогда вчера меня предупреждал о ловушке и тварях?

— Я сказал правду, — улыбнулся старец, — рассчитывая на то, что у тебя есть голова на плечах, и ты уберешься из моего Леса. Вынужден признать, я ошибся.

— Ха! — Киммериец наконец изловчился и, подпрыгнув, поймал Владыку за ногу. Сдернув его на землю, он произнес: — Итак, сейчас ты расскажешь мне всю правду, иначе...

— Мне невозможно причинить вред, — ухмыльнулся старичок. Он уже опять сидел на ветке.

— Но как?.. — Конан растерянно посмотрел на свои руки.

— Так, — старичок улыбнулся. — Знаешь чего я не пойму? — и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Как ты догадался, что только плоть Леса может уничтожить его часть.

— О чем ты? — спросил киммериец.

— Да о той твари, что навестила тебя. Хороша, правда? — на мгновение он замолчал. — Удача в этот раз была на твоей стороне, но будет ли она сопутствовать тебе еще два дня?

— Два дня? — переспросил Конан.

Владыка Леса не обратил внимания на его вопрос. Задумчиво погладив свой гладко выбритый подбородок, он неторопливо побрел все выше и выше вверх по ветвям. Некоторое время киммериец наблюдал за его удаляющейся фигуркой, пока та не скрылась в гуще листьев.

— Кром! — только и сказал он, продолжив путь.

С каждым шагом Конан углублялся в Лес, становящийся все более темным и древним. То и дело можно было заметить прячущихся за кустами странных существ, о которых ныне ходили маловероятные легенды.

Заинтересовавшись этими крохотными маленькими пушистыми зверьками, киммериец попробовал позвать одного из них.

— Смотри, что у меня есть, — произнес он, вынимая хлеб из небольшой котомки, висящей у седла.

Зверек оскалится, показывая длинные острые

клыки. О бегстве он даже не думал. «Вероятно, они здесь все хищники», — решил Конан, доставая мясо, которое дал ему в дорогу Клагус.

— Будешь? — предложил он, разделяя мясо на две неравных половинки. Он сам не знал, почему поступает именно так. Просто чувствовал, что это правильно.

Маленький пушистый хищник схватил лапками тот кусок, что побольше, и принялся жадно заталкивать его себе в рот. Его мордочка расплылась в забавной улыбке. Он что-то мурлыкнул и прижался к ноге киммерийца.

— Удивительно, как осталось тайной то, что вы живете в этом Лесу, — недоумевал Конан. — Если узнают про ваше существование, то богачи сразу откроют на вас охоту.

Доев, зверек уныло кивнул и, прощально помахав лапкой, направился в гущу Леса, прочь от дороги, туда, где лошадь пройти не сможет. Конан хотел последовать за ним, но и оставлять своего скакуна он не желал.

— Постой! — все-таки решился он, бросаясь следом за маленьким хищником.

Киммериец бежал, перепрыгивая через коряги, проскальзывая сквозь заросли, стараясь не отстать от зверька, который явно его куда-то вел. Иногда необычный проводник останавливался и оглядывался: как там человек? Убедившись, что все в порядке, он отправлялся дальше.

— И куда ты так торопишься, — бормотал про себя киммериец.

Внезапно пушистый хищник замер, к чему-то прислушиваясь.

— Что теперь? — спросил Конан.

Зверек, пошевелив ушками, свистнул. И тут же киммериец оказался в окружении целой стаи собратьев своего проводника. Их было много, очень много, и он понял, что ему не отбиться. Они разорвут его на части гораздо быстрее, чем он успеет пару раз взмахнуть мечом. Но Конан не собирался сдаваться, он будет сражаться до конца!

Меж тем зверек, которого он угостил мясом, грозно посмотрел на появившуюся ораву. Он что-то пискнул, показывая на киммерийца. В ответ в стае поднялся возмущенный ропот.

— Интересно, что ты им сказал? — произнес Конан, наблюдая за тем, как крохотные хищники прячутся в кронах деревьев. — Да... — протянул он. Станный проводник завел его туда, откуда без посторонней помощи выбраться вряд ли удастся. Тут не было даже намека на звериную тропу! Вообще-то, киммериец прославился тем, что способен найти выход отовсюду, но этот Лес был для него одной большой тайной, которую еще только предстояло раскрыть.

— Спасите! Убивают! Люди! Ну хоть кто-нибудь! — внезапно услышал он чьи-то вопли.

— Держись! — крикнул варвар, спеша на помощь. Конечно, это могла быть ловушка, но вдруг кто-то по-настоящему близок к смерти, и выручить его может только он?

Прошло не больше дюжины ударов сердца, а

Конан уже был на месте. Вокруг верещащего человека ползало какое-то длинное зеленое существо, чем-то похожее на змею, но имеющее уйму крошечных лапок. Оно пока не делало попытки напасть и просто пугало свою жертву.

— Прочь! — зарычал киммериец, замахиваясь мечом.

Одарив его презрительным взглядом, тварь изогнулась и скользнула под кочку.

— Куда! — взревел варвар, пытаясь поймать создание за хвост. Но оно оказалось шустрее и вскоре скрылось в земных глубинах.

— Спасибо, — поблагодарил спасенный.

Конан внезапно признал стоящего перед ним.

— Клагус?! — воскликнул он.

— Конан? — в изумлении брови трактирщика полезли на лоб. — Я не узнал тебя сразу. Но ты ведь отправился совершать очередной подвиг, неужели он завел тебя в этот Лес?

— Не совсем так. Дело в том, что местный хозяин не желает, чтобы я прошел через его владения, — ответил киммериец. — Лучше скажи, как ты тут очутился?

— Не знаю, — Клагус непонимающе посмотрел на небо. — Я готовил еду, ожидая, когда постояльцы спустятся вниз. Неожиданно ко мне обратился старик, которого я раньше никогда не видел. Он потребовал лучшего вина из моих подвалов. Его внешний вид не внушал доверия, поэтому я потребовал плату вперед. Рассвирепев, он что-то воскликнул, и вот я здесь, в этом богами забытом месте.

— Тебе повезло, что я оказался рядом, — заметил Конан.

— Да, если бы не ты, то это змееподобное создание прикончило бы меня... — трактирщик содрогнулся, представив свою участь. — За всю свою жизнь я ни разу не связывался со сверхъестественным, — признался он. — Мне больше по душе обычные люди со всеми их недостатками и достоинствами...

— Так-то оно так, — согласился киммериец. — Послушай, я сейчас залезу на дерево и посмотрю сверху, в какую сторону нам идти.

— Хорошо, — согласился Клагус. — Кстати, Конан, а где мы находимся?

— Кто знает? — пожал плечами варвар. — Вероятно, что где-нибудь на границе Аквилонии и Офира, точнее сказать не могу.

— Выходит, — радостно сказал трактирщик. — Мое заведение рядом! Наверно, всего в нескольких днях пути!

— Наверно, — подтвердил Конан, карабкаясь на вершину небольшого крепкого дуба. — Только учти, что вначале я спасу девушку, и только потом отправлюсь на пару-тройку дней отдохнуть в твоём трактире.

— Договорились, — огорченно кивнул приятель.

Забравшись на верхушку дерева, киммериец огляделся. Он искал место, где бы Лес начинал редеть, чтобы наконец покинуть его пределы. Увы, выход был лишь тот, через который Конан вступил на территорию Владыки.

— Что там?! — поинтересовался снизу Клагус.

Киммериец понимал, что бесконечным, уходящим далеко за горизонт этот Лес быть никак не может. Но все указывало именно на это. «Без магии здесь обойтись не могло, Владыка зачем-то упорно путает меня, — промелькнуло у него в голове. — То пугает, то заморочить пытается...»

— Где-то тут должна быть дорога, — задумчиво протянул Конан, внимательно обзревая окрестности.

— Конан! — внезапно заорал Клагус. — Конан, ко мне подкрадываются какие-то...

— Что случилось?

— О Боги! — завопил трактирщик. — Их тут больше дюжины!

— Кого? — поинтересовался киммериец, быстро спускаясь вниз. Когда до земли оставалось уже совсем немного, он спрыгнул. — Где они? Я никого не вижу.

— Твое появление заставило их скрыться. Но они были, поверь мне. Таких жутких тварей мне видеть еще не приходилось. Они походили на деревья, оживленные гневом и ненавистью, созданные для одной-единственной цели — убивать.

— Ладно, — махнул рукой Конан. — Сейчас их нет, и это главное. Так что пошли.

— Куда?

— Туда, — он указал прямо, в ту сторону, где Лес становился непроходимым. — Похоже, местный хозяин не хочет нас пускать именно туда, значит, наверняка, он там что-то прячет.

— Или это просто Лес становится гуще, — фыркнул Клагус.

— Ты со мной? — Дождавшись утвердительного кивка, киммериец заявил: — Мы идем, куда укажу я.

— Хорошо, — вздохнул Клагус. — Мы направляемся напрямик в лапы обитающим тут бестиям, на верную смерть, но я стойко переживу это...

Печальные прогнозы трактирщика не оправдывались. Постепенно Лес начал редеть, и они вышли на большую поляну, окруженную кустами с какими-то ягодами.

— Съедобны ли они? — пробормотал киммериец.

— Да, я знаю это точно! — отозвался Клагус, начиная поедать сочные плоды. — Названия их я не помню, но...

— Тогда привал, — распорядился варвар, присоединяясь к пиршеству. — Немного поедим... — Конана опечалило только отсутствие мяса, без которого он никак не мог насытиться.

— Вкусно, — проорчал трактирщик. — Все-таки оказалось, что есть в этом Лесу хоть что-то хорошее...

— Да, — согласился киммериец.

— Вот почему я предпочел разбойной жизни мир и покой, — заявил варвару приятель, разглядывая гроздь спелых красных ягод. — Мне надоели постоянные опасности, когда тебя могут убить в любой миг... Зачем все это, когда можно просто наслаждаться восходами и закатами, кра-

сотой природы, изысканностью блюд, милой женой...

Конан слушал его, не перебивая. Отчего-то его завораживали слова Клагуса, хотя он и не мог их принять. Для него счастьем был верный конь, острый меч в руке, могущественный враг, с которым нужно сразиться — и победить...

— Понимаешь, — говорил трактирщик, — мне надоело... И вот, когда я уже думал, что приключения в прошлом, появился этот старик и отправил меня сюда!

— Если киммериец не будет упрямиться, ты сможешь вернуться домой, — заметил Владыка Леса, появляясь, как всегда, неожиданно. — Нужно только заставить Конана понять, что, идя вперед, он рискует не только собой, но еще и тобой.

— Ты! — воскликнул Клагус. — Это ведь ты перенес меня сюда!

— Я, — улыбнулся старец. — Или же... тебе достаточно просто убить киммерийца, и ты вернешься к своим повседневным заботам!

— С кем это ты беседуешь, Клагус? — поинтересовался Конан.

— Он не видит меня, — сказал Владыка Леса трактирщику. — Ну, так что ты думаешь по поводу моего предложения? Учти, что я не только отпущу тебя к жене и детям, но и щедро награжу. Если захочешь, ты даже сможешь стать поводителем какого-нибудь небольшого королевства.

— Я не верю тебе, — прошептал Клагус.

— А ты поразмышляй, до ночи у тебя еще есть время.

— Но для чего тебе тогда потребовался я?

Ответа он так и не дождался.

— Ну вот, отдохнули, так что вперед! У нас сегодня еще дорога дальняя! — воскликнул Конан. — Что-то какой-то ты бледный, Клагус, неужели ягоды все-таки оказались ядовитыми?

— Нет, — покачал головой трактирщик.

За весь оставшийся день найти хотя бы дорогу, с которой киммерийца увел пушистый хищник, им не удалось. Под ногами уже начало противно чавкать, и Конан понял, что пора устраиваться на ночлег, пока они не забрели вглубь болота, которое неожиданно появилось на их пути.

Клагус боролся с собой. Ему мерещилось, что кто-то постоянно нашептывает ему одну единственную фразу: «Убей, киммерийца! Убей, и ты получишь все, что пожелаешь!..» С приближением ночи эта идея захватывала его все больше...

— Конан, — прошептал он, — давай повернем назад. Ты выведешь меня отсюда, а потом можешь отправляться спасать кого угодно.

— Нет.

Переубедить приятеля не получилось. Клагус понимал, что киммериец никогда не нарушит своего слова. Значит, остается единственный выход...

— Я что-то вижу, — прошептал он.

— Где?

— Там, — дрожащим голосом отозвался трактирщик. Пока Конан напряженно всматривался вдаль, Клагус незаметно достал нож, который всегда носил с собой. — Прости, — прошептал он, замахиваясь на киммерийца, не ожидавшего нападения со спины. По счастью, лезвие лишь едва оцарапало варвара.

— Кто? — взревел Конан, оборачиваясь. Увидев окровавленное лезвие в руках того, кого он считал своим другом, киммериец ударил его мечом по голове. Череп трактирщика не выдержал и лопнул, как сочная дыня.

— Вот ты и остался вновь один, — хохотнул Владыка Леса, взявшийся неизвестно откуда. — Печально, что Клагус не прикончил тебя.

— Ты! — холодно произнес киммериец. Гнев, переполнявший его, внезапно исчез. — Ты заплатишься за это!

— Вряд ли, — ухмыльнулся старец. — Да и разве я виноват в том, что Клагус решил предать тебя? Как будто я не оставлял ему иного выбора?!

— Я отомщу, — прорычал Конан. — Уничтожу и тебя, и то зло, которое идет вместе с тобой.

— Если выживешь, то воплотишь свою угрозу, — согласился старик. — Но я не допущу этого.

— Посмотрим, — прошептал варвар, глядя на кровь, которая, вытекая из мертвого тела Клагуса, смешивалась с болотной жижей.

— Заметь, это не я убил его, а ты!

— Мы, — глухо прошептал киммериец. — Ты

перенес его в свой Лес, заставил играть по тебе одному ведомым правилам...

Киммериец все говорил и говорил, не в силах остановиться, выплескивая все, что накипело на душе. Ему хотелось задушить Владыку, но он знал, что тот может погибнуть лишь вместе с источником своей силы, коим наверняка являлся Лес. Для себя Конан решил, что, если выберется, обязательно выжжет дотла это проклятое место.

Старичок уже давно исчез, и киммериец осознал, что Владыка достиг своей цели, заставив его бодрствовать вторую ночь кряду. Со смертью Клагуса Конан лишился своего верного сподвижника и друга. Но для чего Владыка отправил трактирщика в Лес, ведь Клагус никак не мог совладать с киммерийцем. Зачем же старик это сделал?

У Конана создалось впечатление, что Лес, как и сам его Владыка, безумен. Нигде больше во всем мире нельзя было найти столько нелепостей. Да и старичок вел себя как-то странно. То он предупреждает о готовящейся ловушке, то собственноручно желает прикончить киммерийца. Что-то тут не так.

Хотя, если посмотреть на это с другой стороны, Владыка Леса вначале не желал никаких смертей, но у него есть определенная договоренность с Борутой, — это объясняет часть загадок. Однако не все. Как быть с трактирщиком? Уж кто-кто, а он не имел к этой истории никакого отношения.

— Узри меня, смертный! — прервал его размышления чей-то рык. Мирно стоящее рядом с киммерийцем дерево вдруг зашевелилось. Раскидистые ветви обхватили Конана, сияясь раздавить его.

— Я слышал о таких, как ты, — прохрипел киммериец.

— Человек, нас осталось слишком мало в этом мире, — печально произнесло дерево. — Но, несмотря ни на что, мы продолжаем рисковать собой, выполняя волю хозяев.

Тиски, в которых оказался Конан, медленно сжимались. Киммерийцу едва удавалось сопротивляться их напору. Постепенно он выдыхался, а древо, наоборот, наливалось жизнью. Оно уже было готово добить свою жертву, когда внезапно остановилось.

— Что тебе надо? — недовольно поинтересовалось оно у пушистого зверька, угрюмо оскалившего клыки. — Я не отпущу его, не нарушу волю Владыки, понятно?

Маленький хищник вцепился в один из корней, разгрызая его. Закончив с первым, он приступил ко второму, третьему... Напрасно дерево пыталось поймать ловкого пушистого зверька, целеустремленно разрывающего его связь с землей.

— Задушу! — взревело оно, отбросив в сторону Конана. В тот же миг крохотный хищник отпрыгнул от дерева.

— Зря ты это сделал, оно все равно поймает нас, — прошептал киммериец.

Зверек, саркастически фыркнув, указал лапкой на корни, давая понять, что дерево не может передвигаться.

— Спасибо.

Вздыхнув, пушистый хищник сделал Конану знак следовать за ним. «Здорово, — подумал киммериец, — что в этот враждебном Лесу есть тот, кто может помочь, выручить, спасти...»

— Спасибо, — повторил он.

— Владыка не оставит тебя в покое, человек, он, превратив тебя в пыль, развеет по ветру! Или заставит гнить заживо! — надрывалось им вслед дерево. Но ни Конан, ни зверек не обратили на это внимания.

Они покинули разумное дерево, оставив неупокоенным труп Клагуса. Киммериец хотел закопать его, но мертвый трактирщик находился в опасной близости от живого дерева, которое второй раз явно не совершит той же ошибки и уже не выпустит жертву из своих смертельных объятий.

— Жаль, что ты не умеешь говорить. Представляю, сколько бы ты смог мне рассказать! — сказал Конан крохотному хищнику.

Ночь была еще в самом разгаре, и в отличие от предыдущей, в ней нашлось место звукам. Слышалось, как голосит какая-то ночная птица; мимо пробежал оборотень, охотясь на кого-то. Он не нападал на киммерийца, чувствуя, что тот сильнее.

— Вот я уже и привык к странностям этого Леса, — промолвил Конан.

Ближе к восходу зверек-проводник стал идти осторожнее, стараясь не шуметь. Киммериец последовал его примеру, понимая, что это наверняка неспроста. Они приближались к чему-то такому, что заставляло трепетать любого. Угроза витала в самом воздухе.

— Что там? — прошептал Конан.

Пушистый хищник раздраженно посмотрел сначала на него, потом на... Киммериец не поверил своим глазам... Как он сразу не увидел этот огромный замок? Сотни шпилей уходили ввысь, вонзаясь в небо; тысячи окон причудливых башен с высокомерием смотрели на мир.

— Здорово, правда? — спросил Мориус, вырастая, как гриб, из земли. — Да, силен наш противник.

— Кто хозяин замка?

— Борута, конечно, — ответил ученик чародея. — Он — само воплощения всемогущества в этих местах. Здесь бы он мог потягаться даже с богами.

— погоди! Ты, что, сразу мог сюда переместиться?

— Да, — подтвердил колдун. — Но одному мне с ним не справиться. А для того, чтобы перенести сюда тебя, я еще слишком слаб в магическом искусстве.

— Выходит, ты собираешься штурмовать замок вместе со мной? — ухмыльнулся Конан, погладив жмущегося к нему зверька.

— Да. Но запомни, мы должны победить Владыку Леса до сумерек, ибо если мы не успеем,

ты будешь подчиняться ему всю оставшуюся жизнь.

— Почему это?! — зарычал Конан. — А как же ты?!

— Только тот, кто провел в Лесу трое полных суток, становится навечно рабом колдуна. Таковы правила.

— И кто же их установил? — поинтересовался киммериец.

— Я промолчу. Все равно ты, не посвященный в тайны мироздания, не поймешь моего ответа.

— Получается, Борута все-таки не всемогущ, — задумчиво потянул Конан. — Тогда нам не стоит тратить попусту драгоценное время.

— Да, — согласился Мориус.

Казалось, окна-бойницы насмешливо смотрят на них. В их черных провалах разгорались задорные огоньки, будто они уже давно ожидают битвы, которую нес с собой приход киммерийца.

— Они любят смерть, — заметил ученик чародея. — Многие, очень многие погибли, пытались искоренить зло, поселившееся здесь.

— А что с девушкой, не мог ли колдун убить ее, пока я бродил по Лесу?

— Он не посмеет. Конечно, он может наложить на нее заклятье, превратить ее в какое-нибудь мерзкое существо. Но если мы уничтожим мага, к ней вернется первоначальный облик.

— Понятно, — кивнул Конан.

— Постой, — бросил ему Мориус. — У тебя есть план?

— Есть, — отозвался тот, стуча в ворота замка.

— Я верю в тебя!

— Спасибо, — отозвался Конан, наблюдая, как створки ворот медленно открываются. — Нас приглашают.

— Капкан! — воскликнул Мориус.

— Спокойнее, — отозвался киммериец.

Внутренние покои замка оказались под стать его внешнему виду. Они были такие же изящные, витиеватые, несущие в себе угрозу. Тут было полно устрашающего вида надписей. Однако они не произвели должного впечатления на Конана, внимание которого поглотили тысячи замысловатых лесенок, ведущих к запертым дверям.

— Куда дальше? — поинтересовался он.

— Куда угодно. В любом случае, мы доберемся до цели.

— И за каждой нас подстерегают смертоносные заклятья? — уточнил киммериец.

— Да, — сглотнув, подтвердил Мориус.

— Что ж... — промолвил варвар, с опаской приоткрывая первую дверь. За ней оказался коридор, в котором, на первый взгляд, не было никаких опасностей. — Возможно, он предпочел установить здесь какую-нибудь ловушку. Вроде воды, которая зальет все помещение, стоит только сделать неверный шаг...

— Все может быть.

Приготовившись уносить ноги, Конан наступил на одну из красных плиток, которыми был

вымощен пол. Ничего не произошло. Уже более уверенно, он пошел дальше.

Видя, что киммериец все еще жив, ученик чародея и крохотный зверек осторожно последовали за ним.

Они успели преодолеть половину коридора до видневшихся впереди ступенек, когда потолок окрасился зеленым и некто раздраженно произнес:

— Опять вы!

— Сейчас что-то произойдет, я чую сильную магию! — закричал Мориус. — Бежим!

— Стоять! — властно приказал голос. Ему невозможно было не подчиниться, но Конан, закрипев зубами, все-таки сумел сделать очередной шаг. Еле передвигая ставшие вдруг неподъемными ноги, он упорно шел вперед. Он не знал, сколько прошло времени, но вот чужая воля, сдерживающая его, исчезла.

— Кром! — закричал Конан.

От незримых пут освободился и ученик чародея.

— Как тебе это удалось? — недоуменно спрашивал он. — Как ты смог сопротивляться высшей магии, которую Борута использовал, накладывая защитные чары на этот проход?

— Значит, я боролся всего лишь с заклятьем, а не с самим колдуном?

— Правильно, — подтвердил Мориус.

До тронного зала, где их уже поджидал злой маг, путь оказался спокойным, им больше не встретились ни одна тварь, ни одно волшебство

не было наслано на них Борутой, который, похоже, решил покончить с ними собственноручно.

— Зачем губить верных слуг и тратить силы, когда гораздо проще будет разобраться с вами лично, — этими словами приветствовал их появление колдун. — Вы и так прожили непозволительно долго.

— Ты умрешь до заката! — воскликнул Конан.

— Пустая угроза. Ты даже не можешь подойти ко мне, — ухмыльнулся маг. — Вы оба в моей власти.

Киммериец метнул в него меч, который, почти достигнув головы Боруты, ударился о незримую стену и отлетел назад.

— Вот так-то, — ухмыльнулся злой маг, меняя облик. — Узнаешь? — Теперь на большом троне, стоящем в центре зала, сидел сгорбившийся старик, Владыка Леса. — Мы с ним едины уже многие столетия!

— Я предполагал нечто подобное, — невозмутимо отозвался Конан.

— И ты так спокойно воспринимаешь это? Опомнись, перед нами же величайший волшебник, справиться с которым может только равный ему по мощи маг, такой, как мой учитель! Мы против него никто! — воскликнул Мориус.

— Ты один раз уже пытался переубедить меня, — заметил варвар.

— Тогда я осознал, что мы делаем ошибку... Но потом все-таки присоединился к тебе, решив рискнуть.

— Теперь это не важно. Ты здесь, со мной, и мы вместе будем бороться против колдуна! — воскликнул киммериец.

— Как героически! — ухмыльнулся Бурута, Владыка Леса. — Через несколько мгновений мне придется покончить с вами, а мне так не хочется этого делать. Я вообще не люблю лишней крови. Я даже встретил тебя, Конан, на границе своего Леса и объяснил, что тебя ждет, если будешь упорствовать...

— Ты чуть не запутал меня!

— Возможно, — кивнул тот, — я ведь хотел отговорить тебя.

— Но зачем тебе, обладателю столь огромного могущества, потребовалось брать в плен девушку?

— Пожалуй, я отвечу на этот вопрос, — вздохнул Владыка Леса. — Было пророчество, в котором мне предрекли смерть от ее руки! Ныне же я не держу ее в неволе, напротив, я разрешил ей идти куда угодно. Правда, пришлось ее заколдовать, превратив в хищное существо, но ведь это такой пустяк!..

— Где она? — поинтересовался киммериец.

— Неважно, — расхохотался старец. — Я наложил на нее заклятье, которое потеряет силу только после моей смерти... А уничтожить меня может только она!

— Но почему ты не убил ее? — спросил Мориус.

— Если бы я это сделал, то любой смертный был бы способен прикончить меня. А этого я до-

пустить не могу, — Владыка Леса окинул их задумчивым взглядом. — Надеюсь, я ответил на все ваши вопросы?

— Нет! — быстро сказал Конан. — Зачем ты перенес в свой Лес Клагуса?

— Я предположил, что он сможет тебя переубедить. Но, увы, я неправильно оценил тебя с самого начала... Впрочем, это не имеет значения. Мне надоела наша беседа, так что вам пришла пора умирать!

В это время зверек, о котором все позабыли, спокойно преодолел барьер, выставленный Боротой, и вцепился колдуну в ногу.

— Ах ты!.. — закричал Владыка, взмахивая рукой. В тот же миг отважного пушистого хищника поразила молния.

— Бурута! — зарычал Конан, бросаясь на колдуна. Ему было все равно, что с ним будет в следующее мгновение.

— Остановись, он убьет тебя! — кричал ему вслед Мориус.

Но киммериец жаждал крови и не собирался себе в этом отказывать. Либо он расправится с Владыкой Леса, либо тот уничтожит его.

— Невозможно! Смертный неспособен убить Бороту! — воскликнул ученик чародея, когда меч Конана пронзил злого мага, как нож масло. — Как у тебя это получилось?!

— Не знаю... — Кровавый туман еще застилал варвару взор, требуя новых жертв. — Он даже не пытался сопротивляться. Все произошло слишком быстро.

— Верно, — согласился Мориус, наблюдая, как останки Боруты охватывает очищающее пламя.

— Владыки Леса больше нет!

— Не совсем так. Он есть, и это кто-то из нас, — грустно отозвался юный чародей. — Не хочу я быть повелителем Леса. Хорошо бы, если бы им стал ты, Конан!

— Но почему, это же такая власть?!

— Я боролся с ним не ради силы. Он похитил мою сестру, девушку, которую ты обещал спасти из плена.

Пока они говорили, рана на теле зверька, убитого колдуном, стала затягиваться, и легкая дымка тумана укрыла его от глаз людей.

— Что происходит? — спросил Конан.

— Магия, — улыбнулся Мориус. — С гибелью Владыки исчезло и его волшебство.

— Магия, — эхом отозвалась девушка, стоявшая там, где еще миг назад лежал трупик пушистого хищника.

— Морала, сестра, ты жива! — радостно закричал ученик чародея.

— Да, — рассмеялась она. — Какое же это счастье, быть по-настоящему живой!

Конан смотрел на них, и на душе у него было легко и светло. Девушка, спасенная им, лучилась добротой и силой. Возможно, она сама еще не понимает этого, но Лес уже признал ее своей хозяйкой. Она будет достойно справляться с возложенной на нее ответственностью, — в этом киммериец был уверен.

— А ты чего хочешь, Конан? Я выполняю лю-

бое твое желание, на которое у меня хватит сил! — произнес Мориус.

— Ничего не надо, — вздохнул тот. — Скажи лишь, почему ты обратился за помощью именно ко мне, ведь твой учитель не уступал по магической силе этому злодею Боруте?

— Большая мощь накладывает огромные обязательства. Он не вмешивается в мирские дела, боясь нарушить хрупкое Равновесие.

— Что ж, — поклонился киммериец. — Тогда прощайте.

— До свидания, — откликнулся со слезами на глазах Мориус. — Запомни, что где бы ты ни был, ты всегда можешь рассчитывать на нашу с сестрой помощь. Только позови, и мы придем!

— Спасибо.

Стоило ему покинуть пределы замка, как он увидел своего скакуна, дожидавшегося хозяина.

— Зверюга! — обрадовано воскликнул Конан. — Я и не ожидал, что ты сможешь тут уцелеть! Ну, а теперь нам пора в путь...

Вокруг расцветал пестрыми добрыми красками некогда черный, пасмурный Лес. Сама природа радовалась приходу новой Хозяйки, которая не станет заставлять мирные древние деревья охотиться на людей и не будет вызывать из тьмы веков демонов, чтобы те пугали живых...

— Нет, — сказал себе Конан. — Я не буду сжигать этот Лес, как собирался. Ведь пока жива Морала, зло не посмеет показаться тут!

Роза Жизни

Ронан приготовился к бою. На сей раз на пути у него встали члены Братства Смерти. Киммериец подозревал, что этих бойцов против него послали черные колдуны, но точной уверенности не было, что, впрочем, его не особо печалило. Подумаешь, новые враги! Скольких он уже уничтожил за свою жизнь!..

— Приготовься отправиться в священные Серые Пределы! — воскликнул один из воинов Смерти. Как и остальные его товарищи, он был облачен в длинный черный балахон, а в руке его красовалась кортелас, меч с тяжелым широким искривленным лезвием.

Конан молча наблюдал за своими противниками, которых с каждым мгновением становилось все больше. «Зря все-таки я полез в этот монастырь, — вздохнув, подумал киммериец. — Уж слишком много защитников тут оказалось!

Но кто же знал об этом заранее?! Впрочем, если мне удастся выбраться отсюда живым и доставить магическую Розу Жизни волшебнику Асулусу, который ждет меня в шемитском городке Туврэке, то я получу неплохой куш...»

Но как бы ни были приятны эти размышления, суровая действительность вносила в них свои поправки. Четверо братьев Смерти решились на атаку. Они напали одновременно, воздев мечи, которые должны были разрубить киммерийца на несколько частей. Однако Конан оказался быстрее. Он взмахнул клинком, срубив голову одному из противников.

— Так-то, — ухмыльнулся киммериец. Но радоваться ему явно было преждевременно. Несколько десятков воинов уже спешили на помощь своим товарищам.

Заревев, словно раненый зверь, Конан рванулся в самую гущу побоища, надеясь проскользнуть сквозь толпу, когда озверевшие братья, пытаясь достать его, начнут рубить своих же дружков. Его задумка удалась, и вскоре киммериец уже оказался за воротами монастыря. Сзади слышался шум погони, но это его не беспокоило. Конана был уверен в том, что ему удастся уйти.

— Спасибо, Кром! — воскликнул он, салютуя небу.

Вскочив на своего верного скакуна, киммериец послал его вскачь. Скорей к чародею Асулусу за обещанной наградой!

Ветер овеивал Конана, даруя удивительное

пьянящее чувство свободы и беззаботности, веры в свою избранность и непобедимость. Он ощущал себя подобным богам, всесильным и могущественным. Он знал, что для него нет ничего невозможного, нужно лишь стремиться к своей цели и во что бы то ни стало не сворачивать с выбранной однажды дороги. И все получится!

— *Остановись*, — внезапно прервал размышления киммерийца бесплотный голос Асулуса, раздавшийся прямо из воздуха. Это не удивило Конана: в их век чародеи были способны на многое. — *Не продолжай путь в Туврэк.*

— Почему?

— *Меня убили враги. И ныне я ухожу из этого мира. Тебе же оставляю тяжелую ношу — Розу Жизни. Спрячь ее подальше. И забудь, если сможешь, о ее существовании. Прости меня, герой!*

— Но... — киммериец растерялся. Почему волшебник просит у него прощения? Не потому же, что не смог заплатить за талисман?

— *Я ухожу*, — повторил Асулус.

Конан, вздрогнув, очнулся. Ветер все так же бил ему в лицо, но теперь все было по-другому. Дурманящее ощущение свободы исчезло, сменившись смутной тревогой. Киммериец не боялся опасностей, но сейчас чутье говорило ему, что нарываться на неприятности в этот раз не стоит. Лучше всего было бы последовать предсмертному предостережению чародея и отправиться в другую сторону, подальше от Туврэка.

— Нет, — прошептал он. — Я все-таки выясню, что представляет собой эта Роза!

Сонм вопросов теснился в его голове, ни на один из которых варвар пока не знал ответа. Впрочем, Конан был уверен, что все прояснится, когда он достигнет Туврэка. Он никогда не уходил от схваток, и всегда его смелость оправдывала себя, вот только не будет ли она в этот раз равняться безразсудству?

На скаку киммериец вытащил из кошель на поясе небольшую изящную золотую вещицу, Розу Жизни. Она ярко вспыхнула в лучах солнца, заставив Конана невольно улыбнуться. Что-то ведь значила она для Асулуса... Но что? Маг называл ее талисманом, так как же ее тогда можно использовать? Что она такое?

Фыркнув, Конан затряс головой. Какая разница! Главное для него — получить за Розу деньги, все остальное — не в счет... Но что будет если она попадет не в те руки? Не произойдет ли чего-нибудь ужасного?

— Что-то над очень уж странными вещами я стал задумываться в последнее время, — пробормотал он. У варвара создалось впечатление, что кто-то пытается им управлять. Но для чего? Киммериец зарычал: он никому не позволит себя использовать! «А что, если этот загадочный некто желает тебе добра?» — ехидно спросил внутренний голос. «Все равно! — упрямо подумал Конан. — Я никому не буду подчиняться!»

Тем временем близился закат, и пора уже было подумать о ночлеге. На пути в Туврэк был небольшой постоялый двор «Добрая кухня», в котором киммериец уже останавливался не один

раз. Там ему нравилась не только вкусная еда, но и хозяин по имени Гай Дзи, всегда находившийся в радужном настроении. Даже если ему самому есть нечего, он вечно веселился.

Стоило только Конану показаться близ двухэтажного заведения Гая, как рядом очутился расторопный конюх, который тут же переложил на себя все заботы о его скакуне. Киммериец даже не считал нужным проверять, хорошо ли устроен его конь, зная, что у Гая Дзи в этом отношении всегда порядок.

— Приветствую! — воскликнул Конан, входя в полутемный зал, в котором никого, кроме хозяина, не было.

— Здравствуй, друг! Как твои дела? Я думал, что ты сейчас где-то то ли в Аквилонии, то ли в Зингаре... — произнес Гай Дзи. — Впрочем, что это я? Прежде чем расспрашивать, надо сперва накормить тебя! Ты, верно, голоден?

— Угадал, — подтвердил киммериец, разглядывая отошавшего с их последней встречи хозяина «Доброй кухни». Лицо Гая, прежде всегда такое розовошее, полное жизни стало каким-то бледным, серым. — Что случилось?

— Ничего, — трактирщик печально улыбнулся. — Все хорошо.

— Точно? Мне кажется, что у тебя какие-то неприятности.

Гай Дзи оценивающе посмотрел на него.

— Ладно, расскажу. Тем более, кто-нибудь тебе все равно об этом поведал бы.

— Ну? — нетерпеливо спросил Конан.

— Поселилось ныне в Туврэке зло. Оно подчинило себе весь город, сделав жителей своими рабами. Постепенно его сила растет. И ему подчиняются все большие территории. Вполне возможно, что скоро я вынужден буду уехать отсюда, чтобы не превратиться в невольника.

— Все настолько плохо?

— Да. Даже хуже. Как только не стало мага Асулуса, сразу и началось... — трактирщик замолчал, прислушиваясь к чему-то.

Непроизвольно киммериец последовал его примеру. Но ничего не услышал, кроме обычных ночных звуков. Он уже собирался спросить хозяина «Доброй кухни» о том, что того насторожило, но когда варвар обернулся, то на месте Гая Дзи обнаружил какого-то странного зеленого коротышку.

— А где Гай?

— Конан из Киммерии, рад с тобой встретиться! — сказал уродец.

— Где Гай? — сердито повторил киммериец. Почему-то ему очень не понравился карлик. Что-то в нем было отталкивающее, и дело не только в необычном цвете кожи...

Пожав плечами, коротышка спрыгнул со скамьи и направился на второй этаж.

— Эй, — окликнул его Конан. — Ты кто такой?

Не получив ответа, киммериец рассвирепел. Пробормотав что-то нелицеприятное, он, не вытаскивая из ножен меч, рванулся к наглому уродцу, с которым рассчитывал справиться с легкостью. Однако карлик оказался не так прост.

— Тебе не одолеть меня! — смеясь, воскликнул он.

Конан ударил кулаком, целясь тому в голову. Но мерзкий коротышка, отступив, остался невредим.

— Что ты можешь противопоставить мне, а? — ехидно спросил он.

— Убью! — ярость переполняла киммерийца. Но сколько он ни пытался поймать шустрого карлика, ничего не получалось. Уродец каждый раз уходил от него.

— Ну, знаменитый варвар, теперь ты, надеюсь, осознаешь, что справиться со мной не сможешь?

— Колдовство! — воскликнул Конан.

— Правильно, — кивнул тот. — Убить меня не в твоих силах, я же одним движением мизинца могу уничтожить тебя, превратив, к примеру, в жабу. И я воплощу свою угрозу, если ты немедленно не отдашь мне Розу Жизни!

— Откуда ты знаешь, что Роза у меня?

— Это не имеет значения.

Похоже, неприятности, которые предсказывал Асулус, уже начались. И, вероятно, не закончатся, пока киммериец не избавится от Розы. Так, может быть, стоит отдать талисман коротышке?

— Решай быстрее, время не ждет, — поторопил тот.

Бешеная ярость, владевшая Конаном, внезапно превратилась в холодный гнев. Кто-то посмел угрожать ему?! Этот колдун-карлик слишком много о себе возомнил! Извечная неприязнь

киммерийца к волшебству придала ему ловкости и, совершив отчаянный рывок, он неожиданно сумел ухватить за шкурку наглеца, не успевшего в этот раз ускользнуть.

— Послушай, — обманчиво мягко произнес Конан. — Я хочу тебе объяснить. Да, Роза Жизни у меня, но уж тебе-то она точно не достанется! Я распорядюсь ею так, как сочту нужным.

— Тебе не позволят, — прошипел уродец. — Слишком многие охотятся за этой вещицей. Кто-то из нас обязательно доберется до тебя, и тогда...

Его заставила замолчать хлопнувшая дверь. В трактир вошли семеро здоровяков в черных балахонах. «Старые знакомцы! — признал киммериец тех, у кого похитил Розу. — На удивление быстро они нашли меня.»

— Ты здесь! — нехорошо улыбнувшись, произнес один из них, заметив Конана. В тот же миг в руках братьев Смерти появились их излюбленные искривленные мечи — кортеласы.

— Я же говорил, что тебе так или иначе придется расстаться с волшебной вещицей. Да и зачем она грубому варвару? Еще не поздно отдать ее мне! — воскликнул карлик.

Киммериец не обратил внимания на его слова, сосредоточившись на готовящейся схватке. Семеро братьев, с которыми ему через миг предстояло скрестить мечи, выглядели серьезными противниками.

— Это будет хорошая драка! — воскликнул Конан, устремляясь на врагов.

Множество раз мечи скрещивались друг с другом и со звоном разлетались в разные стороны. Шло время, киммериец с трудом отбивал сыпавшийся на него град ударов. Более не помышляя о победе, он ушел в глухую оборону. Еще в самом начале боя, он осознал, что даже с одним из братьев справиться будет непросто, а уж с семьей... Должно быть, обитатели монастыря бросили в погоню за вором своих лучших бойцов... Постепенно силы Конана таяли. Еще чуть-чуть, — и братья одержат над ним победу...

— Сдавайся! — приказал один из воинов.

— Нет! — Киммериец и сам не знал, как он, обессиленный, вымотанный, сумел вдруг атаковать противников. Превратившись в смертоносный вихрь, он принялся рубить врагов, которые вынуждены были отступать под его неистовым напором. Шаг за шагом, он прижимал их к стене, уменьшая место для маневров. Сотня ударов сердца, — и все было кончено. Воины Смерти в страхе бежали прочь, обливаясь кровью от многочисленных ран.

— Неплохо, — заметил карлик. — Но это было только начало. Сможешь ли ты победить весь их орден? И учти, они лишь одни из той бесконечной череды существ, стремящихся к обладанию Розой Жизни.

— Но зачем она вам нужна? — После схватки киммериец немного остыл и был более расположен к мирным беседам.

— Любой колдовской талисман в руках мага — нешуточная сила. А такой, как этот, тем более!

— Но что именно он делает?

— Вот об этом тебе знать не следует, — ухмыльнулся коротышка. — Ладно, мне пора, но если ты передумаешь и решишь добровольно отдать Розу Жизни, то...

— Можешь не продолжать, — отмахнулся Конан, погруженный в мрачные думы. Похоже, на сей раз придется изрядно повозиться, чтобы выбраться из этого приключения не только живым, но и хоть с какой-нибудь прибылью...

— Не хочешь слушать — пожалуйста, — недоброльно сказал карлик. — Но хотя бы запомни одно слово «Тулуоз».

— Тулуоз? — непонимающе уставился на него киммериец.

— Так меня зовут.

Не успел Конан задать новый вопрос, как Тулуоз, сбежав по лестнице, покинул трактир.

— А вот и я! — воскликнул Гай Дзи, появляясь из кухни с подносом, на котором возлежал небольшой зажаренный поросенок. Там же стоял и приличных размеров кувшин вина.

— Спасибо, — поблагодарил киммериец, приступив к еде.

— Не за что, — отмахнулся трактирщик. — Ты мне лучше вот что скажи: почему здесь кругом кровь?

— Явились какие-то смутьяны, буянили, пришлось успокаивать, — с набитым ртом пробормотал варвар. Его сейчас куда больше интересовало содержимое тарелки, нежели разговоры с приятелем.

— Надеюсь, никто не погиб? Я не хочу, чтобы о моем заведении пошла дурная слава.

Что-то промывав в ответ, Конан сделал добрый глоток вина. Живительная жидкость обожгла горло и в желудке тут же приятно потеплело. Сытный ужин и вино развязали язык киммерийцу и он, не думая о последствиях, принялся рассказывать о своей последней добыче.

— ...Роза Жизни, всем она для чего-то нужна... И только я не понимаю ее ценности! Хотя бы кто-нибудь просветил меня... — закончил он.

И внезапно, даже не договорив, с громким храпом повалился на стол и погрузился в тревожный сон.

— Вот так-то. Снотворное зелье из листьев кураты не подвело меня и в этот раз, — удовлетворенно прошептал Гай Дзи, обыскивая приятеля. Довольно быстро трактирщик сумел найти Розу Жизни. — Вот она! — воскликнул он, кладя талисман себе в кошель. — Такая вещица, наверняка, заинтересует Великого Господина, поселившегося в Туврэке!

Киммериец, ничего не замечая вокруг себя, провалился в беспокойном забытии до полуночи. Ему снилось, что гигантская Тень накрывает мир. И чем дольше Конан бездействует, тем могущественнее Она становится.

— Я останавливаю тебя! — закричал он во сне.

И проснулся.

Вокруг не было и намека на опасность. Но от чего-то киммерийцу стало не по себе. Как будто, пока он спал, произошло нечто очень важное.

— В чем же дело? — задумчиво потянул он. На первый взгляд, ничего не изменилось. Он все еще находился в «Доброй кухне», залитой кровью братьев Смерти. Но что-то было не так.

Роза Жизни! Конан быстро проверил, на месте ли она. «Украли!» — заскрежетал он зубами.

«А может, это и к лучшему? Больше не будет мороки с этой магической штуковиной... Нет, такого оскорбления простить нельзя. Дело даже не в деньгах! Я должен вновь отыскать талисман! — сказал себе киммериец. — Я прекращу поиски только тогда, когда буду уверен, что Роза попала в достойные руки!»

Придя к такому решению, Конан выскочил на улицу.

— Гай Дзи! — позвал он.

На его крик вышел сонный конюх. Протирая кулаками глаза, он поинтересовался:

— Чего желает добрый господин в столь поздний час?

— Где Гай?

— Уехал куда-то, — слуга пожал плечами.

— Приведи поскорее моего скакуна, я сейчас же отправляюсь в путь! — распорядился киммериец.

— Может, вам стоит переночевать в трактире? В округе, говорят, завелась какая-то опасная тварь. Нападает в основном на одиноких путников. Так что я бы не советовал вам...

— Я еду, — твердо произнес варвар.

— Воля ваша, — бросил конюх, подводя Конану его скакуна.

Вскочив на коня, киммериец пришпорил его, пуская в резвый галоп. Конан решил продолжить свой путь в Туврэк. Нечто подсказывало ему, что то Зло, которое он видел во сне, обосновалось именно в этом небольшом шемитском городе.

По известным каждому охотнику приметам, киммериец вычислил, что Гай Дзи едет впереди него. Но что трактирщику понадобилось в Туврэке? Ведь еще вчера он говорил о том, что надо держаться как можно дальше от этого проклятого места!

А что, если это Гай похитил Розу Жизни? Кто еще, кроме него, мог так легко вначале опоить киммерийца, а потом обокрасть его? Но зачем? Ради наживы? Никогда Конан не замечал за добродушным Гаем Дзи такой алчности и подлости. Впрочем, люди меняются. Вполне возможно, что Гая подчинило себе Зло, пришедшее в Шем со смертью Асулуса.

Может быть, киммериец и не стал бы отправляться в Туврэк, если бы Зло, воцарившееся там, не нанесло оскорбление ему лично. *Некто* позволил себе обворовать Конана, вместо того, чтобы договориться миром! Конан недолюбливал любые проявления колдовства, — и тем не менее, не раз выполнял поручения чародеев. Поэтому само по себе то, что в Туврэке появился новый маг, не взволновало киммерийца. Но...

— Я никому не позволю так обращаться со мной!

Вдруг скакун Конана резко остановился, чуть

не скинув своего наездника. Конь отказывался двигаться дальше, мотая головой и в ужасе пятясь. Что-то устрало обычно не столь пугливого жеребца, привычного к крови и сражениям.

— Уж не та ли тарь, о которой предупреждал конюх, встала на моем пути?! — угрожающе вскричал киммериец.

На ночном небе маячили месяц и звезды, в свете которых Конан сумел разглядеть красного, точно демон ада, чешуйчатого великана. В руках гигант держал здоровенную дубину, которой небрежно поигрывал.

— Ты едешь по *моей* дороге! — заявил тот.

— Вот как? — отозвался киммериец, доставая из ножен свой широкий меч.

— Хочешь сразиться со мной? — расхохотался великан.

— Я много раз бился с порождениями Тьмы. И всегда выходил победителем, — заметил Конан.

— Посмотрим, будет ли на этот раз удача на твоей стороне!

Клинок киммерийца, встретившись с оружием гиганта, жалобно звякнув, сломался. Конан удивленно посмотрел на остатки своего меча, сделанного из лучшей стали, которую только можно было найти во всей Хайбории.

— Вот и все! — закричал великан, замахинаясь для последнего смертельного удара. Его красные чешуйки играли в лунном свете, чаруя своей дьявольской красотой.

«Еще миг и меня не станет, — как-то отстра-

нено подумал киммериец. — Но надо уходить на Серые равнины, как подобает воину!» Высоко подняв голову, он принялся дожидаться, когда дубина гиганта переломит ему хребет. На то, чтобы отскочить, не было времени. «Что ж, я прожил достойную жизнь и смело встречусь взглядом с божественным Кромом!» — сказал себе Конан.

Однако время шло, а ничего не происходило.

— Почему ты медлишь? — спросил киммериец.

Взвыв, красный великан пошатнулся. Его лицо исказила мука. Что-то явно причиняло ему боль, и он ничего не мог с этим поделать. Внезапно, прямо на глазах у изумленного Конана, гигант принялся разваливаться. Сначала отлетели руки и ноги, потом скатилась с плеч голова. То, что осталось от грозного великана, еще некоторое время двигалось в произвольных конвульсиях. Потом все затихло.

Больше пока ничего не угрожало жизни киммерийца, — однако его терзал вопрос, кто же убил красного гиганта? В то, что он умер естественной для подобных существ смертью, Конан не верил ни на миг. Тут явно было замешано волшебство, и...

— Эй! Есть здесь кто-нибудь!

В ночной тишине не раздалось ни шороха.

Конан покричал еще некоторое время, в надежде, что тот, кто его спас, откликнется.

— Я не знаю, почему ты не хочешь выходить. Но, как бы там ни было, помни — я теперь твой должник! И если я тебе потребуюсь, ты всегда

можешь рассчитывать на меня! — крикнул киммериец напоследок.

— Ох, я уж думал, что ты никогда этого не произнесешь, — сказал, выходя на свет, зеленый карлик Тулуоз, с которым Конан уже встречался в «Доброй кухне». — Трудно было сидеть смирно и дожидаться, когда ты поклянешься помочь своему спасителю... то есть мне.

— Что?! — зарычал варвар.

— Не злись понапрасну. За тобой должок, и никуда тебе от этого не деться.

— Чего ты хочешь?

— Неплохо было бы, если б ты помог мне добыть Розу Жизни. Видишь ли, теперь тебе, связанному клятвой, я могу сказать правду. Дело в том, что в тебя вселился дух Хранителя Розы — Асулуса. И только он, с помощью твоего тела, может решить судьбу талисмана.

— Но если Асулус — Хранитель, как тогда Роза Жизни попала в монастырь Братства Смерти? И почему Асулус нанял меня, чтобы ее вернуть? — недоуменно поинтересовался киммериец.

— Воины Смерти, выкрад талисман, оказались не в силах им воспользоваться. Вот если бы Хранитель отдал Розу им добровольно, тогда другое дело... Случилось же следующее: рассвирепев, старшие из братьев воспользовались черной магией и наложили на талисман заклятье. Первый же колдун, дотронувшийся до него, был бы обречен. Ты, однако, самый обычный варвар, ничего не смыслящий в великом искусстве чародейства! Посему Роза для тебя безвредна.

— Но это значит, что едва ты прикоснешься к талисману, сразу умрешь?

— Ничего подобного! Понимаешь, ты сейчас — сосуд для души Асулуса. А он маг! Ты — нет! Эта дилемма оказалась неразрешимой для заклинания братьев, и оно уничтожилось само собой!

— Постой, — озадачено протянул киммериец. — Но ведь сам Хранитель, конечно же, к ней бы притронулся! И погиб?!

— Да, — кивнул Тулуоз. — Но ты забываешь, что Асулус был магом. Он предчувствовал свою скорую гибель, еще когда нанимал тебя.

— Выходит, я всего лишь пешка в чужой игре! — рассвирепел Конан. — Не удивлюсь, если того красного великана создал ты, чтобы хитростью добиться от меня обещания помочь тебе! — горечь сквозила в его голосе.

— А ты догадлив, — ухмыльнулся карлик. — Впрочем, ты уже дал слово. А вы, киммерийцы, никогда не нарушаете своих клятв.

— Если только они не вырваны у нас обманом!

— Замечу, что чешуйчатого гиганта действительно сотворил я. Но, пойми, я подарил ему свободу. И если бы ты не отправился в Туврэк, а поехал, скажем, в Эрук, то ваша встреча с великаном могла бы и не состояться. Я же спас тебя по всем правилам. Так неужто после всего этого ты откажешься добыть для меня Розу Жизни?

— Нет, не откажусь! — рявкнул Конан, осознавая, что в безумной логике Тулуоза есть свой

смысл. — Но учти: после того, как талисман окажется у тебя, я больше не буду связан никакими обетами! И мне ничто не помешает тебя убить.

— Меня это вполне устраивает, — с довольным видом произнес зеленый коротышка. — Когда я стану обладателем Розы, только боги смогут одолеть меня!

Обдумывая все происшедшее на пути в Туврэк, киммериец осознал, что у него осталось еще немало вопросов. Хотя, Конан не сомневался, что в ближайшем будущем получит на них ответы.

Когда впереди замаячила невысокая, но крепкая городская стена, варвар обернулся к своему спутнику.

— Перед тем, как мы проникнем в город, — он указал на Туврэк, затянутый черной дымкой, — я должен тебя кое о чем спросить.

— Давай, — кивнул Тулуоз, зябко поежившись. От земли словно бы исходили эманации Зла. Они проникали в самое сердце, проникали глубоко в тайные мысли, вытаскивая на поверхность всю ту грязь, которая живет в каждом человеке.

— Кто он, Черный Владыка Туврэка? И у него ли сейчас талисман?

— У него, у верховного жреца Сета.

— А кто еще охотиться за Розой Жизни?

— О, многие, — всплеснул руками коротышка. — Но представляют серьезную опасность только трое. Это мы с тобой, поклонники Сета и Братство Смерти.

— Однако в любой миг могут появиться и другие охотники за талисманом?

— Вряд ли, — уродец покачал головой. — Братство и поклонники Отца Тьмы наверняка уже уничтожили всех соперников. Я даже не удивлюсь, если змеепоклонники и воины Смерти объединят свои усилия в борьбе против нас.

— Но зачем? Разве мы вдвоем — такая уж серьезная опасность для них?

— Я — могущественный маг, а ты — человек, избранный богами для многих свершений. Если кому и под силу выйти победителями из этой схватки, то это только нам.

— Приятно слышать, — вздохнул киммериец, хмуро поглядев на виднеющийся вдалеке Туврэк. Когда он был здесь в прошлый раз, городок произвел на Конана благоприятное впечатление. Приземистые домики плотно лепились друг к другу, узкие улочки были на удивление чисты, местные жители не испытывали обычной к чужакам неприязни, — наоборот, все они были вежливы и любезны. И вот теперь в эту обитель покоя и умиротворения вторглось Зло, отравляющее своим присутствием землю.

— Прежде чем мы войдем в Туврэк, нам надо бы скрыть свою внешность, — предложил Тулуоз. — Мы слишком отличаемся от тех, кто живет там сейчас. Нынешнее население полно гнева и злобы. Лица людей перекошены ужасом. Едва мы переступим черту города, как нас тут же уничтожат. Чтобы этого не допустить, я сотворю небольшое колдовство.

Конан хотел было возразить, но коротышка уже начал творить свое заклятье. Киммериец осознавал, насколько опасно прерывать чародейство. В таких случаях оно выходит из-под контроля и может натворить больших бед, — это он знал на богатом личном опыте.

— Так-то! — воскликнул преобразившийся Тулуоз. Его было не узнать. Вместо хитрого карлика появился злобный коротышка, пышущий ненавистью. — Жаль, я не могу увидеть сам себя, — он даже расстроился. — Но если я хоть в половину настолько же ужасен, как ты, Конан, то я добился желаемого результата!

— Неужели я выгляжу страшнее обычного?

— Намного, — отозвался карлик. — Так, теперь тебе нужен клинок, ведь не могу же я тебя без оружия отправить в такое опасное место как Туврэк? — Он что-то воскликнул на непонятном киммерийцу языке, сотворив прямо из воздуха широкий меч.

— Теперь мы наконец можем ехать дальше? — спросил киммериец, осматривая новый клинок, похожий как две капли воды на тот, который сломался в битве с краснокожим великаном.

— Да, — кивнул уродец. — Когда мы окажемся там, постарайся не ввязываться в драки, пока мы не достигнем храма Сета.

— Откуда здесь взяться его храму?

— У Сета во всех городах есть последователи. И уж змеепоклонники наверняка построили, если не на поверхности, то под землей, святилище Отца Тьмы.

Он прав, отметил про себя Конан. Что ж, теперь ему предстоит пробраться в логово гигантского Змея, похитить оттуда Розу Жизни, порубить по дороге несколько дюжин врагов. И всего-то!...

— Погоди-ка, — вдруг окликнул карлика киммериец, — ты только что сотворил заклинание... Но не почувствовали ли твою магию жрецы Сета?

— Вряд ли, — покачал головой Тулуоз. — Здесь в этих краях постоянно кто-то колдует.

В угрюмом молчании они подходили к воротам, за которыми их ждала неизвестность. Стоило только им войти в город, как они ощутили на себе гнет обжигающих, ненавидящих взглядов. Новый Туврэк, более чем что-либо виденное Конаном за свою богатую приключениями жизнь, напоминал преисподнюю.

— Кром, — пораженно прошептал киммериец.

Злоба, поселившаяся в сердцах местных жителей, была направлена не только на них с Тулуозом, как ему показалось сначала, — она распространялась на всех и вся.

— Эй, вы! — крикнул им какой-то мужчина, в котором Конан далеко не сразу признал Гая Дзи. Он сильно изменился с их последней встречи. Трактирщик настолько похудел, что напоминал скелет. Одежда была грязной и рваной. — Я к тебе обращаюсь, грязный варвар!

— Ты! — взревел Конан. Гнев переполнил его, заставляя забыть об осторожности. Обнажив клинок, он подскочил к уродливому тощему челове-

ку, которого долгое время знал как хозяина «Доброй кухни». Мышцы вздулись на руках киммерийца, он взмахнул мечом, разрубая пополам не успевшего отскочить наглеца. Варвар понимал, что тот, кого он только что убил, уже не был человеком, став одним из верных прислужников Тьмы.

— Эх, все мои усилия пропали даром, — расстроено произнес Тулуоз, заметив спешащих к ним змеепоклонников.

Ярость все еще не покинула Конана, когда он заметил новых врагов.

— Подходите, и вам достанется! — закричал он.

Служители Сета напали всем скопом.

— Бежим! — завопил карлик, но киммериец, не собиравшись отступать. Завертев мечом, он ринулся навстречу противникам. Тяжелый клинок пронзал тела последователей Отца Тьмы. Но на смену поверженным тут же вставали новые бойцы.

Выругавшись, Тулуоз забормотал какое-то заклятье. Если бы только Конан не ввязался в драку с этим скелетоподобным типом, все было бы хорошо!.. Они беспрепятственно дошли бы до храма Сета и забрали бы Розу Жизни. Может быть, им даже удалось бы обойтись без кровопролития. Теперь же все висело на волоске. Киммерийца сейчас неминуемо убьют, и тогда, даже если Тулуозу удастся похитить Розу Жизни, то бесценный талисман станет для него обычной драгоценной безделушкой, пока карлик не найдет того, кому суждено стать новым Хра-

нителем. Поиски же могут занять столетия, если они вообще увенчаются успехом!..

Небольшие огненные шары вылетели из рук коротышки. Они врезались в змеепоклонников, превращая их в прах. Но Тулуоз осознал, что перебить всех противников им не удастся. Скоро здесь появятся старшие жрецы Сета, так что киммериец обречен... Однако, даже понимая, что ему не спасти Конана, карлик продолжал сопротивляться, бороться с неизбежным. Нельзя допустить смерти варвара!..

— А вот и жрецы! — крикнул Конан, заметив приближающиеся красные балахоны. В разных странах служители культа гигантского Змея носили одежды разных цветов, скрывались под множеством ликов, но черная суть Зла везде оставалась одинаковой. — Идите же сюда, порождения Тьмы!

— Не убивайте варвара! — распорядился верховный жрец. — Я чую в нем дух Хранителя Розы. Он станет славной жертвой нашему великому богу!

— Владыка, а что делать с карликом?

— Уничтожьте его, — повелел тот.

— Значит, они пока не собираются убивать киммерийца... — радостно пробормотал Тулуоз. Собравшись с силами, он выкрикнул заклинание — и исчез.

Меж тем несколько дюжин стражников подскочили к сопротивляющемуся Конану. Его клинок продолжал крушить врагов, но... Один из служителей Сета неожиданно прыгнул на ким-

мерийца. Просвистел меч, пронзив черное сердце... И тут же, воспользовавшись тем, что Конан замешкался, выдергивая оружие из тела бьющегося в конвульсиях врага, несколько противников кинулись к нему. Не успел киммериец опомниться, как он уже был связан прочными веревками из змеиной кожи.

— Когда принесете его в храм, сразу тащите на алтарь. Он умрет во славу Отца Тьмы! — иступленно закричал верховный жрец.

— О, Отец Тьмы все наши дела во имя Тебя! — поддержал его хор младших служителей.

Скривившись от отвращения, Конан наблюдал эту сцену. Ярость по-прежнему горела в душе, заставляя воина снова и снова пытаться разорвать путы.

— Ничего не выйдет, варвар! Заклятья Змеи не разрушить грубой силой, — со смехом заметил верховный жрец, наблюдая за его потугами.

— Я доберусь до тебя! — закричал киммериец, которого уносили прочь пятеро младших служителей Сета.

Через некоторое время он оказался в храме, где его споро принялись привязывать к алтарю. «Похоже, мне суждено погибнуть во славу Зла», — думал Конан. Увы, остановить происходящее он не мог. Надежда на спасение постепенно затухала в душе киммерийца. Он понимал, что помочь ему выпутаться из этой переделки способны только боги.

— Кром, — прошептал киммериец, — дай мне сил!

— Я, конечно, не тот, к кому ты взывал... Но выручить могу, — заявил Тулуоз, внезапно возникнув перед ним. Из рук карлика вылетело несколько смертоносных огненных шаров, без труда уничтоживших слуг Отца Тьмы, которые занимались подготовкой к жертвоприношению. — Не ожидал меня увидеть?

— По правде сказать, нет.

Тем временем коротышка, взяв у одного из поверженных змеепоклонников меч, который тут же окутался голубым свечением, перерубил связывавшие киммерийца веревки.

— Мне пришлось применить весьма могущественные чары, чтобы освободить тебя. Верховный жрец наверняка это почувствовал, — заметил карлик. — Так что нам надо спешить.

— Куда мы направимся?

— А ты как думаешь? — ухмыльнулся тот. — Кстати, Конан, тебя не удивило, что в городе мы встретили только отравленных злом простых жителей — и еще служителей Сета? Куда же делось Братство Смерти?

— Воины Серых Пределов больше стали не нужны змеепоклонникам, и те их уничтожили, — предположил киммериец. — Культ Отца Тьмы обладает огромным могуществом!

— Да, верно, зла на земле всегда было много, — согласился Тулуоз.

Так, беседуя, они дошли по коридору до поворота, из-за которого струился золотистый свет. Осторожно заглянув туда, Конан увидел Розу Жизни.

Но она предстала перед ним в совершенно ином виде. Изящный безжизненный талисман, каким Роза явилась ему прежде, теперь был полон всесокрушающей мощи.

— Почему? — только и спросил киммериец.

— Верховный жрец попытался подчинить себе талисман, — заулыбался карлик. — Чем больше магии он потратит в этом бессмысленном занятии, тем будет лучше для нас! Кроме того, он, похоже, заставил всех своих рабов покинуть эту часть храма, чтобы его не отвлекали!

— Да, похоже, этот ублюдок увлекся не на шутку!.. — с насмешкой прошептал Конан.

Только теперь, отвлекшись от созерцания талисмана, он как следует разглядел жреца. В одной руке служителя Сета была зажата Роза, другой он делал непонятные пасы. На его лице застыло сосредоточенное выражение. Он был настолько поглощен своим занятием, что не замечал ничего вокруг.

Сжав в руке меч, Конан подскочил к верховному жрецу.

— Больше ты не сможешь предаваться своему черному колдовству!

— Стой! — выкрикнул карлик. Но было уже поздно. Каким-то неестественным образом поклонник Сета сумел извернуться, спасшись от смертельного удара. Зашипев, змеепоклонник выдернул из-за пояса кинжал и метнул его в киммерийца. Лезвие достигло цели, вонзившись Конану в плечо.

— Прощай, варвар!

— Клинок отравлен... — растерянно прошептал киммериец, ощущая, как силы постепенно покидают его.

Он на нетвердых ногах приблизился к празднующему победу врагу — и внезапно вырвал у него из рук Розу Жизни.

— Я вручаю талисман тебе, Тулуоз! — крикнул Конан.

— О, да! — захохотал карлик, наливаясь черной силой. Рядом с ним даже жрец Отца Тьмы теперь выглядел преисполненным доброты. — Наконец я обрел то, о чем так мечтал!

Он преображался на глазах. Зло исказило его черты. Тьма струилась к нему со всех сторон, насыщая карлика, который словно бы разбухал, становясь все больше и больше.

— Никогда не думал, что в Розе Жизни сосредоточено столько могущества, — пораженно прошептал верховный жрец Сета, непроизвольно отшатываясь от Тулуоза.

Яд, попавший в кровь киммерийца, не спешил убивать его. Он действовал медленно, доставляя своей жертве чудовищные муки... Пот выступил на лице Конана, борющегося с болью, охватившей все его естество. Его тело умоляло о милосердии, стремясь как можно быстрее погрузиться в спасительный сумрак. Но киммериец не желал терять сознание, предчувствуя, что скоро должно произойти нечто очень важное.

— О, всемогущий Сет! — запричитал верховный жрец. Внезапно он тоже начал меняться. В глазах запылало зарево, человеческое тело при-

нялось трансформироваться, расти... И вот уже служитель Отца Тьмы сам превратился в змея.

— Кто посмел противиться мне?! — громовой голос Тулуоза разнесся по коридорам храма.

— Я! — прошипел змей, бросаясь вперед. Его хвост, обвив тело владельца Розы Жизни, принялся медленно скручиваться, сдавливая карлика.

— Нет! — завопил тот, стискивая талисман.

Некоторое время двое титанов боролись друг с другом. На стороне принявшего свой подлинный облик верховного жреца был опыт и покровительство Сета, Тулуоз же обладал невиданной мощью, — с которой полностью еще не успел освоиться. Но вот жрецу наконец удалось сокрушить человека, вздумавшего равняться с богами. Словно никчемную куклу, он отбросил мертвеца в сторону.

Что было дальше, Конан помнил смутно, его силы подходили к концу. Он больше не мог сопротивляться тлетворному действию отравы, сжигающей его изнутри. Смерть, с орденом которой он вступил в противоборство, все же пришла за ним. *Кром, неужели это конец? Я отправляюсь к тебе, но Серые Равнины, где больше никогда не увижу света солнца?*

— Нет, — с трудом разлепив пересохшие губы, прошептал Конан. — Я не должен умирать, я еще столько не сделал в этой жизни...

— Ты не погибнешь! — внезапно перед собой он увидел окутанного дымкой белого света чародея Асулуса. Хранитель Розы казался чем-то очень доволен. К губам умирающего он поднес

какую-то глиняную плошку, и киммериец бездумно сделал глоток, толком не понимая, что происходит. — Все вышло именно так, как я и рассчитывал! Даже лучше!

— Я мертв? — поинтересовался киммериец, неожиданно почувствовавший себя гораздо лучше.

— Нет. Мы с тобой, Конан, все еще топчем грешную землю Хайбории!

— Но ты же... я...

— Ты, наверно, о многом хочешь спросить меня? — улыбнулся Асулус, держа в руке Розу Жизни. — Хорошо, я отвечу на все твои вопросы.

— Почему я все еще жив?!

— Тебе повезло: у меня было противоядие.

— Понятно, — сказал киммериец, недоверчиво глядя на него. Вся эта история теперь казалась ему очень подозрительной. Он был уверен, что Хранитель Розы использовал его в своих интересах. — Как тебе удалось выжить?

— Все просто. Я еще несколько месяцев назад узнал, что за моим талисманом началась настоящая охота. И чтобы спастись и сохранить у себя Розу Жизни, мне потребовалось разыграть небольшое представление. По звездам я вычислил, что единственный человек, который подойдет на главную роль — это ты! Остальное было делом времени. Я не стал препятствовать, когда Братство Смерти похитило у меня Розу. После чего я нанял тебя и разыграл собственную гибель. О том, что было дальше, ты знаешь.

— Ты копался в моей голове? — зло поинтересовался Конан.

— Не совсем так. Я сам вселился в тебя на время, — честно признался Асулус. — Если бы я время от времени не подправлял твои мысли, ты бы уже кому-нибудь продал мой талисман. И тогда бы мой тщательно разработанный план рухнул. Я не мог этого допустить.

— Если тебе было нужно, чтобы я оказался в Туврэке, зачем ты отговаривал меня ехать сюда?

Маг усмехнулся

— Я рассчитывал, что ты все равно не слушаешь, и это дело интересует тебя еще сильнее. Если бы я сразу рассказал тебе всю правду, ты вряд ли стал бы помогать мне. Да и потом, твои мысли легко могли прочесть враги. А поскольку ты ничего не знал, то и мои противники остались в неведении, терзаясь догадками.

— А что стало с братством?

— О! Как я и задумывал, верховный жрец уничтожил его. Также он победил Тулуоза, мага-отшельника. Я появился, когда служитель культа Сета уже изрядно ослабел после битвы с кардиком. Мне ничего не стоило добить его, испепелив дотла. С его смертью разрушилось и колдовство, довлевшее над городом. Местные жители освободились от власти Зла, змеепоклонники поспешили сбежать прочь... Итак, ловкая интрига — и теперь у меня больше нет опасных противников.

Гнев переполнял киммерийца. Ему хотелось разорвать Хранителя Розы на куски, но он сдержался. Все-таки хитроумие Асулуса было достойно восхищения.

— Прости меня, киммериец! Но если бы я поступил по-другому, то талисман мог попасть в злые руки. И случилось бы куда большее Зло. Ты сам стал свидетелем того, во что превратился Тулуоз, едва почувствовал могущество Розы!

— Выходит, талисман дает силу?

— Он вручает своему владельцу власть над всем живым на земле, — отозвался Асулус. — Я создал Розу Жизни, боясь, что однажды Зло может победить... Ее местонахождение я держал в тайне, но Тьме удалось разузнать о талисмане.

— А почему нельзя просто уничтожить Розу, если она так опасна?

— Увы, это невозможно, — печально произнес маг. — Я выпустил на волю могучие силы. Теперь остается лишь пытаться удержать их в узде... — В его голосе звучала нечеловеческая усталость.

— Понятно, — кивнул Конан. Его ярость внезапно куда-то улетучилась. Вложив меч в ножны, он побрел к выходу из храма Сета. Будь они неладны, все эти колдуны, их заклятья и интриги! Насколько жизнь без них была бы проще!..

— Эй! — позвал его Асулус. — Я забыл сказать, что перед воротами храма тебя поджидает твой конь, а в седельных сумках ты найдешь четыре полных кошелька золота. Думаю, это достойная плата за все, что ты совершил!

Киммериец не оглянулся, чтобы ответить.

Впереди его ждал долгий-долгий путь, в конце которого он надеялся обрести покой в ледяных чертогах Крома.

СОДЕРЖАНИЕ

Олаф Б. Локнит. Слова, слова, слова..... 5

КОРОНА АКВИЛОНИИ

Олаф Бьорн Локнит

Краткое предварение..... 43

Часть 1. Тайные игры

Глава первая..... 45

Глава вторая..... 82

Глава третья..... 121

Глава четвертая..... 154

Завершение части первой..... 191

Часть 2. Под знаменем Черных Драконов

Глава первая..... 213

Глава вторая..... 249

Глава третья..... 282

Серж Неграш Владыка Леса 319

Роза Жизни..... 352

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

*Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой
книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой
информации. Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.*

Литературно-художественное издание

Конан и Владыка Леса

Локнит Олаф Бьорн

Корона Аквилонии

Роман

Неграш Серж

Владыка Леса

Рассказы

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*

Составитель *Наталья Баулина*

Художественный редактор *Игорь Богданов*

Верстка: *Ирина Федорова*

Технический редактор *Валентин Успенский*

Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ», 368560, Республика Дагестан,
Каякентский район, с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»

Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999

Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А

Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125

sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.2002.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42

Республиканское унитарное предприятие
«Полиграфический комбинат имени Я. Коласа»
220600, Минск, ул. Красная, 23

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЬМЫ 45	КОНАН И ПЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ 49
КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КЛЕЙМО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХСВИН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИЕ СВЕТА 54	КОНАН И СТИШЕЕ ЗЛО 55	КОНАН И ЗВЕЗДЫ ШАДИЗАРА 56
КОНАН И СКАП ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СВЯТИЛИЩЕ ПИКТОВ 59	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛЬ МОЛНИЙ 60	КОНАН И ТИТРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН И ВСАДНИКИ БУРИ 62	КОНАН И СЛЕД ИСПОЛИНА 63
КОНАН И СЛУГА ТУМАНА 64	КОНАН И ЛИК ЗВЕРЯ 65	КОНАН И ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРТОСА 68	КОНАН И АЛАЯ ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАНЕЦ ПУСТОТЫ 70
КОНАН И ПОСЛАНИЕ МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72	КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ПРИНЦ ЗИНГАРЫ 74	КОНАН И ЖЕМЧУЖИНА ПУСТЫНИ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И СОКРОВИЩА ТАРАНТИИ 77
КОНАН И НЕФРИТОВЫЙ КУБОК 78	КОНАН И УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ 79	КОНАН И СТРАННИКИ МОРЕЙ 80	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ 81	КОНАН И ВЛАДЫКА ЛЕСА 82		

KOHAN

ISBN 5-17-016074-7

9 785170 160747